

Восточный архив

Дополнения (3), 2025

«Восточный архив» издаётся Институтом востоковедения РАН с 1998 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС77-32098 от 30 мая 2008 г.

Редакционный совет

В.В. Наумкин – председатель
В.В. Беляков – зам. председателя
Н.Г. Романова
М.Р. Рыженков
А.Д. Васильев

Редколлегия

В.В. Беляков – главный редактор
Н.К. Чарыева – ответственный секретарь
Л.В. Зеленина
А.Ш. Кадырбаев
Ю.Н. Тихонов

Вёрстка

Д.В. Татнинов

Воспроизведение или распространение полностью или частично текста **«Восточного архива»** в любой форме и любыми способами не допускается без письменного согласия редколлегии.

Позиция редакции не обязательно совпадает с мнениями авторов.

При цитировании ссылка на журнал **«Восточный архив»** обязательна.

Журнал на сайте Института востоковедения РАН: <https://ivran.ru/vostochnyj-arhiv>

Адрес редакции:

103031, Москва, Рождественка, д. 12, комн. 139.
E-mail: orientalarchive@yandex.ru

© Авторы, 2025

© Институт востоковедения РАН, 2025

Подписано в печать 21.11.2025

Объем 12 п.л. Тираж 80 экз.

Отпечатано в изд-ве «Пробел-2000»

109544. Москва, Рабочая ул., 91

Цена в розницу договорная

СОДЕРЖАНИЕ

Слово редактора	3
Рыженков М.Р. Борьба за Сирию в 1830-х годах. Новые источники в российских архивах	4
Гоков О.А. Общество любителей кавказской археологии и участие в нём членов Кавказского отдела Императорского Русского географического общества	20
Борошко С.Л., Божинская-Арандаренко Л.В. Нагорные тюмени Зеравшанского округа в 1874–1876 годах в публикациях военного востоковеда Г.А. Арандаренко	46
Грушевой А.Г. Арабы-христиане Иерусалимского патриархата в изображении архивных документов из фондов Архива внешней политики Российской империи	67
Борошко С.Л., Божинская-Арандаренко Л.В. Путешествие Шарля-Эжена Уйфальви в «страну Гальча» – нагорные тюмени Зеравшанского округа	81
Наши авторы	94

DOI: 10.31696/2072-5795-2025-2a-3

СЛОВО РЕДАКТОРА

Дорогие коллеги!

Предлагаем вашему вниманию очередной выпуск «Восточного архива. Дополнения». Сложился он благодаря поступающим в редакцию статьям, которые больше объёма, обычного для журнала. Все они написаны на дореволюционную тематику.

С.Л. Борошко и его супруга – Л.В. Божинская-Арандаренко иногда не укладываются со своими материалами в традиционный объём «Восточного архива». Наверное, потому, что готовят статьи вместе. В нынешнем номере их материалов два, и оба посвящены публикациям военного востоковеда Г.А. Арандаренко, служившего в Центральной Азии вскоре после её присоединения к Российской империи. В одном из них рассказывается о нагорных тюменях Зеравшанского округа, в другом – о путешествии туда венгерского учёного Шарля-Эжена Уйфальви.

Начинается же номер со статьи М.Р. Рыженкова о ситуации в Сирии в 1830-х годах. Это был период борьбы окрепшего Египта с Османской империей. Войска Мухаммеда Али вторглись на территорию своего сюзерена. Военные действия шли через земли Сирии, а о ней в России почти ничего не знали. Так что в 1838 году отправили туда русского офицера капитана И.Ф. Дайнезе. Он подробно описал то, что увидел в этой ближневосточной стране.

О.А. Гоков продолжает исследование гуманитарных организаций завоёванного Россией Кавказа. На этот раз он рассказывает об Обществе любителей кавказской археологии. Находки на Кавказе поначалу были случайными. Чтобы исследовать археологию системно, нужно было создать занимающуюся этим организацию. В 1868 году такая организация была создана и просуществовала вплоть до Первой мировой войны. Она была ответвлением от Кавказского отдела Императорского Русского географического общества.

Статья А.Г. Грушевого посвящена уже началу XX века. Он описывает этноконфессиональный конфликт греков и арабов на территории Иерусалимского патриархата. Приведённые автором документы были направлены в совет Императорского Православного Палестинского общества.

На этом всё. Желаю успехов!

В.В. Беляков

БОРЬБА ЗА СИРИЮ В 30-Х ГОДАХ XIX ВЕКА. НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ В РОССИЙСКИХ АРХИВАХ

Крайне беспокойными выдались для Сирии¹ 1830-е годы. После трёх десятилетий, прошедших со времени сирийского похода генерала Бонапарта, эта область снова стала жертвой внешнего вторжения, на этот раз армии египетского паши Мухаммеда Али. Албанец по происхождению, ставший с 1805 года наместником османского султана в Египте, Мухаммед Али постепенно добился большой самостоятельности. Британский путешественник и востоковед Э.У. Лэйн так характеризовал этого правителя после двадцати лет во власти: «За последние годы Египет претерпел большие политические изменения и почти вышел из-под турецкого владычества. Уничтожив мамлюков, которые при его предшественниках управляли страной, нынешний паша (Мухаммед Али) стал почти независимым главой государства. Он, однако, признаёт свою преданность султану и в соответствии с обычаем отправляет в Константинополь дань; более того, он обязан уважать лишь основные законы, содержащиеся в Коране и в хадисах, в остальном его власть ничем не ограничена. Паша может отправить на казнь любого из своих подданных без всякого суда и без объяснения причин: одним движением руки он выносит приговор об отсечении головы. Но это не означает, что паша склонен проливать кровь без всякого на то основания, для этого правителя скорее характерна строгость, нежели бессмысленная жестокость; почти всеми его действиями, принесшими ему как похвалы, так и нарекания, движет беспредельное честолюбие»².

Преобразования с претензией на европеизацию, проводимые Мухаммедом Али в Египте, снискали ему популярность в Европе, особенно во Франции, но были и критические оценки его деятельности. Русский

востоковед О.И. Сенковский, удостоившийся аудиенции у правителя, отзывался о нём так: «Разговор самый обыкновенный и вовсе не обличает высокого ума. Понятия его о делах – безграмотные. Но предложите ему что-нибудь обещающее большие барыши, это он поймёт превосходно и даже удивит вас своей изобретательностью»³.

Впрочем, характеристики Э.У. Лэйна и О.И. Сенковского не противоречат друг другу, Мухаммед Али действительно был государственным деятелем чрезвычайно прагматичным и с большими амбициями. По сути, его реформы в Египте были теми же реформами султана Махмуда II, получившими наименование Танзимата, но проводившимися более последовательно и успешно.

Воспользовавшись поражением Турции в войне с Россией в 1829 году, правитель Египта начал открытую борьбу против султана. Основанием ему послужило то, что сузерен не вознаградил его за поддержку в войне против мятежной Греции, а, между прочим, египетский флот вместе с турецким подвергся разгрому в Наваринском сражении. Предоставление в управление разорённого Крита не компенсировало Мухаммеду Али понесённого ущерба.

В это время в Сирии, разделённой на несколько пашалыков, началась междоусобная борьба местных пашей, один из которых, правитель Акки Абдалла-паша, претендовал на захват Дамаска и всей Сирии и к тому же сотрудничал с восставшими греками. Осенью 1831 года египетские войска под командованием сына правителя, Ибрагим-паши, начали военные действия против турок в Сирии. Через год египтяне овладели горными проходами Тавра и вторглись в пределы Анатолии. В декабре 1832 года турецкие войс-

ка были разгромлены в битве у Коньи, а их командующий, великий визирь, взят в плен. Ибрагим-паша угрожал уже непосредственно столице Османской империи.

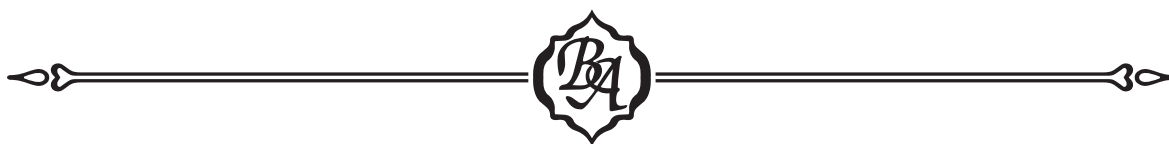
В Петербурге пристально следили за успехами египтян, особенно тогда, когда военные действия стали приближаться к границам России. Николай I, не испытывая особо дружеских чувств к Османской империи, всё же предпочитал видеть своим соседом слабого и нерешительного султана Махмуда II, к тому же испытывавшего на себе силу русского оружия, чем энергичного и сильного Мухаммеда Али. Поэтому, когда египетское наступление стало угрожать самому существованию Османского государства, царь решил вмешаться в конфликт на стороне султана. В декабре 1832 года в Стамбул, а затем в Александрию был направлен в качестве специального посланника Николая I генерал-лейтенант Н.Н. Муравьев (впоследствии Муравьев-Карский). Поручение, данное ему лично царём, заключалось в следующем: поддержать Махмуда II обещанием военной помощи в случае необходимости; угрожая этим Мухаммеду Али, заставить его прекратить военные действия против султана и вступить с последним в мирные переговоры. При этом царь заявлял, что он не собирается вмешиваться в сами переговоры и влиять на условия мирного соглашения между Турцией и Египтом. Главная цель России состояла в сохранении Османской империи, пусть и ослабленной территориальными уступками Египту. В феврале 1833 года в Босфор прибыла русская эскадра под командованием контр-адмирала М.П. Лазарева, а затем ещё один отряд кораблей с десантными войсками на борту. Русские полки расположились лагерем на азиатском берегу Босфора в местечке Ункяр-Искелеси.

Вмешательство России вынудило правителя Египта пойти на переговоры с султаном, и по Кютахийскому миру (4 мая 1833 года) египетский паша стал также наместником Сирии и области Аданы, а египетские войска были выведены из Анатолии. Такой мир характеризовался неустойчивым равновесием, поскольку его условия не слишком устраивали обе стороны. Султан Махмуд II не мог смириться с фактической независимостью

Египта, да ещё и с потерей Сирии. Он настаивал на продолжении вассальных выплат со стороны Каира, а теперь ещё с учётом налоговых поступлений с сирийских провинций. Что касается Мухаммеда Али, то его амбиции простирались гораздо дальше позиции султанского наместника. Он видел себя главой своего независимого государства, если не всей Османской империи. Было очевидно, что при таком настроении сторон неизбежно новое военное столкновение, причем театром военных действий станут Восточная Анатолия и Сирия.

До тех пор Сирия присутствовала в русских источниках, начиная с XII века, исключительно как объект паломничества к Святым местам. Светские путешественники вроде О.И. Сенковского были редким исключением. Первая попытка изучить сирийский театр военных действий была предпринята при отправлении миссии Н.Н. Муравьева в конце 1832 года. Вот что он писал позднее: «По воле его величества и с распоряжения военного министра был назначен для состояния при мне Гвардейского генерального штаба полковник Дюгамель, которого, однако же, снабдили особнным наставлением, определившим занятия его, а мне велено было содействовать ему в исполнении возложенного на него дела. <...> Ему было сказано, что из Константинополя он будет мной отправлен в Египет сухим путём, чтобы обозреть действующие силы Турции, состояние Сирии, узнать о духе жителей её и положении египетской армии»⁴.

Полковник А.О. Дюгамель (впоследствии генерал от инфантерии и генерал-губернатор Западной Сибири) действительно отправился в январе 1833 года навстречу армии Ибрагим-паши, а затем в Сирию. Зимний переход через хребет Тавра стал для него тяжёлым испытанием. Позднее он писал в своей автобиографии: «Не сумею передать всех страданий, которые мне довелось испытать, проезжая этими негостеприимными горами, в которых нигде нет жилья и по которым обыкновенно стараются проехать как можно скорее, чтобы не заморить выючных животных. <...> Когда мы переезжали вершины Тавра, стояла совершенная зима, а 36 часов спустя я уже видел

покрытые плодами апельсиновые деревья. Не помню, чтобы когда-нибудь мне приходилось испытать такую резкую перемену температуры, что и подействовало весьма губительно на моё здоровье. В самый вечер моего приезда в Тарс (место рождения апостола Павла) со мной сделалась лихорадка, и я тотчас догадался, что заболел опасно»⁵. Дюгамель был вынужден отказаться от дальнейшего путешествия и после длительного лечения на Родосе вернулся в Константинополь.

Несмотря на неудачу миссии Дюгамеля, в Главном штабе не оставляли попыток получить достоверные сведения о положении дел, причём не только сугубо военных, во внутренних областях Азиатской Турции и в Сирии. В докладной записке от 23 февраля 1833 года на имя военного министра генерал-квартирмейстер Главного штаба А.И. Нейдгарт писал: «При нынешнем положении дел, с овладением Сирией пашой египетским, средняя часть Азиатской Турции получила особенную для нас важность. Поперечные сообщения между Чёрным морем и Сирией, равно как между Арменией и сей последней областью, преимущественно обращают на себя внимание, не токмо в военном, но ещё более в торговом отношении. Ныне все почти караваны, следующие из Алеппо через Токат и Ангору, имеют единственное направление к Константинополю, служащему главным пунктом складов и сбыта восточных товаров. С открытием же хороших путей из Сирии к приморским городам Синопу, Самсуну и Требизонту торг сей получит новое направление, и тем, без сомнения, послужит к вящему распространению торговых оборотов жителей южной части России. О сообщениях сих не имеется никаких подробных сведений, ибо большая часть путешественников, бывших в Азиатской Турции, исключительно исследовали южные и западные провинции оной. <...> Полагая, сколь подробное обозрение сей части Турции было бы выгодным во всех отношениях, я долгом считаю представить о сём вашему сиятельству, считая возможным для исполнения сего важного, хотя трудного предприятия командировать опытных и сведущих офицеров Генерального штаба, в случае, если со стороны Министер-

ства иностранных дел не будет встречено каких-либо препятствий»⁶.

О реакции МИД сообщалось в следующей докладной записке от 5 апреля 1833 года: «Господин вице-канцлер, по занятию в настоящее время значительной части Азиатской Турции войсками мятежного пашы египетского, находя большое неудобство в командировании туда офицеров Генерального штаба, вместе с тем сообщил, что с прекращением военных действий, по мнению его, к достижению упомянутой цели представляется следующий единственный способ: опытных офицеров Генерального штаба, обратив в гражданскую службу именованно, причислить к Министерству иностранных дел, а сие откомандирует их в разные консульства наши в Азии в качестве секретарей при консульствах, где, сначала ознакомясь, могут потом под предлогом дел по консульству разъезжать в разные направления и делать своё дело»⁷.

Предложение дипломатического ведомства было одобрено в Военном министерстве, и на Ближний Восток были командированы офицеры Генерального штаба М.П. Вронченко и П.П. Львов, первый в качестве секретаря консульства в Смирне, а второй – в Александрии. Объектом изучения для Вронченко была Малая Азия до условной восточной границы по линии Самсун – Токат – Адана, а вся Восточная Анатолия и Сирия входили в сферу интересов Львова⁸.

Результаты исследований М.П. Вронченко были опубликованы им почти сразу после возвращения в Россию в «Записках» Военно-топографического депо⁹, а через год вышли отдельным изданием¹⁰. Что же касается трудов П.П. Львова, то им суждено было в виде рукописей в Военно-учёном архиве ожидать публикации более полутора столетия. Только в 1991 году был опубликован его очерк «Сирия»¹¹ (в 1992 году он был переведён на арабский язык и опубликован в Бейруте), а ещё через тридцать лет вышел из печати его главный труд «Восточная Анатолия и часть Турецкого Курдистана»¹², где в предисловии подробно изложены факты биографии автора.

Львов находился в Сирии в 1834-1835 годах, когда новая египетская система управле-

ния этой областью ещё находилась в стадии формирования и была ближе к оккупационному режиму. При этом новые власти, открыто преследуя цели собственного обогащения, не будучи уверены в прочности своего завоевания, проявляли мало заботы о благосостоянии населения, справедливости налогообложения и судопроизводства. «Вообще правительство как бы соединяет все принадлежности средств приобретения богатств без внимания к частным и общим угнетениям, и там, где открытая сила могла бы возбудить дурные последствия негодования, оно делается монополистом – торгашом и ростовщиком; собранные с жителей капиталы отдаются беднейшим для приобретения процентов, сбыт продуктов с непрерывными запрещениями почти не вознаграждает тяжёлого труда, и, наконец, частые поборы под предлогом особых надобностей уничтожают, можно сказать, всякое начало благосостояния. Система такого рода переходит ко всем частным владельцам, и можно сказать, что одно только присутствие значительной армии ещё удерживает спокойствие края и уничтожает непрерывные возмущения, особенно в горной части Сирии»¹³.

Русские интересы в этом регионе П. П. Львов характеризовал следующим образом: «Здесь-то, может быть, предстояла бы возможность прямых сношений России с Сирией, ибо поперечное расстояние между Чёрным морем и берегами Александретского залива, кроме ничтожного расстояния в 600 вёрст, представляет все выгоды удобного пути, и, соображая трудности удалённых сношений Европы, все выгоды остаются на стороне нашего полуденного края; важность же таких сношений по разнородности и богатствам местных произведений Сирии делается неоспоримой»¹⁴.

Очерк Львова удовлетворял потребности Департамента Генерального штаба, но, ввиду нестабильности в регионе, военное ведомство нуждалось в постоянном обновлении сведений о ситуации в Сирии. В апреле 1836 года вторую, более удачную поездку туда предпринял уже упоминавшийся полковник А.О. Дюгамель, назначенный генеральным консулом в Египет в 1833 году и остававший-

ся на этой должности до 1837 года. В своей автобиографии он писал: «После усмирения намлийских горцев¹⁵ до нас стали доходить из Сирии самые противоречивые известия. Я счёл своей обязанностью съездить туда, как для того, чтобы точно и беспристрастно судить о настроении умов, так и с целью поглядеть на применение правительственной системы, изобретённой вице-королем (Ибрагим-пашой. – М.Р.) Сирии»¹⁶.

Начав свою поездку в Бейруте, Дюгамель встречался с эмиром горного Ливана Беширом II Шихабом в его резиденции в Дейр-эль-Камаре, затем отправился через Триполи, Латакию и Антиохию в Алеппо. На обратном пути он проехал через Хама и Хомс в Дамаск, а затем далее в Палестину. Во время путешествия он обращал внимание на «нравы, обычаи, гражданское устройство, разнообразие растительности, различные способы орошения полей, наконец, исторические памятники исчезнувших народов». Всё это он описывал в письмах к своему отцу, которые после смерти последнего были утрачены.

Со времени оккупации Сирии египтянами прошло уже более трёх лет, поэтому Дюгамель мог наблюдать уже более устоявшиеся характерные черты новой власти: «Египетское управление ложилось очень тяжёлым гнётом на народ, вследствие обременительных налогов и воинской повинности, с которой он не был знаком до того времени, и вообще возбуждало против себя глубокую ненависть во всём населении. Но зато, с другой стороны, египетское управление своими строгими мерами успело водворить порядок в стране, где прежде царствовала полнейшая анархия. Теперь без всякого конвоя и не подвергаясь ни малейшей опасности, можно было проехать всю Сирию из конца в конец; ни прежде, ни после ничего подобного не было в этом крае, населённом буйными разбойничьими племенами и сверх того вечно подвергавшемся хищническим набегам бедуинов пустыни. Затем, в то же время я убедился, что лучшим руководителем для путешествия по Палестине всегда будут Библия и Евангелие, ибо характер страны, нравы, обычаи и одежда жителей так мало изменились в течение столетий, что на каждом шагу пора-

жаешься сходством того, что видишь, с тем, что говорится в Священном Писании»¹⁷.

Между тем, турецко-египетские отношения оставались крайне напряжёнными. Египетский паша настаивал на признании своей власти наследственной, а султан требовал вассальных платежей и оспаривал существовавшее де-факто разграничение. Махмуд II в 1834 году не только открыто поддержал восстание сирийских горцев, выступивших против новых порядков, но и направил войска на левобережье Евфрата к Урфе, чтобы «правильно провести границу». Вмешательство великих держав, начавших новые переговоры, лишь отчасти разрядило ситуацию. Ибрагим-паша отбил Урфу и, подавив мятеж, вернул ситуацию к предыдущему статусу. Но стороны продолжали вооружаться, переговоры затягивались и в конце 1837 года были прерваны.

Россия не могла относиться безучастно к этим событиям, имея перед Турцией союзнические обязательства по Ункяр-Искелесийскому договору 1833 года. Департамент Генерального штаба, военный министр и сам император Николай I были крайне заинтересованы в получении актуальной информации о положении в Сирии. Поэтому, когда адъютант генерал-квартирмейстера Действующей армии капитан лейб-гвардии Павловского полка И.Ф. Дайнезе изъявил желание отправиться на Восток для совершенствования своего знания турецкого и арабского языков, идея такой командировки получила высочайшее одобрение.

В прошении на высочайшее имя от 9 ноября 1849 года генерал-майор Иосиф Францевич Дайнезе писал: «После смерти отца моего, уроженца города Вероны, что в Ломбардо-Венецианском королевстве, я прибыл в 1817 году на 15-летнем возрасте моём в Россию, где вырос, обучался и вступил в военную Вашего императорского величества службу, которую продолжаю по настоящее время»¹⁸. Эти данные подтверждает формулярный список 1849 года¹⁹, где Дайнезе значится 47 лет от роду (т.е. 1802 г.р.), происхождением из итальянских дворян, римско-католического вероисповедания. Причина, по которой он поступил на русскую службу, а не на австрий-

скую (Ломбардо-Венецианское королевство входило в состав Австрийской империи), нам неизвестна. Возможно, его мать была русской, или в России жили другие его родственники. Несмотря на юный возраст, в 1817 году он поступил подпрапорщиком в Сибирский гренадерский полк, где уже менее чем через год, 17 апреля 1818 года, был произведён в первый офицерский чин прапорщика, а ещё через год его производят в подпоручики. Столь успешно начавшаяся военная карьера внезапно прерывается 14 января 1820 года, когда юный подпоручик, которому не исполнилось ещё 18 лет, увольняется в отставку «по домашним обстоятельствам».

Формулярный список не уточняет, в чём заключались обстоятельства, побудившие И. Ф. Дайнезе отказаться от службы, чем он занимался и где находился в течение почти девяти лет, до октября 1828 года, когда снова был принят в русскую армию с тем же чином подпоручика в 6-й Карабинерный полк. Есть, однако, основания считать, что время нахождения в отставке молодой человек использовал для усовершенствования своего образования. В графе его формуляра: «В каком казённом заведении окончил воспитание и с какими правами выпущен; если же в сих заведениях не воспитывался, то какие знает науки и языки» значится: «По-русски, по-французски, по-итальянски, по-гречески, по-арабски, по-турецки, географию, историю, политическую экономию, чистую и прикладную математику, физику и рисование знает». При этом никакое казённое учебное заведение не названо, а о частных формулярный список не вопрошал. Даже если предположить, что европейские языки он мог изучать ещё в доме своего отца в Вероне, как и начала естественных и гуманитарных наук, то вот изучение арабского и турецкого языков, очевидно, происходило как раз в период отставки и, скорее всего, где-то в пределах Османской империи.

Во всяком случае, начальство здраво рассудило, что использовать такого образованного офицера как простого строевого подпоручика было бы нецелесообразно, и вскоре он начинает выполнять особые задания. В формулярном списке мы читаем: «В 1829 году по

высочайшему повелению командирован был для препровождения из г. Одессы в С. Петербург турецких полномочных, за что награждён годовым жалованием». Далее документ сообщает: «В 1830 году находился переводчиком при турецком посольстве, и за сие всемиловейше пожаловано 200 червонцев». Речь шла об участии в переговорах по восстановлению дипломатических отношений после окончания войны 1828–1829 годов.

Казалось бы, после успешного выполнения подобных поручений прямая дорога молодому человеку на службу в МИД, где ещё в 1823 году при Азиатском департаменте было открыто Учебное отделение для подготовки драгоманов. Но Военное министерство, не имевшее в то время ещё подобного учебного заведения, само испытывало потребность в офицерах-восточниках. События, однако, вынудили на время позабыть о восточных сюжетах. В октябре 1830 года подпоручик Дайнезе назначается адъютантом к начальнику штаба Гренадерского корпуса, в составе которого он отправляется на подавление вспыхнувшего в ноябре восстания в Царстве Польском.

Почти весь 1831 год И. Ф. Дайнезе провёл в походах и боях: в феврале он участвовал в большом сражении под Гроховом, в мае – в сражении под Остроленкой, в августе – в осаде и штурме Варшавы, где получил пулевую контузию в шею. За отличия в сражениях он был награждён орденами Св. Анны 3 степени с бантом и Св. Владимира 4 степени с бантом. Ещё одной особой наградой стал перевод в гвардию, в лейб-гвардии Павловский полк, с почти одновременным назначением адъютантом к генерал-квартирмейстеру Действующей армии Ф.Ф. Бергу. Наконец, 2 сентября 1832 года Дайнезе получает за отличие по службе чин поручика.

Генерал-лейтенант Берг, бывший сам в своё время военным агентом при русской миссии в Константинополе, по достоинству оценил способности своего адъютанта. В феврале 1833 года поручик Дайнезе прикомандировывается к Генеральному штабу и назначается в состав десантного отряда на Босфор (среди его наград в формулярном списке значится «Турецкая медаль за де-

сантную операцию к Анатолийским берегам 1833 года»). В октябре того же года он уже штабс-капитан и сопровождает «по высочайшему повелению» турецкое посольство из Одессы в Санкт-Петербург. На следующий год «за совершенно удовлетворительное исполнение возложенного на него поручения в бытность приставом при турецком посольстве, всемиловейше пожалован бриллиантовым перстнем». 28 января 1836 года И. Ф. Дайнезе производится в капитаны, «с оставлением при прежней должности», т.е. все эти годы он в качестве адъютанта находился под непосредственным руководством генерала Ф.Ф. Берга. Не приходится сомневаться, что поездка Дайнезе в Сирию была предпринята, если не по инициативе, то при полном согласии с последним.

В докладе начальника Департамента Генерального штаба военному министру от 11 февраля 1839 года говорилось: «Вследствие записки господина главнокомандующего Действующей армией, в исходе апреля 1837 года государь император, по всеподданнейшему докладу его величеству Вашим сиятельством, высочайше соизволил изъяснить согласие своё на отправление в Сирию адъютанта генерал-квартирмейстера Действующей армии, л.-гв. Павловского полка капитана Дайнезе для практического повторения изученных им языков арабского, турецкого и новогреческого, который, после высочайшего смотра войск при г. Вознесенске, и отправился оттуда в Алеппо 24 сентября того же года. Согласно высочайшей воле государя императора, сказанному офицеру поручено было описать проеханные им пути и по возможности собрать сведения о теперешнем состоянии Анатолии и Сирии в военном отношении. Ныне генерал-адъютант Берг уведомляет Департамент Генерального штаба, что адъютант его капитан Дайнезе возвратился к своему месту в Варшаву 16 минувшего января; об успехе же выполнения сделанного Дайнезе поручения и вообще о путешествии его по Востоку, никаких сведений от генерал-квартирмейстера Действующей армии не доставлено»²⁰. Согласно резолюции военного министра графа А.И. Чернышёва, капитан Дайнезе обязывался представить описание

современного состояния Сирии и описания маршрутов пройденных им дорог.

Об обстоятельствах путешествия Дайнезе писал в рапорте на имя своего шефа, генерала Берга, следующее: «1) По совету нашего чрезвычайного посланника и полномочного министра при Османской Порте господина тайного советника Бутенева²¹, я отправился из Константинополя в Иерусалим морем под видом богомольца, дабы иметь случай возвратиться оттуда сухим путем, под предлогом опасения вторичного морского путешествия. 2) Бурей занесло меня к острову Кипру, причем судно, нанятое мной для сей поездки, разбилось, и мне не на чем уже было отправиться тотчас в Яффу, а потому, в ожидании случая для совершения сего переезда, сделаны мною некоторые обозрения на острове Кипре, и составленные из собранных мною сведений материалы для статистики сего острова имею честь представить при сём Вашему превосходительству на французском языке. 3) Имев случай проехать в различных направлениях по Сирии, составил я очерк состояния этой провинции, который, на французском языке, имею честь при сём представить Вашему превосходительству. 4) Проехав по Малой Азии в одном только направлении, я не имел возможности составить особенного описания сей обширной страны, а потому и должен был ограничиться помещением моих путевых замечаний об оной в примечаниях, включенных в подробных описаниях дорог, мною осмотренных; девять таковых описаний дорог²² в Сирии и Малой Азии на протяжении 294-х часов, или 1470 вёрст, имею честь представить Вашему превосходительству, возвращая при сём и полученную мной при вышепомянутом предписании господина начальника Главного штаба армии карту Турции, на которой означены голубой краской дороги, в поездку сию мной описанные. 5) Вместе с сим, считаю долгом иметь честь изложить Вашему превосходительству, что если я не собрал сведений, подробнейших представляемых мною, то потому единственно, что при наблюдениях моих я руководствовался правилом избегать всяких разведываний, могущих навлечь подозрение местных начальств в Азии, в том убеждении, что поль-

за, которую можно было бы извлечь из моих наблюдений, не вознаградила бы за неприятности объяснений, могущих возникнуть по сему случаю между нашим Посольством и начальствами Азии. 6) Совершенная невозможность собирать самому все сведения о крае без навлечения подозрений вынудила меня взять с собой из Константинополя армянина и турка, которые ездили несколько раз, первый по Сирии, а второй по Малой Азии; по прибытии же моём в Иерусалим, я нанял араба для присмотра за лошадьми, которых я необходимо должен был купить для того, чтобы избегать надзора почтальонов и чтобы не лишены быть возможности проезжать по пути, произвольно избираемому для обозрений местности и с необходимыми остановками, которые служат важным средством в сей стране для собрания точных сведений. Вследствие таковых обстоятельств – два переезда морем, разъезды мои по разным направлениям в Сирии, содержание при себе трёх вышеозначенных людей, бывших мне чрезвычайно полезными для собирания сведений, и два учителя турецкого языка, которым я платил за уроки в продолжении пяти месяцев в Константинополе, – были причиной, что издержки мои во время сей поездки превзошли отпущенную мне сумму, как видно из представляемого при сём отчета, и я принужден был израсходовать сверх оной суммы еще триста пятьдесят голландских червонцев, которые взяты мной заимообразно и для уплаты коих я не имею никаких способов»²³.

Труды капитана Дайнезе, по представлению, несомненно, генерал-лейтенанта Берга, получили отличную оценку главнокомандующего Действующей армией генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича князя Варшавского. В письме от 8 марта 1839 года к военному министру он писал: «Работа его вообще найдена здесь весьма удовлетворительной и полезной, особенно же примечательно описание Сирии. Почему я имею честь покорнейше просить Вас, милостивый государь, представить государю императору труд капитана Дайнезе и обратить всемилостивейшее воззрение его императорского величества на сего офицера, исходатайствовав ему производство в пол-

ковники. <...> Правительство будет иметь в нём, сверх того, офицера, которого с пользой можно употребить в осмотренных ныне им странах и вообще на Востоке»²⁴. После столь высокой рекомендации Дайнезе уже 20 марта 1839 года производят в полковники с переводом в Генеральный штаб, полностью компенсируют все расходы, связанные с поездкой в Сирию, а в декабре император пожаловал ему ещё две тысячи рублей.

Таким образом, карьера Иосифа Францевича Дайнезе сделала большой шаг вперёд – из заурядного гвардейского обер-офицера он стал признанным на высшем уровне специалистом-экспертом по Ближнему Востоку. В марте 1840 года он отправляется через Константинополь на Кавказ, откуда в сентябре возвращается в Санкт-Петербург «для личного представления военному министру донесения относительно поручения, данного ему по высочайшему повелению»²⁵. В сентябре 1841 года его командируют с секретным поручением в Эрзерум, затем он участвует в определении границ между Гурией и Аджарией, в 1842–1843 годах он был официальным представителем России при турецко-персидском разграничении, за что был награждён персидским орденом Льва и Солнца. В 1847 году его производят в генерал-майоры, в 1848 году он получает орден Св. Георгия 4 степени за 25 лет службы в офицерских чинах.

9 ноября 1849 года генерал-майор Дайнезе подал прошение о принятии его в российское подданство, объясняя это своим желанием быть причисленным к российскому дворянству. Столь запоздалый шаг после более чем 30-летнего пребывания на военной службе в России не был, очевидно, вызван карьерными соображениями. Возможно, это было связано с его женитьбой на фрейлине императрицы Александры Федоровны графине Марии Гавриловне Реймон-Моден. С разрешения императора Николая I он был приведён к присяге и причислен к дворянству Санкт-Петербургской губернии. В то же время, как следует из медицинского свидетельства, «после продолжительного пребывания в Азиатской Турции и других местах Востока, где повторительно подвергался лихорадкам и

желчным горячкам», Дайнезе стал страдать лёгочным заболеванием с признаками туберкулеза²⁶. На протяжении двух зимних сезонов 1852 и 1853 годов лечение минеральными водами в Италии приносило временное облегчение, но после возвращения в Санкт-Петербург болезнь вновь обострялась. Наконец, по его собственному прошению генерал-майор Генерального штаба И.Ф. Дайнезе был уволен высочайшим приказом от 30 ноября 1854 года в отставку «за болезнью, с мундиром и пенсией»²⁷. По некоторым сведениям, после отставки он жил за границей и скончался в 1873 году²⁸.

Публикуемая ниже в переводе на русский язык «Записка о Сирии» капитана И.Ф. Дайнезе представляет собой важный исторический источник. Составленная по результатам путешествия автора по Ближнему Востоку в 1838 году, «Записка» отражает ситуацию в Сирии после шести лет под властью египетского паши Мухаммеда Али. К тому времени не только вполне определились и приняли устойчивый характер основные черты нового правления, но и стали очевидны достижения и недостатки египетских властей. Помимо административного аспекта, в «Записке» нашли отражение проблемы экономики края, основы налогообложения и бюджета. Автор подробно описал состояние египетской армии в Сирии и попытки внедрения здесь воинской повинности. Это было то, что больше всего интересовало Департамент Генерального штаба и самого императора Николая I, по воле которого была организована командировка капитана Дайнезе. Для государя «Записка» была переписана каллиграфическим почерком на листах, проштампованных императорским вензелем, и переплетена в зелёную кожу с золотым тиснёным орнаментом и заголовком *Mémoire sur la Syrie en 1838*. Именно в таком виде она поступила в Секретный архив Департамента Генерального штаба и почти два столетия оставалась в единственном рукописном экземпляре.

По иронии судьбы, уже через год военное содержание «Записки» утратило свою актуальность. Весной 1839 года началась Вторая турецко-египетская война, которая коренным образом изменила положение Сирии. Пер-

выми открыли военные действия турецкие войска, но уже 24 июня сын Мухаммеда Али Ибрагим-паша выиграл решающую битву при Незибе, к юго-востоку от Газиантепа, а вскоре умер Махмуд II, и султаном стал его сын Абдул-Меджид I. Новый султан обратился за помощью к европейским державам, которые не без труда преодолели разногласия (во Франции симпатизировали правителю Египта) и солидарно выступили на стороне Османской империи.

Летом 1840 года началась военная интервенция Великобритании и Австрии в Сирию, 10 октября в районе Бейрута англо-австро-турецкий десант нанёс поражение египтянам, а 3 ноября после усиленной бомбардировки была взята Акка – последний оплот египтян на побережье Леванта. 27 ноября 1840 года в Александрии Мухаммед Али и адмирал Чарльз Нейпир заключили перемирие, которое фактически являлось капитуляцией Египта. По требованию европейских держав египетский паша отказался от своих притязаний на Сирию и Хиджаз в обмен на признание его наследственной власти в Египте и Судане.

Таким образом, «Записка о Сирии» капитана Дайнезе превратилась из актуального документа разведки в уникальный исторический источник о кратком, но ярком периоде жизни этого края. Дальнейшее изучение Сирии в 1840–1850-х годах связано с именем Константина Михайловича Базили (1809–1884), однокашника Н.В. Гоголя по Нежинской гимназии, русского генерального консула в Бейруте в 1844–1853 годах, донесения которого в итоге были обобщены в его капитальном труде «Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях», выдержавшем несколько изданий.

**Записка о Сирии 1838 года
капитана лейб-гвардии Павловского
полка И.Ф. Дайнезе,
адъютанта генерал-квартирмейстера
Действующей армии**

Административное деление

Сирия претерпела некоторые изменения в своих разделах с тех пор, как стала египетской провинцией. Единственная территория Дамаска сохранила свои прежние границы; его административный центр по-прежнему является столицей Сирии. Земли Акки простираются с севера на юг от Бейрута до Газы; на востоке их границы – южная оконечность Анти-Ливана, река Иордан и Мёртвое море; на западе береговая линия. Земли Алеппо ограничены землями Дамаска, Евфратом, Тавром и Оронтом. Территории, расположенные между рекой Оронтом, береговой линией и северной окраиной земли Акки, образуют департаменты Триполи и Латакия. Шуф, Джебзин и Бекаа составляют друзский Ливан. Адана и её территория дополняют семь департаментов современной Сирии.

Административное управление

Генерал-губернатор, пребывающий в Дамаске, управляет всей провинцией; два мудира командуют в Алеппо и Акке; три мутеселлима в Адане, Триполи и Латакии; горный эмир командует в Ливане. В каждом городе есть городской совет²⁹, состоящий из старейшин всех религий, который сменяется каждые четыре месяца и работает без оплаты; его возглавляет муфтий, который назначается и оплачивается правительством. Это суд первой инстанции; вторая инстанция находится в Дамаске; ещё не было примера апелляции в Александрии. В серьёзных делах мудиры и мутеселлимы нуждаются в санкции генерал-губернатора, чтобы принимать решения. Только горный эмир исключён из этой опеки, но это из личного уважения к нынешнему эмиру. В каждом городе есть мутеселлим и муфтий; к каждому мутеселлиму прикреплен мубашир, или управляющий делами налогоплательщиков. Все мубашеры находятся в непосредственном подчинении Главного сборщика налогов, пребывающего в Дамаске; они связаны с мутеселлимами лишь постоль-

ку, поскольку им нужна их поддержка для выполнения своих обязанностей. Все эти служащие находятся на содержании правительства. Генерал-губернатор получает тридцать тысяч голландских дукатов, мудиры – три тысячи дукатов, мутеселлимы – шестьсот и мубашеры – сто сорок четыре дуката в год.

Армия

В январе 1838 года в Сирии находилось 15 пехотных полков, 5 кавалерийских полков и 4 артиллерийских полка. Их состав включал в себя в общей сложности 54 000 военнослужащих регулярных войск, в том числе 48 000 пехотинцев, 5 000 кавалеристов, с 240 орудиями³⁰. Пехота выстраивается в три ряда; первый ряд становится на колени, чтобы дать возможность вести огонь двум другим; каждый полк состоит из 4 батальонов, разделённых на 8 рот по сто человек. Кавалерийские полки состоят из 2 эскадронов, разделённых на 3 роты по 135 человек в каждой. Полк пешей артиллерии разделён на 6 батарей по 12 орудий, в том числе один 9-фунтовый единокор, один 20-фунтовый и десять 4-фунтовых орудий; то же в конной артиллерии подразделяется на 6 батарей по 8 орудий, в том числе два 9-фунтовых единокорога, один 15-фунтовый и 5 орудий 4-фунтовых. Вся армия носит маленькую красную шапочку, за исключением кирасир. Канониры вооружены небольшими ружьями с длинным штыком. Пехотинец вооружён ружьём со штыком, с 40 патронами в подсумке; его одежда состоит из колета с воротником-стойкой из хлопчатобумажной ткани и цветного пояса; штаны из той же ткани свободные до колен и заканчиваются гетрами с цветными подвязками; у него в ранце есть две рубашки, штаны, запасная пара обуви и галеты на 6 дней; он носит шинель в скатке на ранце.

В некоторых полках кавалерист вооружён пикой и парой пистолетов, в других – небольшим карабином, парой пистолетов и саблей; лошади лёгкой кавалерии были превосходны в полках, которые я видел; те же, что в пешей артиллерии, были в 1-м полку посредственными. Кирасиры не преуспевают: кираса и шлем вместе весят 36 фунтов; кираса французская; почти все они травмируют солдата; шлем по форме напоминает шлемы наших

кавказских горцев с их кольчугами, за исключением той разницы, что он увенчан стрелкой; люди невысокие, лошади маленькие и коренастые.

Обучение пехоты очень продвинуто. В 7-м, 14-м и 18-м полках много отличных унтер-офицеров; перестроения производятся на марше с большой чёткостью; в каждом полку есть один или два инструктора, в основном итальянцы; в гарнизонах дважды в день проводятся учения; дисциплина оставляет желать лучшего; в артиллерии офицеры продвигаются по службе только после того, как их проэкзаменует Сулейман-паша (бывший офицер императорской армии Франции). Меня заверили, что существует корпус офицеров Генерального штаба, но я никогда не видел их во время своих поездок. Во всех полках есть европейский хирург, владеющий арабским языком, который принимается на службу только после экзамена в Александрии. В большинстве полков есть передвижные аптеки.

Войско ещё недостаточно хорошо организовано, чтобы быстро совершать большие марши: во-первых, потому, что арабский солдат не может привыкнуть спать на бивуаке без палаток; во-вторых, потому, что каждый полк тащит в своём обозе от восьмисот до девятисот женщин, допускаемых с целью увеличения численности населения: в результате возникает необходимость в 300 верблюдах для обоза пехотного полка.

Все офицеры были турками до 1837 года. С тех пор как многие из них дезертировали, Мухаммед Али создал арабских офицеров. Однако нет ни одного араба, который был бы более, чем командиром батальона.

Вещевые склады есть в Акке, Дамаске, Алеппо, Латакии, Триполи, Бейруте и Яффе. Обмундирование изготавливается в Александрии, откуда отправляется в Акку, где распределяется по другим складам. Как только полку требуется обмундирование, полковник сообщает об этом Ибрагим-паше, который приказывает выдать. Основные склады боеприпасов и продовольствия находятся в Акке и Яффе. Офицерский мундир и в кавалерии сброя приобретаются за свой счёт. Когда молодому офицеру не на что экипироваться, ему выдают авансы под залог.

Ибрагим-паша – главнокомандующий этой армией; в этом качестве он получает ежегодное жалованье в размере 90 000 голландских дукатов. Полковники имеют 130 дукатов в месяц, подполковники – 70, командиры батальонов и эскадронов – 50, адъютанты-майоры – 30, капитаны – 5, лейтенанты и младшие лейтенанты – 4, унтер-офицеры и капралы – ½ дуката или 25 турецких пиастров, а солдаты – 15 турецких пиастров в месяц. Старшие офицеры получают два пайка в день, а младшие офицеры – один. Лошади кавалерийских офицеров кормятся за счёт правительства. Солдат доволен предоставленной ему едой. Дети солдат, независимо от их пола, с рождения получают то же пропитание, что и их отцы; мальчики получают дополнительно 5 пиастров в месяц и обязаны нести службу в своё время и место. Об отпуске для солдата не может быть и речи.

Главные производства

Сирия богата пшеницей, кунжутом, лошадыми, шёлком, табаком, галловым орехом и просом; она производит ячмень, но в меньших количествах; правительство стремится к тому, чтобы там процветало хлопководство³¹ и выращивание оливковых деревьев³², которые когда-то были одним из основных ресурсов этой провинции; заведение кофейных плантаций потерпело неудачу. Долины, вероятно, наиболее богаты агрокультурой; почва в них плодородная, лёгкая и не требует больших затрат труда; они обычно хорошо орошаются. В горах находятся металлы, добычу которых правительство начинает осуществлять. Северные и западные склоны, по которым я путешествовал, очевидно, засажены кипарисами, кедрами, лавровыми деревьями, елями, кустарниками и фиговыми деревьями; почва там обычно грубая, хотя поддающаяся обработке; виноградная лоза хорошо растёт на второстепенных склонах. Ливан производит крепкое вино, в количестве, достаточном для потребления, и отличного качества. В горах Тавра есть ещё прекрасные хвойные леса, которые дают много смолы³³.

Налоги

Основным налогом, уплачиваемым всеми сирийцами без различия религии или состояния, за исключением одноглазых, калек и

улемов, является Ферде, подушный налог, выплачиваемый с 15-летнего возраста, не исключая старости, и колеблющийся от 50 до 500 пиастров в год; в городах он распределяется старшинами ремёсел, в деревнях – шейхами³⁴.

Далее следуют: а) Мири, налог, взимаемый с посевов пшеницы, ячменя, кунжута и проса, который, следовательно, ложится исключительно на производителя; общая сумма ежегодно устанавливается генерал-губернатором и распределяется шейхами деревень в соответствии с оценкой результата труда пары волов; в зависимости от департаментов она варьируется от пяти до десяти процентов от валового продукта.

б) Ушур, земельный налог, уплачиваемый со всех видов продуктов, за исключением масла и хлопка³⁵; он варьируется от пятнадцати до двадцати процентов от валового продукта³⁶.

в) Харадж, личный налог в размере шестидесяти пиастров в год, уплачиваемый христианами и евреями с десятилетнего возраста³⁷.

Существуют таможи [места сбора налогов] в Дамаске, Алеппо, Адане, Акке и Бейруте; все они сдаются на откуп, за исключением таможи в Акке, которая регулируется правительством; крестьяне ежегодно вносят предоплату, иногда через третьих лиц. У городских ворот и на рынках взимается Караямрук, налог с вьючных животных и предметов потребления; этот налог варьируется в зависимости от местности и также отдается на откуп³⁸. Ферде взимается в мае, Харадж – в апреле; оба этих налога должны быть уплачены в течение восьми дней. Мири взимается четырьмя частями, выплачивается каждые три месяца; Ушур выплачивается натурой в июне и июле.

Доходы

Египетские власти, желая, чтобы турецкое правительство не знало о численности населения Сирии и доходах этой провинции, держат в строжайшем секрете реестры, касающиеся этих отраслей. Сопоставимые сведения от Преподобного из Святой Земли, эмира Бешира, нашего покойного консула в Яффе, нашего консульского агента в Алеппо

и от нескольких шейхов дают средний результат в 295 000 человек, платящих Ферде. Если принять в среднем пятнадцать женщин и детей на каждых четырёх налогоплательщиков, получается 1 106 250 душ при расчёте численности населения. Согласно тем же сравнительным оценкам, доходы Сирии в 1836 году составляли 1 380 000 дукатов, а в 1837 году – 1 500 000 дукатов³⁹; из этой цифры только Ферде, как сообщается, принёс в 1836 году 1 050 000 дукатов.

Рекрутская повинность

Рекрутский набор осуществляется без справедливости, без порядка, со всеми видами насилия; это уже нанесло ущерб сельскому хозяйству, стало причиной дороговизны продовольствия, значительной эмиграции, одним словом, это настоящее бедствие для Сирии. С 1834 по 1836 год было набрано 25 000 рекрутов; в сентябре был объявлен призыв 15 из каждых ста, согласно реестрам Ферде, в результате которого было набрано всего 18 000 человек; в январе 1838 года взяли всех, кого смогли. Всеобщий ужас перед призывом на военную службу таков, что кто-то из тех, кто находится накануне взятия, калечит себя, другие сопротивляются открытой силой⁴⁰. В январе 1838 года в тюрьмах Акки содержалось 236 человек, которые либо отрезали себе три пальца левой руки, либо выкололи глаз, чтобы избежать призыва на военную службу.

Общественные здания, возведённые при нынешнем режиме

В Алеппо и Акке были построены деревянные казармы для небольшого числа войск; возводятся укрепления на перевалах Тавра в Энтабе и Куллек-Богазе; восстанавливается Акка⁴¹; карантинные были построены в Яффе⁴² и Бейруте; больница на 250 мест была построена в Акке на месте гарема Абдаллы-паша: она красива, добротна построена, сухая, хорошо проветриваемая, в изобилии укомплектована бельём; в ней есть прекрасная аптека со значительным запасом лекарств, европейские врачи, прекрасная канцелярия, большая прекрасная кухня, ванны, место для омовения мёртвых и отличная вода в самом корпусе.

Соображения по поводу существующего режима

а) Требование уплаты налогов за два месяца до сбора урожая обходится очень дорого: тогда нижестоящие сборщики налогов всячески давят на феллахов; такой порядок губителен для земледельца, они сами наносят ущерб сбору налогов; иногда это приводит беднейшие слои населения в состояние ещё большей бедности в следующем году в сравнении с предыдущим.

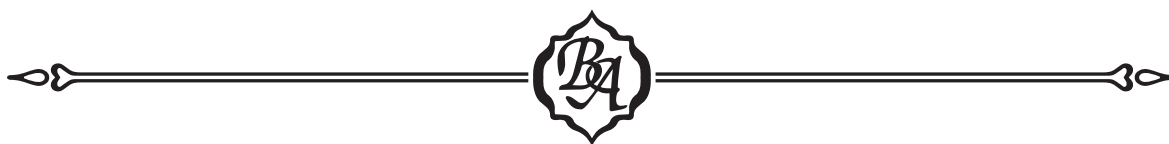
б) Народ в Сирии было мало занят на общественных работах: теперь они навязаны ему и отнимают большую часть его времени.

в) В соответствии с древним и тираническим обычаем Оттоманской Порты, нынешний режим до 1836 года покупал у фермеров ячмень и пшеницу по ценам ниже рыночных; что вызывало всеобщее недовольство: с тех пор к этому средству прибегли только один раз, в 1837 году, единственно на землях Джиб-дженейна, которая со своими 45 деревнями должна была поставить 9 600 каирских ардебов ячменя для кирасирского полка, расквартированного в Баальбеке.

г) В 1834 году правительство хотело приобщить бедуинов Газы к сельскому хозяйству; оно выделило им землю, пообещав освободить их от налогов на три года, но, нарушив своё обещание, собрало Ушур при первом сборе урожая и взяло 300 рекрутов; все бедуины бежали в свои пустыни.

д) Войскам выплачивается жалованье раз в десять или двенадцать месяцев, но никогда всем вместе: в то же время существуют банкиры, которые косвенно, но от имени правительства скупают задолженности по жалованью у нуждающихся со скидкой до тридцати процентов. Так как большинство офицеров были турками, эта мера могла быть объяснена целью удержания их на службе: но её можно было осуществить и без ограбления офицеров.

е) Мясники и рыбаки приобретают право заниматься своим ремеслом, обязуясь поставлять мясо и рыбу по определённым ценам: затем они договариваются с местными властями и фиксируют эти цены.

Резюме

Путешественники, проезжавшие по Сирии с 1832 года, решительно выступали против тирании и вымогательства египетского правительства. Не желая оправдывать его, я хотел бы обратить внимание на позицию правительства Мухаммеда Али в этой провинции. Долгое время сирийское население под давлением пашей было вынуждено подчиняться силе или бороться с ней. Такое положение вещей неизбежно приводило к появлению рабов и разбойников. Вся провинция превратилась в изолированные племена, враждующие друг с другом и засевшие в горах, которые были по большей части неприступны. Паши отправлялись в поход, чтобы собрать причитающиеся им налоги; и обычай платить их только после того, как их принудили к этому силой и даже после пролития крови, приучил сирийцев считать все повинности тираническим притеснением.

Мухаммед Али, сразу после завоевания этой провинции почувствовавший необходимость подавить там разбой, приказал провести всеобщее разоружение, в результате чего было захвачено и уничтожено сто пятьдесят тысяч ружей. Ненависть сирийцев к египетскому правительству и особенно к Ибрагиму-паше проистекает из этой меры, хотя высказывались предположения, что она была мотивирована защитой, предоставленной христианам: сирийцы, будучи вооружёнными, возмещали вымогательства пашей за счёт христиан; благодаря их разоружению христиане сегодня оказались защищены от их поборов, хотя египетское правительство и не думало предоставлять христианам особую защиту.

Столкнувшись со всей этой силой, Мухаммед Али должен был, прежде всего, думать о защите своего нового завоевания: теперь рекрутская повинность, как бы она ни была губительна для Сирии, тем не менее, является условием существования египетского правительства в этой провинции. Неверно утверждать, что налоги выросли в пять раз со времени установления нынешнего режима. Те, кто так утверждает, опираются на цифры доходов, которые Порты раньше получала из Сирии, но они не принимают во внимание

суммы, которые паши получали на содержание своих домов, своей администрации и своих войск. Например, верно, что в 1837 году территории Яффы, Газы, Рамлы и Лода принесли египетскому правительству 98 000 голландских дукатов, тогда как они дали Высокой Порте только 30 000 дукатов в 1829 году; 40 000 в 1830 году и 60 000 в 1831 году, но достаточно подумать, во сколько должно было обойтись содержание Абдалла-паши, его дома, его администрации и его войск, чтобы непременно заключить, что египетское правительство собирает не намного больше, чем паши, которым приходилось удовлетворять свои правительственные и собственные расходы; в то время как египетские губернаторы, щедро оплачиваемые Мухаммедом Али, ничего не получают от страны на своё содержание. Единственный сектор, который стал дороже при египетском режиме, – это рабочая сила: и это всего лишь реакция на рекрутскую повинность.

Не мне судить, хорошо или плохо господство Мухаммеда Али для Сирии, но один факт, положительный для судьбы этой провинции, заключается в том, что он подавил там разбой, увеличил производительность земли и успешно борется с леностью жителей, принуждая их к сельскохозяйственным работам, как показано в данной записке.

Мухаммед Али совершил три ошибки в Сирии: 1) Он оттолкнул от себя эмира Бешира, своего единственного преданного сторонника, сотрудничеству с которым он, возможно, обязан своими завоеваниями. 2) Он разгневал Кара-Осман-бея и Ибрагим-бея, вождей около десяти тысяч курдов и туркмен, проживавших на Тавре, которые перешли в Анатолию со своими племенами, первый в декабре 1837 года, второй в январе 1838 года: это были люди, которые, чтобы не подпасть под общее запрещение наследственных должностей в Турции и сохранить свои достоинства как деребеев, были бы готовы действовать сообща с египтянами. 3) В 1837 году он совершил несправедливую экспедицию против бедуинов Газы, которых он оттолкнул от себя и которые в один прекрасный день могут нанести значительный ущерб его армии в Сирии. Последние два недостатка являются не-

посредственными последствиями рекрутской повинности, которую я без колебаний назову проклятием египетского правительства в Сирии, пока Ибрагим-паша не преуспел в устранении всего отвратительного, что есть в этой мере на данный момент, и не сумел смягчить

и упорядочить порядок призыва в этой обширной провинции.

РГВИА. Ф. 444. Оп. 1. Д. 55.
Л. 1–23об.

Перевод с французского языка

Примечания

¹ В это географическое понятие в XIX веке кроме собственно Сирии включались территории Ливана, Палестины и Иордании.

² Лэйн Э.У. Нравы и обычаи египтян в первой половине XIX в. М.: Наука, 1982. С. 123.

³ Цит. по кн.: Сирия, Ливан и Палестина в описаниях российских путешественников, консульских и военных обзорах первой половины XIX века. М.: Наука, 1991. С. 17.

⁴ Муравьев Н.Н. Русские на Босфоре в 1833 году. М., 1869. С. 8.

⁵ Автобиография А.О. Дюгамеля // Русский архив. СПб. 1885. Вып. 4. С. 504.

⁶ Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 38. Оп. 5. Д. 146. Л. 1–4об.

⁷ РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 146. Л. 8–9об.

⁸ Рыженков М.Р. Русские офицеры Генерального штаба в Азиатской Турции в 1830-х годах // Восточный архив. 2021, № 1(43). С. 5–16.

⁹ Обзорение Малой Азии в нынешнем её состоянии // Записки Военно-топографического депо. СПб. 1838–1840. Ч. III, V.

¹⁰ Обзорение Малой Азии, в нынешнем её состоянии, составленное русским путешественником М.В. Ч. 1-2. СПб.: Тип. К. Крайя, 1839-1840.

¹¹ Сирия, Ливан и Палестина в описаниях российских путешественников, консульских и военных обзорах первой половины XIX века. С. 168–236.

¹² Восточная Анатолия 1833-1835 гг. Военно-географический очерк. М.: ИВ РАН, 2023. — 408 с.

¹³ Сирия, Ливан и Палестина в описаниях российских путешественников, консульских и военных обзорах первой половины XIX века. С. 216.

¹⁴ Там же. С. 236.

¹⁵ Речь идёт, очевидно, о восстании алавитов в горном регионе Латакия в 1834-1835 гг.

¹⁶ Автобиография А.О. Дюгамеля // Русский архив. СПб. 1885. Вып. 4. С. 522.

¹⁷ Там же. С. 524.

¹⁸ РГВИА. Ф. 38. Оп. 2. Д. 593. Л. 2.

¹⁹ Там же. Л. 12–15.

²⁰ РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 269. Л. 2 и об.

²¹ Бутенев Аполлинарий Петрович (1787–1866) русский дипломат, посол в Константинополе в 1829-1843 и 1856-1858 годах. Согласно его отзыву, «капитан Дайнезе говорит, читает и пишет по-турецки отличным образом» (РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 269. Л. 5).

²² РГВИА. Ф. 450. Оп. 1. Д. 577.

²³ РГВИА. Ф. 38. Оп. 5. Д. 269. Л. 7–8об.

²⁴ Там же. Л. 5об.–6.

²⁵ РГВИА. Ф. 38. Оп. 2. Д. 593. Л. 13.

²⁶ РГВИА. Ф. 38. Оп. 2. Д. 1011. Л. 2об.–3.

²⁷ Там же. Л. 15.

²⁸ Похоронен на кладбище Шатлен в Женеве, где через двадцать лет рядом с ним была похоронена его вдова // https://ru.wikipedia.org/wiki/Моден-Реймон,_Гавриил_Карлович

²⁹ Диван мушавер – здесь и далее все примечания автора И.Ф. Дайнезе.

³⁰ Хаввары, прибывшие с берегов Барбарии и обосновавшиеся в Сирии, курды и албанцы составляли кавалерию предыдущего паши Акки Абдаллы. После взятия Акки эти войска были распущены египтянами. В 1837 году, после Наблусского дела, Мухаммед Али попытался призвать их, чтобы побересть свои регулярные войска; ему удалось собрать всего тысячу из них до марта 1838 года. Несколько тысяч сирийских бедуинов служили в египетской армии во время её экспедиции в Анатолию, но, будучи недовольными, вернулись в свои пустыни. В остальном

египтяне мало обращают внимания на это ополчение.

³¹ Ибрагим-паша ввёл выращивание хлопка в нескольких районах Сирии и особенно в Наблусе, где он добился невероятных успехов. В 1837 году его было снято 20 000 коробочек; генерал-губернатор тогда хотел обложить его мирским налогом, но Ибрагим-паша счёл, что сначала нужно позволить ему процветать.

³² В 1837 году Ибрагим-паша, заметив, что оливковые деревья в Иудее и Наблусе погибают от старости, приказал посадить новые в количестве, которое он определил. Этот приказ был выполнен. В Эдлибе, недалеко от Алеппо, есть плантация площадью 224 000 футов, деревья которой ежегодно дают от 1/2 до 15 окков масла, одно за другим; эта плантация ежегодно приносит правительству 18 000 окков масла. В Эдлибе 1 400 жителей платят Ферде; в 1837 году он предоставил 150 рекрут; в этом году он уже дал 160.

³³ Чтобы получить представление о доходах, которые приносят египетскому правительству леса Тавра, достаточно знать, что дёготь, который он из них добывает, обходится ему по цене трёх пара за окку, сданных на борт в Тартусе, и что он продаёт его в Александрии по восемь пиастров за окку. Это чудо совершается следующим образом: крестьянин рубит древесину своими инструментами, отвозит её на фабрику в Куллек-Богазе и помогает извлекать из неё смолу, и всё это обрабатывается. Каждый крестьянин в департаменте Аданы должен раз и навсегда пройти эту работу в течение двадцати дней, после чего он получает карточку освобождения от неё и больше не привлекается к рубке леса. Производителю платят из расчёта десять дукатов в месяц, а десятерым надзирателям из расчёта четыре дуката в месяц. Тридцать мулов, принадлежащих правительству, еженедельно перевозят смолу из Куллек-Богазы в Тартус; погонщикам мулов платят по ставке четыре дуката в месяц, из которых два с половиной выплачиваются правительством, а полтора собираются со страны в качестве чрезвычайного налога. Весь лес, пригодный для строительства кораблей, был вырублен и перевезён в Египет.

³⁴ В 1837 году минимум составлял 15 пиастров; в 1836 году водоносы платили от 50 до 70 пиастров.

³⁵ Оба этих производства платят другой налог, Тасрих; именно по этому налогу сначала англичане, а затем и Россия получили фирман об освобождении. В настоящее время его платят только сирийцы.

³⁶ Ибрагим-паша провёл отличную операцию, чтобы увеличить доходы Ушура и одновременно разбогатеть. Он предложил неимущим обрабатывать пустынные земли Тарсуса и Аданы; он предоставил им авансы на покупку вьючных животных, сельскохозяйственных орудий и семян в счёт уплаты Ушура, чтобы оставшуюся часть выручки они поровну разделили с ним. Эта операция успешно проводится уже два года.

³⁷ Списки Хараджа поступают из Дамаска; монастыри должны платить за отсутствующих лиц.

³⁸ Департамент Адана занимается предоставлением откупов. Например, за исключением жителей района Аданы, все, кто въезжает в город, каждый раз платят за мула 4 пиастра, за лошадь 55 пара, за верблюда 50 пара, за осла 35 пара; это право выпаса скота; его откуп принёс в 1837 году пятьсот двадцать дукатов городу Адана, в этом году он был продан за 540. Каждая партия древесины, перевозимая на лошади или верблюде, оплачивается десятью парами, а на осле – пятью парами; в итоге этот откуп принёс в прошлом году двести шестьдесят дукатов. Вьючные животные и все продукты, продаваемые на рынке, облагаются пятипроцентной пошлиной; в 1837 году сбор по этой части принёс две тысячи дукатов, в этом году он был сдан на откуп за 1800 дукатов. Сбор налога с общественных бань в Адане дал в прошлом году 220 дукатов, в этом году он был отдан на откуп за 320 дукатов. В департаменте Адана сохранился старый налог под названием Джизья, взимаемый с христиан; он составляет два пиастра и тридцать пара в год на одного мужчину; в прошлом году его сбор принёс тысячу дукатов, в этом году он был отдан на откуп за 1200 дукатов. Эта цифра интересна тем, что указывает на примерно 44 000 мужчин среди христианского населения департамента Адана.

³⁹ Вот единственные цифры, которые я смог получить из источников:

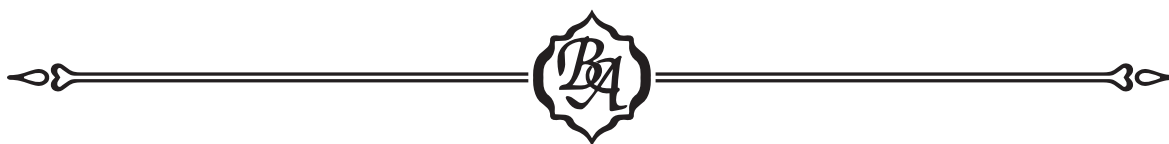
<i>Департамент</i>	<i>Сбор таможенных пошлин 1836 г.</i>	<i>Сбор таможенных пошлин 1837 г.</i>
Дамаск	14 000 дукатов	15 000 дукатов
Алеппо	8 000	8 000
Акка	6 000	6 800 (7 000 только один Бейрут)
Триполи	1 000	1 200
Латакия	800	600
Ливан	600	700
Адана	3 800 (5 000 дукатов)	4 200 (6 000 дукатов)
<i>Всего</i>	34 200 дукатов	36 500 дукатов

⁴⁰ В марте 1838 года рота солдат вела из Алеппо в Эдлиб 440 рекрутов; они взбунтовались по дороге, 107 удалось бежать, ранив нескольких солдат; в беглецов стреляли, двое из них были ранены и захвачены; я видел их, проезжая через Эдлиб на этом отрезке пути.

⁴¹ Смотрите мои маршруты к укреплениям Куллек-Богаз и Акки.

⁴² Карантин в Яффе был возведён за счёт монастыря Святой земли, который лишился права его использования; он довольно просторный, в нем есть вода; он стоил около шестнадцати тысяч дукатов; в 1837 году было получено 960 дукатов; им управляет европейский инспектор, имеющий под своим началом врача, секретаря и трёх сторожей.

ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ КАВКАЗСКОЙ АРХЕОЛОГИИ И УЧАСТИЕ В НЁМ ЧЛЕНОВ КАВКАЗСКОГО ОТДЕЛА ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Одной из малоисследованных тем кавказской истории XIX – начала XX века является история Общества любителей кавказской археологии (Общества) и участия в нём членов Кавказского отдела Императорского Русского географического общества (далее – КОИРГО, Отдел). Изначально Отдел создавался для географических и смежных с ними этнографических исследований. Тем не менее, его члены стали активными участниками становления и развития археологии на Кавказе. Это объяснялось тем, что КОИРГО был старейшим научно-исследовательским центром Кавказского края и объединял в себе людей с разносторонними интересами. Не случайно именно в его Музеум до 1864 года поступали археологические находки в крае, а известные кавказские археологи-любители были членами КОИРГО. На данный момент есть только одна серьёзная работа по теме, которая посвящена роли А.П. Берже в создании Общества¹. Мы же на основе открытых источников постараемся реконструировать создание и деятельность Общества любителей кавказской археологии и участия в нём членов КОИРГО.

До 1871 года археологических раскопок в Закавказье не предпринимали, хотя древние находки попадались². Однако многие из них так и оставались неизвестными для науки. Так, при постройке в 1862 году Датыхской станицы было найдено кладбище, «на которое глядя старики горцы только цокали языком и покачивали головами: гробы были сложены из громадных плит без всякого цемента; все скелеты лежали головою к югу, а лицом на восток, и около каждого из них стояла какая-нибудь вещь, напр., кувшины поливные (с узорами в виде разноцветных треугольников) и без поливы, аспидная точилка

с просверленной дырочкой, громадные, около аршина длины, ножницы в виде двух пластинок ржавщины и пр. Самыми ценными вещами из разрытых могил были: стакан из плохо расплавленного стекла... с ободками сверху и внизу и с тремя рыбами посередине; и рог, около 2-х с половиною четвертей, из великолепного малинового цвета стекла, с двумя ножками... и с самыми прихотливыми узорами и, пожалуй, с какой-то загадочной надписью, как нам передавали. Какая же судьба постигла эти редкости? Один из солдат взял себе точилку, кувшины под видом горшков розданы были разным лицам для хозяйства, ножницы, как негодная вещь, были брошены, стакан по небрежности разбился, а рог где-то девался... Впрочем... разорено было лишь по необходимости (через кладбище проектирован был станичный ров) около пяти могил, а ещё более того, выглядывавших только, с каким-то особым благоговением к праху предков были нетронуты, как солдатами, так и... самим рассказчиком»³.

А.П. Берже отмечал, что первые находки кавказского каменного века были сделаны в 1864 году⁴. В 1866 году в развалинах бывшего города Маджар на Куме найдено было около 2,5 пудов золотых вещей, «которые попали в руки терских евреев и, разумеется, без всякого печатного заявления об этой находке превратились в звонкие рублёвики и двугривенные»⁵. Д.З. Бакрадзе сообщал, что «в 1867 году, не доезжая шести вёрст до Мцхета, по Тифлисскому тракту, при проложении шоссе неожиданно открыт был замечательный песчаниковый камень, ныне хранящийся в Тифлисском музее, скатившийся с вершины от крепостцы, уже, говорят, исчезнувшей, с греческою надписью 75 года по Р. Х.»⁶.

Вопрос о профессиональном изучении кавказских древностей назревал, и, в свете указанного, в 1868 году представители Императорского Русского археологического общества обратились через князя С.Н. Трубецкого, адъютанта Кавказского наместника, великого князя, к великому князю с предложением учредить на Кавказе Археологический отдел. Михаил Николаевич согласился оказать этому начинанию всяческое содействие, кроме денежного. Об этом князь Г.Г. Гагарин сообщил на заседании общества 16 февраля 1869 года⁷. Именно финансовый вопрос стал камнем преткновения, задержавшим организацию археологического общества на Кавказе.

В 1868 году в сентябрьском номере газеты «Кавказ» вышла редакционная статья, которая была посвящена древностям Кавказа, их сохранению, изучению. Редакция призывала коллекционеров и всех интересующихся древней историей края сплотиться и активнее сотрудничать с Кавказским музеем. Здесь были затронуты и вопросы археологии, свидетельствовавшие, что эта отрасль кавказоведения находилась в зачаточном состоянии. «Переживали ли кавказцы века “каменный”, “бронзовый” и “железный”?», – задавался вопросом автор статьи. И отвечал, что «нет причин отвергать существование их и на Кавказе». Однако он напоминал, что материальных доказательств этому не найдено. Все выводы делались на основе народного эпоса и греческих авторов. Обращаясь к «временам историческим», автор статьи указывал, что «Кавказ обыкновенно называют мостом между Европой и Азией; толкуя же о множестве кавказских народов и их племенном различии, называют Кавказ перелазом вроде тех, которые делаются в огороже садов, огородов: какой ни идёт через него зверь, то неизбежно клоком шерсти оставляет, т. е. какой бы народ ни проходил через Кавказские горы, то часть его неизбежно как бы цеплялась за них и оставалась на постоянное жительство в том или другом ущелье». «Какое великое поприще на Кавказе для исторической науки во всех её отделах – геологии, палеонтологии, археологии и всех соприкасающихся сюда знаний», – восклицал автор передовицы. Приводя несколько примеров древних находок, которые

были уничтожены по небрежению и невежеству местных жителей и из-за отсутствия системы надзора и сохранения таких памятников, автор статьи выражал надежду, «что из приведённых случаев читатели поняли всю жалкую профанацию многих драгоценных открытий, которая нередко случается между нами».

Хотя в статье не содержалось прямого призыва к организации систематических и комплексных археологических исследований края, но автор чётко проводил мысль о необходимости создания на Кавказе областных музеев для сохранения памятников старины и знакомства с ними желающих, а также высказывал сожаление, «что частные лица не берут благого примера с наших академий, которые обмениваются всеми своими трудами с другими подобными же за границей»⁸.

Таким образом, к концу 1860-х годов осознание необходимости последовательного исследования и сохранения кавказских древностей оформилось. Значительную роль в начале системного и систематического археологического изучения Закавказья сыграл бывший член КОИРГО и один из главных организаторов его Музеума Ф.С. Байерн, которому вообще «принадлежит честь почина в деле исследования доисторических могильников Кавказа»⁹. Некоторые находки делались им и раньше, когда он занимался собиранием геологических коллекций (клинообразная надпись у подошвы Арарата в 1859 году, несколько групп дольменов на берегу Чёрного моря в 1866 году, древние могильники около Мариенфельда и Сартачал в конце 1860-х годов¹⁰). Но именно с начала 1870-х годов Ф.С. Байерн занялся археологией специально.

Как отмечали организаторы Тифлисского археологического съезда, «о грузинских древностях дохристианской эпохи ничего не было известно до раскопок, произведённых г. Байерном (в тексте – Бейерном. – О.Г.) и другими археологами»¹¹. Ф.С. Байерн действительно первым на Кавказе обратил внимание на случайно обнаруженные гробницы в 1870 году. Как сообщал А.П. Берже, «вопрос о раскопках впервые был поднят гр. Соллогубом в общем собрании КОИРГО 8-го декабря 1856 года, но

предложение его осталось без последствий как не входившее прямо в круг занятий Отдела. Спустя 15 лет вопрос этот был возбуждён снова, и на этот раз самим правительством, которое у нас, как и во Франции, служит всегда просвещённым инициатором учёных трудов и изысканий. Эта готовность нашего правительства выразилась именно в 1870 году, когда при трассировке новой дороги от Тифлиса до Мцхета по правому берегу Куры и при устройстве там же полотна железной дороги случайно были открыты следы древнего кладбища. Главное управление наместника, живо заинтересованное этим, тотчас же распорядилось о производстве во Мцхете раскопок, которые повторились и в 1871 и 1872 годах и увенчались полным успехом, доказав, что открытые могилы... должны быть отнесены к дохристианской эпохе. Подобные же разведки были сделаны, тоже по распоряжению правительства, в Лорийском приставстве, а в 1873 году в Армении, на Арпачае, а в Грузии, в селении Урбниси, близ Гори»¹². Д.З. Бакрадзе также отмечал, что «в 1870 году при трассировке новой дороги от Тифлиса до Мцхета по правому берегу Куры и при устройстве там полотна железной дороги открыто было множество древних гробниц. Главное управление наместника, весьма заинтересованное этим, распорядилось о производстве во Мцхете раскопок, которые, быв повторены и в 1872 году, увенчались полным успехом»¹³. Однако указанное изложение нуждается в серьёзном уточнении.

Находки Ф.С. Байерна послужили толчком для дальнейшего развития археологии на Кавказе. По словам М.Е. Колесниковой и С.И. Маловичко, Кавказский археологический комитет был организован в 1871 году при участии Императорской Археологической комиссии с целью изучения и сохранения памятников древности¹⁴. В чём заключалось участие комиссии, нам выяснить не удалось.

По сведениям, которые приводит А.И. Алиева, инициаторами создания на Кавказе общества для археологических исследований были члены КОИРГО – начальник Главного управления наместника Кавказского барон А.П. Николаи и А.П. Берже, кото-

рые добились благожелательного отношения к этой идее со стороны наместника Кавказского, великого князя Михаила Николаевича. Однако и она не совсем точна в своих выводах. Ф.С. Байерн приводил предысторию появления на Кавказе первого археологического общества. «Осенью прошлого года (1870 года. – О.Г.), – описывал он начало своих археологических работ, – я вернулся с богатым грузом из весьма удачного путешествия на Керченский и Таманский полуострова, а также на побережье между Кубанью и долиной Текоса... По дороге домой я вновь обнаружил полузабытые каменные ящики возле Мцхета и Диёма. Не имея под рукой никаких инструментов, мне пришлось работать руками в Диёме, пока мне не удалось раздобыть небольшой кусочек бронзы, который убедил меня в том, что эти могилы, если их исследовать более внимательно, окажутся принадлежащими к более раннему периоду, чем христианский. Прибыв в Тифлис, я попытался уговорить некоторых знакомых сообщить о появлении этих могил в Грузии высокому правительству, которое тогда, конечно, не допустило бы уничтожения этих памятников без осмотра. К сожалению, мои друзья не проявили к этому никакого интереса, и я сам отказался от этой идеи. В результате этой неудачи я написал статью о древностях, которые я наблюдал на Кавказе, надеясь, что, возможно, это пробудит внимание учёных и побудит их снова заняться неисследованной областью кавказской археологии. Я передал эту статью г-ну фон Зейдлицу, который хотел включить её в свой “Сборник известий о Кавказе”, т. 1, для публикации в сентябре. Господин фон Зейдлиц опубликовал теперь слегка сокращённый перевод моей статьи под названием “О древних сооружениях Кавказа”¹⁵ с двумя иллюстрациями в первом томе в 1871 году. Весной этого года (1871 года. – О.Г.) я сопровождал тайного советника Челяева в его имение близ Душета, откуда предпринял экскурсию в колонию троплодитов на высотах правого берега Арагой. Здесь я также нашёл такие же каменные ящики, как в Мцхете и Диёме. Однако они отличаются от них тем, что боковые стены сложены из крупных валунов, скреплённых раствором, тогда как в рай-

оне Куры они состоят из каменных плит... На обратном пути с г-ном Челяевым в Тифлис я заметил на равнине Самтавро длинный ряд открытых каменных ящиков, которые только что были обнаружены в ходе работ по строительству новой магистрали. Кости только что были выброшены, и они покатались по обломкам на обочине шоссе на дорогу, по которой мы ехали. С грустью я повернулся к тайному советнику, показал ему ряд старых могил и попросил его позаботиться о том, чтобы высокое правительство приняло меры для обследования этого интересного места захоронения трупов, прежде чем всё будет уничтожено. Господин Челяев, которого я знал много лет как одного из тех людей, которые больше всего интересовались знанием своего отечества, добросовестно сдержал данное мне обещание сделать всё возможное, чтобы спасти эту область от полного уничтожения. Он был первым, кто встретился с его превосходительством статс-секретарём бароном Николаи, главой гражданской администрации на Кавказе... После этого его превосходительство барон немедленно приказал господину фон Зейдлицу провести разведку захоронения и доложить о нём. Господин фон Зейдлиц попросил меня и доктора Пфаффа, юриста, сопровождать его в Мцхет, что мы оба и сделали... Всё, что мы нашли во время этого исследования, указывало на то, что мы имеем дело с могильником, относящимся к дохристианскому периоду и, по-видимому, тесно связанным с эллинистическим влиянием на кавказском побережье... Господин фон Зейдлиц представил свой доклад тайному советнику барону Николаи, и его превосходительство поручил господину фон Зейдлицу договориться со мной о проведении раскопок. На проведение этих первых опытных работ было выделено 500 рублей; Я получил деньги и сразу же приступил к работе, вооружившись необходимыми инструментами»¹⁶.

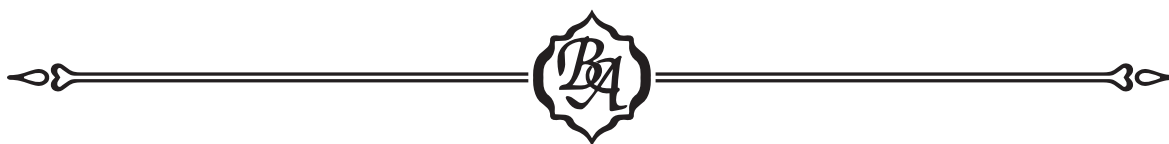
Таким образом, первоначально никто из тех, к кому обратился Ф.С. Байерн за поддержкой, не заинтересовался его предложением. И только благодаря управляющему Карантинно-таможенной частью на Кавказе и за Кавказом тайному советнику М.Е. Челяеву¹⁷, начальнику Главного управления наместни-

ка Кавказского, сенатору и статс-секретарю, тайному советнику барону А.П. Николаи и главному редактору Кавказского статистического комитета коллежскому советнику Н.К. Зейдлицу (все они являлись членами КОИРГО) на находки учёного обратили внимание кавказские власти. Н.К. Зейдлицу было поручено совместно с Ф.С. Байерном «произвести учёные изыскания»¹⁸. На это было отпущено Главным управлением наместника кавказского 500 рублей.

С исследований Ф.С. Байерном Самтаврского кладбища в Мцхете начались археологические раскопки в Закавказье. К раскопкам в Мцхете Ф.С. Байерн приступил летом 1871 года¹⁹, а в июне 1872 года продолжил их «по приказанию высшего в Крае начальства»²⁰.

Одновременно ещё один будущий (с 19 марта 1873 года) член КОИРГО, числившийся по Главному управлению наместника Кавказского чиновник 8-го класса губернский секретарь А.Д. Ерицов (Ерицян) предоставил в Управление записку о необходимости раскопок памятников Лорийского ущелья, испрашивая на это разрешение. С дозволения наместника и ему было выделено «в пособие на учёные разведки» 400 рублей²¹.

2 мая 1871 года в газете «Кавказ» появилось объявление о грядущем 2-м археологическом съезде и были напечатаны вопросы для рассмотрения, полученные от его Подготовительного комитета. «Весьма желательно, – писал автор объявления, – чтобы наш Край, столь богатый археологическими сокровищами, имел бы на съезде своего представителя»²². Чуть позже А.Д. Ерицов опубликовал статью о том, какую роль мог бы сыграть Кавказский край в предстоящем археологическом съезде. В частности, он отметил, что из предложенных к рассмотрению вопросов не было ни одного, касавшегося Кавказа. Особое внимание А.Д. Ерицов, естественно, обратил на Закавказье как один из центров древней цивилизации. Он сетовал на то, что до сих пор отсутствует общество, которое занималось бы изучением истории Кавказа: «Историко-археологического общества у нас нет, и когда оно будет – трудно сказать. Между тем, на наших глазах исчезают бесследно

замечательные памятники старины – памятники, которые, быть может, не менее интересны развалин Помпеи... многие богатые исторические памятники ежегодно уничтожаются соединёнными усилиями времени и невежества». Справедливо замечал автор, что Императорское Русское археологическое общество вообще не изучало Закавказье, а все исследования, имевшие место, были попытками, предпринятыми по частной инициативе. «Будь исторические сокровища нашего края, – писал А.Д. Ерицов, – в Италии или Египте, они привлекли бы к себе толпу учёных тружеников... Англичане беспрестанно наряжают целые учёные экспедиции для археологических исследований развалин Египта, Ассирии и Вавилона... а наш край для учёных экспедиций представил бы более удобства».

Перечисляя исследователей археологии Закавказья в России, А.Д. Ерицов упомянул и членов КОИРГО: И.А. Бартоломея, П.И. Иоселиани, Н.Г. Берзенова, Д.З. Бакрадзе, Н.В. Ханыкова, А.П. Берже. Но большинство из указанных исследователей занимались археологией лишь эпизодически. Кроме академика М.И. Броссе, все ездили на Кавказ за свой счёт и по своей инициативе. Отсутствовала система в изучении и описании памятников. Указывая на КОИРГО, А.Д. Ерицов отмечал, что отсутствие средств вынудило его держаться в рамках «географическо-естественно-статистического изучения Края», хотя некоторые археологические и нумизматические коллекции Отдел собрал. Желая обратить внимание на бедственное положение археологии на Кавказе и археологии о Кавказе, А.Д. Ерицов задавал вопрос: «Итак, с чем же явится Кавказ на съезд любителей археологии?»²³.

С целью обратить внимание на археологию Кавказа в прессе в 1871 году выступил Ф.С. Байерн. Он опубликовал статью «О древних сооружениях Кавказа»²⁴. Хотя в свет она вышла в сентябре 1871 года, но написана была ещё до первых раскопок Ф.С. Байерна. Это получился своеобразный справочник кавказских древностей, включавший в себя описания с указанием месторасположений и ценности для науки: башен, гробниц, могил,

усыпальниц, курганов, дольменов, пещер, священных рощ, свайных построек. Статья не содержала ни призывов, ни выводов. Но материалы, собранные в ней, давали представление о богатствах Закавказья с точки зрения археологии.

В сентябре 1871 года появилась статья А.Д. Ерицова о раскопках гробниц, открытых в селении Ворнак Лорийского приставства Тифлисского уезда. Он раскопал 17 могил, относившихся, по его мнению, к бронзовому веку. Учёный обнаружил там не только скелеты, но и различные предметы быта. А.Д. Ерицов отмечал, что «поля селения Ворнак усеяны сотнями других могил, пока нетронутых». Обращая внимание на то, что надмогильные камни над ними были в виде дольменов, исследователь указывал на их сходство с открытыми в последние 20 лет захоронениями в Дании, Франции и Швейцарии. «Несмотря на такое старательное изучение самого отдалённого прошлого, все наблюдения и труды учёных археологов относятся лишь к почве Европы; доисторическую же жизнь Азии не изучали и не сравнивали с открытиями в Европе, – писал А.Д. Ерицов. – ...Вопрос насколько интересный, настолько и неразрешённый пока». В заключении А.Д. Ерицов призывал к дальнейшему исследованию захоронений. «Быть может, дальнейшее раскрытие этих гробниц, – писал он, – даст достаточный материал для изучения жизни и истории первобытных, доисторических обитателей Закавказья»²⁵.

По мнению советского исследователя истории археологии Закавказья, «открытие новых “языческих” памятников в 1871 году предоставило права гражданства и “доисторической” археологии Закавказья»²⁶. И с этим можно согласиться. 29 сентября 1871 года начальник Главного управления наместника Кавказского барон А.П. Николаи направил председателю Кавказской археографической комиссии действительному статскому советнику А.П. Берже письмо, в котором сообщал о своём докладе наместнику о результатах археологических раскопок, произведённых в Грузии во Мцхете и в Дорийском ущелье Ф.С. Байерном, Н.К. Зейдлицем и А.Д. Ерицовым²⁷. Ознакомившись с докладом барона

А.П. Николаи, великий князь Михаил Николаевич одобрил работу учёных, приказал «собранные (А.Д. Ерицовым. – О.Г.) в открытых гробницах предметы пока сосредоточить в Кавказском музее». Он также высказал мнение, что «составление здесь небольшого археологического общества или отдела Русского археологического общества было бы весьма полезно».

Исследования двух других учёных были определены как рекогносцировки, требовавшие дальнейшего научного продолжения. Наместник также распорядился «составить особый комитет для рассмотрения и обсуждения добытых в настоящем году древностей, оценки их значения и отношений их между собой и вместе с тем о составлении предположений о продолжении начатых изысканий»²⁸. По словам А.П. Берже, раскопки 1871 года. «были столь блестящи, что августейший наместник Кавказский выразил волю об учреждении в Тифлисе... Археологического комитета с возложением на него... обязанности составления соображений о дальнейшем правильном направлении археологических работ в Крае, а также предположений об образовании здесь археологического общества»²⁹.

Кавказский археологический комитет, созданный в 1871 году, по решению наместника возглавил председатель Кавказской археографической комиссии действительный статский советник А.П. Берже³⁰. Членами комитета распоряжением великого князя были назначены: Ф.С. Байерн – один из первых профессиональных археологов Кавказа, А.Д. Ерицов, Н.К. Зейдлиц и Г.И. Радде³¹. Кроме Ф.С. Байерна, который в начале 1860-х годов покинул Отдел, все являлись членами КОИРГО. Комитету было предоставлено право приглашать на свои заседания лиц, которые могли принести пользу развитию в Крае археологических изысканий, а также составить программу дальнейших археологических работ³².

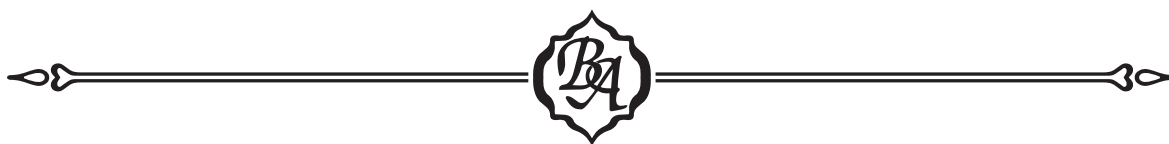
1 и 6 октября 1871 года Комитет провёл два заседания, на которых была предложена программа работы будущего Археологического общества в Тифлисе. В частности, было рекомендовано продолжить раскопки в Мцхете, ведя их через Карталинию. Поскольку в Арме-

нии было много древних построек, то для их моделирования, фотографирования и пр. Комитет просил у правительства 1 000 рублей³³.

Помимо членов Комитета, на заседания были приглашены члены КОИРГО: постоянный член Кавказской археографической комиссии коллежский советник Н.Г. Берзенов, секретарь Кавказской судебной палаты и причисленный к Главному управлению наместника Кавказского коллежский советник Д.З. Бакрадзе, а также нечлен – тифлисский гражданин Г.А. Шермазан-Вартанов³⁴. В целом, Комитет считал, что для начала археологических работ на Кавказе необходима была сумма в 2 000 рублей, «т. е. та самая, какая испрашивалась у КОИРГО гр. Соллогубом в декабре 1856 года, по поводу записки М.Е. Челяева о необходимости местных археологических изысканий»³⁵.

На тот момент в России существовали следующие археологические общества: 1) Императорское Московское общество истории и древностей, созданное в 1804 году; 2) Императорское Одесское общество истории и древностей, основанное в 1839 году; 3) Императорское Русское археологическое общество в Санкт-Петербурге, начало которому было положено в 1846 году (Археологическо-нумизматическое общество до 1849 года, затем до 1866 года – Императорское археологическое Общество); 4) Императорская Археологическая комиссия, основанная в 1859 году; 5) Московское Археологическое общество, созданное в 1864 году; 6) Церковно-археологическое общество при Киевской духовной академии, основанное в 1872 году.

В надежде привлечь интерес к Кавказу среди археологов России и получить финансовую поддержку Императорского Русского археологического общества, А.П. Берже «с соизволения наместника Кавказского» был командирован в Петербург, где с 7 по 20 декабря 1871 года проходил 2-й Археологический съезд и праздновалось 25 лет со времени основания общества. На его заседании 26 января 1872 года А.П. Берже обратился за материальной помощью для производства раскопок Кавказским археологическим комитетом. Он «читал “Записку” об археологических богатствах Края, чем хотя и обратил внимание учё-

ного собрания на Кавказ, тем не менее Императорское Русское археологическое общество отозвалось неимением материальных средств на производство учёных работ в Крае»³⁶.

Однако созданная обществом комиссия сошлась во мнении, что «было бы весьма полезно основать на Кавказе постоянное археологическое учреждение с таковым же пособием от правительства». Об этом общество сообщило барону А.П. Николаи³⁷. Сам А.П. Берже 6 апреля 1872 года был избран действительным членом Императорского Русского археологического общества³⁸ и продолжал хлопотать о создании Археологического общества в Тифлисе.

Будучи в Петербурге, А.П. Берже по совету барона А.П. Николаи имел аудиенцию у пребывавшего в столице империи кавказского наместника. Он изложил главе Кавказа суть проблемы. Тот попросил А.П. Берже подготовить ему памятную записку и пообещал лично переговорить с председателем Императорской археологической комиссии. А.П. Берже подготовил записку и передал её великому князю через состоявшего при нём по высочайшему повелению князя С.Н. Трубецкого. «Какой же дальнейший ход получила моя записка, – сообщал он, – мне неизвестно, но смею думать, что она не была доложена его высочеству»³⁹.

Весной 1872 года ходатайства Кавказского археологического комитета увенчались частичным успехом. Наместник выделил на продолжение раскопок около Мцхета из сумм, состоявших в его распоряжении, 600 рублей. Изыскания были поручены Ф.С. Байерну, который приступил к работам в июне⁴⁰. Летом произвёл третью археологическую поездку А.Д. Ерицов.

23 декабря 1872 года А.П. Берже направил начальнику Главного управления наместника Кавказского записку. В ней он изложил результаты работ Ф.С. Байерна и А.Д. Ерицова в 1872 году⁴¹. Он также отметил, что разысканием древностей в крае занялись разные люди, которые делали это без ведома местного начальства. «К этому побуждают их или желание обратить на себя внимание начальства, – сообщал А.П. Берже, – или же одни корыстные виды»⁴².

Подводя итог, глава Археологического комитета отмечал, что Кавказ богат на памятники древности и нуждается в серьёзном и широкомасштабном археологическом обследовании. Главную проблему в невозможности их проведения он видел в отсутствии денежных средств. Решить проблему можно было, по его мнению, привлечением к раскопкам Императорской археологической комиссии⁴³. Однако поскольку та также отказалась участвовать в археологическом исследовании Кавказа финансово, А.П. Берже заключал, что теперь вся надежда оставалась только на помощь со стороны великого князя Михаила Николаевича. Поэтому он просил барона воспользоваться предстоящей поездкой Михаила Николаевича в Петербург и просить великого князя переговорить с председателем Императорской археологической комиссии относительно финансирования кавказских раскопок. А.П. Берже также просил выделить на будущий год 600 рублей на раскопки в Грузии, которые он планировал провести в других местах, нежели в предшествующие годы⁴⁴. А.П. Берже также рекомендовал обратить внимание на сохранность древнехристианских памятников Закавказья и предложил отправить избранного им человека в командировку с целью снятия копий, фотографирования, описания и пр. На это он испрашивал 1 500 рублей⁴⁵.

В качестве третьей местности для раскопок А.П. Берже предложил Карабах. Туда он планировал послать А.Д. Ерицова и просил выделить тому 900 рублей серебром. Общая сумма расходов на археологическое изучение края, таким образом, составляла 3 000 рублей⁴⁶. Кроме того, А.П. Берже указывал на необходимость определить конкретную сумму, которую можно было бы выдавать в качестве вознаграждения местным жителям, предоставлявшим ценные с археологической точки зрения предметы. В качестве таковой он просил ассигновать 15 рублей⁴⁷. В записке он также настаивал на организации бдительного надзора за раскопками. А.П. Берже сообщал, что вступил в переписку с академиком М.И. Броссе и Д.З. Бакрадзе относительно изучения Гурии за счёт Императорской Академии наук⁴⁸.

Независимо от Кавказского археологического комитета, но при участии некоторых его членов группа интеллигенции, обеспокоенная исчезновением и разрушением памятников кавказской археологии, собралась 30 декабря 1872 года с целью обсудить создание археологического общества, независимого от обществ московского и петербургского. 30 декабря 1872 года по приглашению директора Походной канцелярии наместника Кавказского, свиты его императорского величества генерал-майора князя С.Н. Трубецкого собрались у него на первом съезде членов-учредителей: сам князь, Ф.С. Байерн, Д.З. Баградзе, А.Д. Ерицов, директор Тифлисского музея Г.И. Радде, камергер двора его императорского величества и чиновник для особых поручений 7-го класса при наместнике Кавказском статский советник С.А. Талызин (нечлен КОИРГО), гофмейстер двора его императорского высочества государя великого князя Михаила Николаевича статский советник князь Л.П. Урусов (нечлен КОИРГО), старший нотариус Кутаисского окружного суда Г.С. Хатисов (Хатисян) и управляющий Управлением карантинно-таможенной части на Кавказе и за Кавказом тайный советник М.Е. Челяев (Чилиев)⁴⁹.

На собрании князь С.Н. Трубецкой обратил внимание участников на необходимость не только надеяться на правительственные меры, но и проявлять частную инициативу в деле исследования и сохранения памятников старины. Он предложил для этого организовать общество, «которое, став в близкое соотношение и идя рука об руку с правительством, несло бы на пользу истории и искусства те знания, ту любовь к делу, то самоотвержение, которые составляют характеристику частной, безвозмездной предприимчивости»⁵⁰.

Собрание обсудило программу общества и его название. Программа оказалась слишком обширной, поэтому было решено, не отказываясь от неё, сосредоточиться на самом необходимом, особенно на тех памятниках, что находились на грани исчезновения. С.А. Талызин предложил назвать проектируемое общество «Общество восстановления и сохранения кавказской древности». Одна-

ко против такого наименования выступили князь С.Н. Трубецкой, М.Е. Челяев, Г.И. Радде и А.Д. Ерицов. М.Е. Челяев выдвинул иное название – Общество любителей кавказской археологии. С этим все согласились⁵¹. А.Д. Ерицов, издатель недавно вышедшего в свет журнала «Кавказская старина», предложил сделать его официальным органом общества. Это предложение было принято⁵².

Бурную дискуссию вызвал вопрос о членских взносах. В результате было решено остановиться на сумме в 10 рублей в год или 100 рублей единовременно «навсегда». Кроме того, каждый новый член в год вступления должен был вносить в «складочный запасный капитал» единовременно не менее 10 рублей⁵³. Составление программы общества приняли на себя Ф.С. Байерн и Г.С. Хатисов. Было постановлено войти в сношения с Кавказским археологическим комитетом, Кавказским статистическим комитетом, Тифлисской физической обсерваторией, Кавказскими музеем и публичной библиотекой. Эти сношения принял на себя гофмейстер двора его императорского высочества великого князя Михаила Николаевича в звании камер-юнкера двора его императорского величества статский советник князь Л.П. Урусов⁵⁴.

Следующее заседание Кавказского археологического комитета из-за отсутствия в Тифлисе Г.И. Радде и Н.К. Зейдлица, а также болезни Ф.С. Байерна состоялось только 24 января 1873 года в зале Тифлисской публичной библиотеки под председательством А.П. Берже. В нём приняли участие не только его постоянные члены (Н.К. Зейдлиц, Г.И. Радде, А.Д. Ерицов), но и приглашённые, почти все являвшиеся членами КОИРГО: князь Н.В. Аргутинский-Долгоруков, князь К.А. Бебутов, Н.Г. Берzenov, Е.С. Кондратенко, М.Н. Смирнов, Е.С. Сталинский, С.А. Талызин (нечлен КОИРГО), князь Р.Д. Эристов⁵⁵. А.П. Берже прочёл свою «Записку», направленную им барону А.П. Николаи 23 декабря 1872 года. Опираясь на предложение наместника о том, что «составление здесь небольшого археологического общества или отдела Императорского Русского археологического общества было бы весьма полезно», председательствующий

поставил вопрос о том, что более важно для края и археологии: учреждение независимо от столичных археологического общества или открытие отдела какого-либо из них. Большинство участников заседания высказалось за создание в Тифлисе Кавказского археологического общества, независимого от столичных. Тем более, что и петербургское, и московское общества на тот момент оказали не готовы помочь в его организации.

С.А. Талызин сообщил о состоявшемся 30 декабря 1872 года съезде членов-учредителей проектируемого общества, который принял решение «образовать законным порядком Общество любителей кавказской археологии, которое будет иметь целью как охранение от разрушения лучших памятников края, так и изучение страны в историческом и археологическом отношениях, в связи с этнографией туземного населения». Считая, что два археологических общества в крае — слишком большая роскошь, С.А. Талызин предложил объединить Кавказский археологический комитет и Общество любителей кавказской археологии⁵⁶. Были распределены между отдельными членами районы, по которым им необходимо было собрать сведения о памятниках⁵⁷. На этом работа Кавказского археологического комитета была завершена; все его сотрудники вошли в состав планируемого Общества любителей кавказской археологии как его члены-учредители⁵⁸.

26 января 1873 года по приглашению С.А. Талызина и на его квартире состоялся 2-й съезд членов-учредителей проектируемого археологического общества. Из присутствовавших членами КОИРГО (уже избранными, бывшими или теми, кто станет ими впоследствии) были: князь Р.И. Андронников, князь Н.В. Аргутинский-Долгоруков, князь Г.К. Багратион-Мухранский, Д.З. Бакрадзе, Ф.С. Байерн, А.П. Берже, князь Д.Д. Джорджадзе, А.Д. Ерицов, К.Л. Зиссерман, Н.К. Зейдлиц, Г.И. Радде, М.Н. Смирнов, Е.С. Сталинский, Г.С. Хатисов, М.Е. Челяев, князь Р.Д. Эрстов. Никогда не были членами КОИРГО из приглашённых на съезд С.А. Талызин, А.Ф. Зальцман, князь Л.П. Урусов. Председателем был избран А.П. Берже, секретарём — А.Д. Ерицов⁵⁹. На собрании были

зачитаны и обсуждены протоколы 3-го собрания Кавказского археологического комитета и 1-го съезда членов-учредителей. Для проектирования устава общества была избрана комиссия под председательством А.П. Берже в составе: Н.Г. Берзенов, Д.З. Бакрадзе, Ф.С. Байерн и А.Д. Ерицов. Ф.С. Байерн сообщил, что уже составил проект устава на немецком языке с русским переводом. Заслушав несколько параграфов, собрание передало его в комиссию⁶⁰.

3 февраля 1873 года на 3-м съезде членов-учредителей будущего Общества любителей кавказской археологии, проходившем в зале Тифлисской публичной библиотеки также под председательством А.П. Берже, присутствовали члены Отдела в то или иное время: князь Н.В. Аргутинский-Долгоруков, Д.З. Бакрадзе, Ф.С. Байерн, А.П. Берже, Н.Г. Берзенов, М.Н. Герсеванов, князь Д.Д. Джорджадзе, А.Д. Ерицов, Н.К. Зейдлиц, Е.И. Кондратенко, барон А.П. Николаи, Г.И. Радде, М.Н. Смирнов, Г.В. Сиверс, Г.С. Хатисов, князь Р.Д. Эрстов. Никогда не были членами КОИРГО из приглашённых на съезд К.П. Баранов, князь К.А. Бебутов, З.П. Грикуров, К.Х. Мамацов, С.А. Талызин, князь Л.П. Урусов. Заседание обсудило проект устава, подготовленный комиссией на основе «Устава Императорского Русского археологического общества». Самыми бурными оказались обсуждения суммы членских взносов. В итоге постановили оставить 10 рублей в год. Для того, чтобы общество считалось открытым, было решено, чтобы его численность достигала 200 членов. Устав с правками был направлен для окончательного пересмотра⁶¹.

10 февраля 1873 года на 4-м съезде членов-учредителей в том же составе проект устава в исправленном виде был читан и принят. А.П. Берже был избран представить его правительственным органам. До открытия общества был избран Временный комитет под председательством А.П. Берже, в составе: Н.Г. Берзенов, Д.З. Бакрадзе, Ф.С. Байерн, А.Д. Ерицов⁶².

23 марта 1873 года «Устав Общества любителей кавказской археологии» был утверждён начальником Главного управления наместни-

ка Кавказского бароном А.П. Николаи⁶³. Перед обществом «Устав» ставил три задачи: поддержание и охранение от расхищения и разорения памятников старины на Кавказе; исследование этих памятников; приобретение археологических древностей. Членами общества могли быть лица обоего пола, русско-подданные и иностранцы⁶⁴. Число членов не было ограничено, но при вступлении желающие должны были оплатить единовременный взнос не менее 10 рублей в запасной капитал и 10 рублей ежегодных членских взносов. Единовременный взнос в 100 рублей освобождал от уплаты членских взносов навсегда⁶⁵.

Эрнест Шантр в некрологе Ф.С. Байерна называл того основателем Общества. «Занимаясь этим исследованием и публикуя его результаты, – писал французский учёный, – Байерн сумел собрать вокруг себя небольшую группу людей, любивших археологию. К 1874 году количество членов стало достаточно большим, чтобы рассмотреть возможность создания *Общества любителей кавказской археологии*; как он обычно делал, его основатель наделил его музеем, который быстро разросся всеми предметами, собранными во время раскопок, которые мы только что перечислили»⁶⁶. Позже о том, что по предложению Ф.С. Байерна было создано Общество любителей кавказской археологии, писал и Г. Вирхов⁶⁷. Действительно, Ф.С. Байерн внёс огромный вклад в развитие археологии Кавказа⁶⁸. Он был одним из энтузиастов, которыми движется наука. «Предоставленный самому себе; не имея личных ресурсов, – писал биограф Ф.С. Байерна, – он борется, почти 40 лет живёт на Кавказе; только благодаря большим личным жертвам он сумел идти в ногу с научным прогрессом, а необходимого ему часто не хватает»⁶⁹.

Не случайно после 5-го археологического съезда, прошедшего в Тифлисе, Ф.С. Байерн был избран членом-корреспондентом Берлинского антропологического общества. За свои труды по археологии он получил от Французской академии почётный титул – *officier de l'Académie*⁷⁰. Профессор Г. Вирхов посвятил ему значительную часть своего доклада в этом обществе 17 декабря 1881 года. «Многие интересующие ныне исследователя

местности, – отмечал он, – впервые расследованы г-ном Байерном. Понятно, что большею частью многое появилось благодаря случаю. Но он отправлялся туда для обследования дела на месте, собирал предметы и сохранял материал находок. Если притом принять во внимание, что г. Байерн живёт в весьма бедной обстановке, что он в продолжение многих лет только с самыми большими лишениями в состоянии был оставаться в связи с литературою Европы, что ему недостаёт многого, что для нас считается обыденною пищею, то нельзя не признать, что он совершил изумительное. Он возбудил внимание правительства; он приобрёл доисторическим трудом друзей, даже собрал Археологическое общество. Наконец, своими трудами, из которых первые появились в нашем этнологическом журнале, обратил внимание заграничных учёных на это важное поприще наук»⁷¹.

Как очевидно из вышеприведённого материала, Ф.С. Байерн действительно был основателем кавказской археологии и Общества любителей кавказской археологии, но как один из. Например, в «Православной энциклопедии» со ссылкой на грузинские исследования указано, что общество было создано по инициативе Д.З. Бакрадзе⁷². На начальном этапе не меньшую роль сыграли А.Д. Ерицов, А.П. Берже, барон А.П. Николаи. Им действительно удалось привлечь внимание к археологии края, особенно Закавказья, организовать сначала кружок, а затем и Общество.

Открытие действий Общества планировалось провести в сентябре, но оно было перенесено. 5-е заседание членов-учредителей прошло 5 ноября 1873 года в зале Публичной библиотеки. На нём присутствовали князь Н.В. Аргутинский-Долгорукий, А.Н. Бабаев, Ф.С. Байерн, Д.З. Бакрадзе, А.П. Берже, Н.Г. Берзенов, князь К.А. Бебутов, протоиерей Н.Н. Богомолов, князь Д.Д. Джорджадзе, А.Д. Ерицов, Н.К. Зейдлиц, К.Х. Мамацев, И.Х. Мамацев, О.Я. Симонсон, С.А. Талызин, князь С.Н. Трубецкой, князь Л.П. Урусов и князь Р.Д. Эристов. Здесь председатель Временного комитета общества А.П. Берже объявил об утверждении устава и о том, что великая княгиня Ольга Фёдоровна и великий

князь Николай Михайлович согласились принять на себя звания членов-соревнователей. С целью скорейшего открытия Общества было решено избрать Постоянный комитет. «Затем было приступлено к самим выборам посредством закрытых записок, по числу наличных членов, коих оказалось 18». Большинством голосов были избраны: председателем Общества – С.А. Талызин, его помощником – А.П. Берже, казначеем – Н.В. Аргутинский-Долгоруков, секретарём Общества – Н.Г. Берзенов. В члены Комитета были предложены и избраны: великий князь Николай Михайлович, князь Л.П. Урусов, Д.З. Баградзе, князь С.Н. Трубецкой, Ф.С. Байерн, А.Д. Ерицов, князь Д.Д. Джорджадзе и князь Р.Д. Эристов; в кандидаты к членам Комитета: Н.К. Зейдлиц, М.Н. Смирнов, О.Я. Симонсон, В.Н. Вырубов, П.И. Иосселиани, М.Е. Челябин, К.Х. Мамацев и А.О. Зальцман. Было принято решение «испросить установленным порядком соизволение на принятие его императорским высочеством великим князем Николаем Михайловичем звания члена Комитета, а прочих выше сего поименованных лиц утвердить в звании членов Комитета и кандидатов к ним». Единогласно было решено через председателя обратиться с ходатайством к наместнику с предложением принять звание «покровителя общества». Предложены и единогласно избраны в почётные члены общества были: великая княгиня Мария Николаевна и великий князь Константин Николаевич, а также высокопреосвященный Исидор, митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский (бывший экзарх Грузии), барон А.П. Николаи, граф А.С. Уваров, князь Г.Г. Гагарин, академик М.И. Броссе и Н.В. Ханьков. Председатель Общества, ввиду заслуг Ф.С. Байерна в изучении края вообще и в археологических изысканиях, предложил признать его пожизненно бесплатным членом Общества, что и было принято единогласно.

На заседании были доложены просьбы и предложения о принятии новых членов. В частности, военный инженер, капитан Д.Ф. Жаринцов из Поти подал заявление о желании поступить в число членов Общества и о готовности сообщить о произведённых им

археологических изысканиях на Таманском полуострове. Было рассмотрено заявление от полицмейстера Анапы капитана Яновского от 30 июля 1873 года о сделанных им раскопках близ г. Анапы, которые он был готов продолжать и впредь. Обоим были вынесены благодарности от Общества, а Д.Ф. Жаринцова приняли в члены Общества. Решено было избирать в члены-корреспонденты по преимуществу лиц, которые могут быть действительно полезны обществу «своими трудами, знанием дела и любовью к предмету, причём принимать в соображение засвидетельствование одного или нескольких членов Общества». Наконец постановили обратиться с просьбами к высокопреосвященному Евсевию, экзарху Грузии и святейшему патриарху всех армян Кеворку, чтобы они согласились принять на себя звание действительных членов Общества.

Члены Общества решили провести торжественное открытие Общества любителей кавказской археологии в декабре, а все предварительные работы к открытию возложить на должностных лиц Общества. Временный комитет было постановлено считать закрытым, «а дела его передать по принадлежности в новоизбранный Комитет Общества»⁷³.

Торжественное открытие Общества любителей кавказской археологии состоялось 9 декабря 1873 года в зале Тифлисского музыкального общества в присутствии «членов новоизбранного Комитета Общества, в присутствии почётного члена оно, барона А.П. Николаи, членов-учредителей, действительных членов Общества и многих посторонних лиц»⁷⁴. А.П. Берже торжественно открыл Общество любителей кавказской археологии⁷⁵. При этом он прочитал составленную им «Записку об археологических богатствах, задачах, современном состоянии и будущем направлении археологии Кавказа и Закавказья, о том, что сделано уже по этому предмету и что ещё предстоит сделать, на какие пункты преимущественно должна быть направлена деятельность Археологического общества и какие цели она должна преследовать»⁷⁶. Он же и дал определение той науки, для служения которой было организовано общество. А.П. Берже указывал,

что в широком смысле археология – это наука о древностях. В узком же понимании – наука, «объясняющая при помощи памятников искусства духовную жизнь древних народов». После развития геологических знаний археология «получила новое развитие», поскольку появилась возможность определять приблизительный возраст археологических памятников. Именно поэтому А.П. Берже указывал на необходимость «ввиду будущих археологических разысканий на Кавказе» содействовать «распространению об этом крае возможно более геологических сведений... Сказанное нами о геологии, – говорил он, – в равной степени должно быть применено и к палеонтологии»⁷⁷. «Верной помощницей» археологии учёный также называл филологию, в которой относительно Кавказа достигнуты были наибольшие успехи⁷⁸. В этом же собрании принял Общество под своё покровительство великий князь Михаил Николаевич.

Как уже отмечалось, в занятия Общества должны были входить: 1) поддержание и охранение от разорения и расхищения замечательных сооружений на Кавказе; 2) исследование памятников древности и старины и 3) приобретение археологических древностей. Выполнение всех этих задач возлагалось главным образом на Комитет Общества, состоявший из председателя, его помощника, восьми членов, секретаря и казначея.

В заседании Комитета Общества 18 декабря 1873 года его член и член КОИРГО М.Н. Смирнов прочёл ещё одну программную для Общества любителей кавказской археологии речь. В ней он обратил внимание на необходимость его членам включать в круг своих исследований и сведения этнографического характера. «Археология данной местности стоит в самой тесной связи с историей её жителей, а необходимым основанием истории является этнография», – считал он. Кроме того, М.Н. Смирнов указывал на важность совместного действия археологической науки с другими науками, помимо этнографии. «При том разделении труда в научных занятиях, которое существует в Европе, возможно и существование этнографических обществ и специалистов по этнографии, – говорил он. –

На Кавказе же, где людей, занимающихся наукой, весьма немного, подобное специализирование немыслимо. Мне кажется поэтому, что Археологическое общество, нуждаясь в этнографических сведениях, и должно включить этнографию в круг своих занятий, работая по ней параллельно с Географическим обществом. Задача разработать этнографию Кавказа настолько сложна и трудна, что требует помощи с многих сторон... Такая-то естественно-историческая классификация и необходима нам... Этнография, занимаясь описанием человеческих рас, их сродства, и стараясь добиться до их происхождения, требует громадного запаса всесторонних сведений, призывая к себе на помощь археологию, историю, геологию и лингвистику. К несчастью, в истории человеческих рас ещё не установились прочные основания классификации, и до сих пор язык служил почти единственным признаком при классификации их. Между тем, современная наука доказывает, что классификация, основанная на одном признаке, имеет всегда характер искусственный... Язык – элемент весьма непостоянный. Часто весьма близкие по происхождению народы говорят на языках весьма различных, и наоборот, народы, не имеющие ничего общего между собой, говорят на языках весьма близких... Между тем, у нас на Кавказе почти единственные труды по этнографии имеют чисто филологический или лингвистический характер... Мы не знаем, совпадает ли выше-названная лингвистическая классификация с той, которую бы дало нам описание многочисленных племён Дагестана по их физическим характерным чертам».

В качестве поля для исследований М.Н. Смирнов предложил Дагестан. «Современная этнография, – утверждал он, – установила научный метод для своих исследований, и этнографические общества издали весьма точные и подробные инструкции для руководства при исследованиях и описаниях человеческих рас. Приём в сущности тот же, что в метеорологии и статистике – собрание возможно большего числа отдельных наблюдений в строго определённом порядке и вывод из них средних чисел. Таким образом, изменчивое и произвольное впечатление

заменено строгим и определённым наблюдением, при котором метр и измерительная тесьма решают дело. Даже для таких признаков, как цвет волос и глаз, установлены нумерованные лекала цветов, устраняющие необходимость субъективной оценки... Но мне кажется, что, ввиду важности и интереса могущих быть добытыми результатов, следовало бы положить почин делу. Инициатива его должна принадлежать тем двум обществам, которым всего ближе этнография – Географическому и Археологическому, причём следовало бы прибегнуть к участию и Медицинского. Соединив свои труды и денежные средства, вышеназванные общества могли бы немало содействовать разъяснению этнографии Кавказа – этой прекрасной и загадочной окраины России, и тем самым содействовать отечествоведению в одной из его интереснейших отраслей, а кроме того, может быть, немало обогатить и науку вообще»⁷⁹.

Это выступление вызвало бурную полемику с Л.П. Загурским⁸⁰. Возражая ему, М.Н. Смирнов указывал, что в своей заметке настаивал на невозможности основывать классификацию человеческих рас на языке, «как на элементе слишком непостоянном, и придавал научное значение лишь классификации естественно-исторической, основанной на характерных физических чертах».

Л.П. Загурский был не согласен с этим основным положением. Позже, на одном из заседаний 7-го отделения археологического съезда 1881 года, Л.П. Загурский заметил, что он «вовсе не думал утверждать, чтобы одна только лингвистика могла решить все этнологические вопросы, а говорил только о заслугах, связанных с лингвистикой кавказской этнологии; для уяснения отдалённого прошлого обитателей Кавказа необходимы также археологические исследования, антропологические измерения, собрание преданий и изучение пережитков прошлого, сохранившихся в обычаях, нравах и религиозных верованиях. При всестороннем изучении прошлого надо соблюдать крайнюю осторожность в составлении выводов и относиться критически к историческим источникам, в особенности к преданиям»⁸¹.

С новым обществом связывались большие надежды. Так, например, в 1873 году Д.З. Бакрадзе опубликовал в грузиноязычном журнале *«Цискари»* статью «Об обществе любителей кавказской археологии, основание которого предполагается в Тифлисе», в которой ознакомил грузинских читателей с перспективами археологических исследований на их родине. В начале статьи подчёркивалась необходимость историко-археологического изучения Кавказского региона и была дана оценка значению надписей, обнаруженных на исторических памятниках, связанных с изучением прошлого Грузии. Затем Д.З. Бакрадзе рассказывал о целях и задачах нового археологического общества. Он сообщал, что создание Археологического общества было вызвано следующими фактами: «Обществу необходимо было полностью понять значение этих древних остатков, сохранить их и не позволять никому больше портить их; фотографировать здания и их настенные росписи; копировать надписи; приобретать старые монеты, рукописи и все те предметы, которые составляли такой дар древности; организовывать археологические раскопки гробниц, где это было необходимо, и т. д.».

Естественно, Д.З. Бакрадзе как грузина в первую очередь интересовали памятники Грузии. Он считал, что материалы по истории Грузии должны собираться главным образом посредством исторических и археологических исследований. Эти историко-археологические изыскания представляли собой часть более обширного плана, разработанного Д.З. Бакрадзе. Его конечной целью было изучение грузинских древностей в целом. Эта цель, естественно, была за пределами возможностей одного человека. Поэтому исследователь настаивал на объединении усилий учёных⁸².

Важную роль в пропаганде идеи археологического исследования Кавказского края сыграл и выход в свет сначала в 1873–1875 годах в «Актах, собранных Кавказской археографической комиссией», а затем в 1875 году отдельным изданием работы Д.З. Бакрадзе о древних памятниках христианства на Кавказе⁸³. В этом труде было помещено обстоятельное описание 321 христианского па-

мятника Кавказа, причём история каждого из них приводилась отдельно, с указанием литературы по предмету. Как отмечал сам автор в предисловии к отдельному изданию, «этим обзором я желаю дать читателю общее понятие как о роли памятников христианства на Кавказе в прошлых судьбах края, так и о значительном обилии их археологических данных. Общество любителей кавказской археологии взялось за великое дело поддержать и охранить от разорения и расхищения замечательные сооружения на Кавказе; исследовать памятники древности и приобрести археологические редкости. Выполнением этой программы оно, нет спора, окажет неоценимую услугу науке и увековечит свою память в истории Кавказа»⁸⁴.

А.Д. Ерицов в одной из публичных лекций, прочитанных в Тифлисском кружке, отмечал: «Теперь, когда у нас учредилось Общество любителей кавказской археологии, нужно надеяться, что раскопки в Армении будут продолжаться, коллекции найденных черепов увеличатся и со временем, наука будет иметь возможность дать своё заключение относительно первоначального типа армянки»⁸⁵.

Другой исследователь, обратив во время своего путешествия внимание на крепость и ханский дворец в Нухе, отмечал, что они «составляют особенность города, и дворец настолько интересен, что я советую каждому, посещающему в первый раз этот город, заглянуть во внутренность его покоев. Общество любителей кавказской археологии примет его, конечно, под свою охрану от расхищения невежественных любителей древностей. Общество как нравственная сила, имея членов в разных концах Кавказского края, озабочится без сомнения составлением планов и фасадов, так равно и подробным описанием настоящего положения всех древностей, по возможности, в каждой местности, если они заслуживают внимания, чтобы быть в состоянии следить за тем, как будут они охраняться от всесокрушающего времени и от руки невежды — столь же опасного врага»⁸⁶.

По замечанию составителя словарной статьи в одном из популярных в России энциклопедических словарей, «участие же в трудах

Общества местных его членов было слишком незначительно, что весьма невыгодно отразилось на успехах его деятельности. За более чем пятнадцатилетний период существования⁸⁷ результатом занятий служат следующие издания: 1) «Записки Общ. любителей кавказской археологии» (т. I, 1875), составленные из статей: Берже, «Кавказ в археологическом отношении», и Бакрадзе, «Кавказ в древних памятниках христианства», со включением официального отдела (где помещён устав Общества и годовой отчёт) и приложения (три надписи); 2) «Известия Общества любителей кавказской археологии» (два вып., первый вышел в 1877 г., заключающий два реферата и годовой отчёт), и 3) особое издание — «Предметы древности в хранилище общества» (I вып., Тифлис, 1877 г.)⁸⁸. Как видно из отчётов, Общество предпринимало раскопки (особенно замечательны из них те, которые производил Байерн и затем Бакрадзе), исследовало местные древности и составляло их описания (Иосселиани), заботилось о сохранении предметов древностей, помещая их в своём музее, и способствовало разъяснению и разработке исторических данных Кавказа (Бакрадзе)»⁸⁹.

Однако на деле существование Общества можно разделить на две неравнозначные части: примерно до 1878 года и после. В первый период происходил рост интереса к Обществу и его работам, который под конец, правда, сменился постепенным сокращением его членов. А после смерти главы Общества оно приходит в упадок, и последним мероприятием, в котором оно участвовало, стало проведение археологического съезда в Тифлисе.

По составу это было одно из самых представительных обществ Кавказа. Помимо покровителя из царского семейства, членами-соревнователями его являлись великая княгиня Ольга Феодоровна и великий князь Николай Михайлович; почётными членами — великий князь наследник-цесаревич Александр Александрович, великий князь Константин Николаевич, митрополит Новгородский и Петербургский Исидор, глава Главного управления наместника кавказского барон А.П. Николаи, глава Московского ар-

хеологического общества граф А.С. Уваров, живописец и бывший вице-президент Академии художеств кн. Г.Г. Гагарин, академик М.Н. Броссе, Н.В. Ханыков⁹⁰.

К 1 января 1875 года количество действительных членов составляло 62 человека. Из них пожизненными было восемь человек, а одновременно членами КОИРГО – 27. В этих цифрах не учтены умершие И.Д. Мамцов и секретарь общества, член КОИРГО Н.Г. Берзенов. Членом-сотрудником был член КОИРГО П.И. Иосселиани⁹¹, членом-корреспондентом – член Отдела И.В. Бентковский⁹². После смерти секретаря Н.Г. Берзенова на годовом собрании 15 января 1875 года новым был избран будущий член КОИРГО – В.Н. Вырубов, который являлся также хорошим художником⁹³. В конце 1870-х годов количество членов составляло 53 человека.

В составе Общества были и бывшие, и действующие члены Отдела. Например, А.П. Берже являлся помощником председателя, Н.Г. Берзенов до своей смерти был секретарём, кн. Н.В. Аргутинский-Долгоруков – казначеем⁹⁴. Основным рабочим органом Общества был его Комитет. В него входили: князь Л.П. Урусов, Д.З. Бакрадзе, князь С.Н. Трубецкой, Ф.С. Байерн, А.Д. Ерицов, князь Д.Д. Джорджадзе, князь Р.Д. Эристов, М.Н. Смирнов⁹⁵. Позже его составляли: Д.З. Бакрадзе, князь С.Н. Трубецкой, Ф.С. Байерн, А.Д. Ерицов, князь Д.Д. Джорджадзе, князь Р.Д. Эристов, М.Н. Смирнов⁹⁶.

Основу деятельности общества составляла программа, изложенная А.П. Берже на Втором Археологическом съезде в Санкт-Петербурге в «Записке об археологии Кавказа». В ней он представил обзор всех известных памятников. В обзоре на первом месте стояли развалины храмов, монастырей и крепостей, руины древнегреческих, римских и генуэзских поселений, эпиграфические и палеографические памятники. Согласно А.П. Берже, всякое исследование и охрана древностей в России может организовываться только с участием правительства и Императорской археологической комиссии, при участии которых уже был создан Археологический комитет в Тифлисе для оценки древностей и их изучения⁹⁷. Уже после открытия археологи-

ческого общества, в 1874 году, А.П. Берже издал работу «Кавказ в археологическом отношении», в которой обозначил направления археологического изучения региона⁹⁸.

Поначалу деятельность Общества была активной. Комитет признал необходимым не дробить раскопки одновременно по разным местам, а сосредоточить их пока в Мцхете. Раскопки были поручены Ф.С. Байерну⁹⁹. Благодаря поддержке великого князя на археологические работы ежегодно выделялись 600 рублей из средств Главного управления наместника кавказского. Помимо раскопок, члены Общества занимались исследованием памятников Кавказа, делая о них сообщения в заседаниях. Общество фиксировало в специальной книге все подробности случайных археологических находок на Кавказе¹⁰⁰.

Раскопки членов Общества привлекли общественный интерес, в том числе и за рубежом; сведения о деятельности Общества периодически появлялись в газете «Кавказ»¹⁰¹. Позже Д.З. Бакрадзе писал, что «археологическая деятельность на Кавказе возбудила интерес и вне самого общества. Г. Байерн отпечатал: 1) *Ausgrabungen der alten Gräber bei Mzchet...*¹⁰² 2) *Die Ausgrabungen von Samhtavro im Jahre 1872 (Mittheilungen der antropologischen Gesellschaft in Wien. 1874, Bd. IV. S. 8–79)*¹⁰³. Тракаты Байерна вызвали следующие статьи: 1) в издании бельгийского учёного Steuer'a в *Étnographie des peuples de l'Europe*, t. II, 2-me fascicule, 1872. P. 308–321, в которой находкам Байерна в Самтавро придаётся важное значение в этнографии вообще; 2) Наши этнологи г. Загурского в №№ 38 и 40 Тифлисского Вестника за 1875 г.; 3) Доисторический Кавказ г. Филимонова в Вестнике Общ. древнерусск. искусства за 1874–1876 гг., 4) По поводу раскопок на Самтаврском кладбище 1875 и 5) Опыт антропологического исследования макрокефалических черепов, найденных г. Байерном в гробницах древнего Самтаврского кладбища, с шестью таблицами рисунков и синоптической таблицей измерений черепов, 1875 г., – обе статьи принадлежат доктору Сцепуре»¹⁰⁴.

При Обществе были созданы библиотека, музей и нумизматическая коллекция. Экспо-

наты двух последних хранились в Кавказском музее, да так в нём и остались¹⁰⁵. Музей пополнялся в основном за счёт раскопок, а библиотека – пожертвованиями. В 1874 году библиотека обогатилась изданиями по археологии и нумизматике Востока и вообще Кавказа, предоставленными в пользу общества великим князем Михаилом Николаевичем из библиотеки покойного археолога-нумизмата И.А. Бартоломея¹⁰⁶.

Местностями, где раскопки дали наиболее обильные результаты, были старинные кладбища: 1) в Самтавро, близ Тифлиса; 2) в семи верстах от Душета; 3) в немецкой колонии Мариенфельд и в пяти верстах от неё, на земле селения Сартачала Тифлисского уезда; 4) близ селения Дилижан, в Дилижанском ущелье (Эриванской губернии). Из них самым богатым по находкам являлось Самтаврское кладбище, «расположенное в 20-ти верстах от Тифлиса, в знаменитом в истории Грузии, ныне убогом селении Мцхете»¹⁰⁷. «На этом-то кладбище, – говорится в предисловии “Предметов древности в хранилище общества”, – было вскрыто около 600 гробниц во время раскопок, произведённых по распоряжению правительства в 1872 и 1873 гг., а по образовании Общества, его попечением, в 1874, 1875 и 1876 гг. Находки 1872 г. были переданы в Тифлисский музей, а находки 1873 г. препровождены в Императорский Эрмитаж¹⁰⁸. Из последних только некоторые предметы были описаны в отчёте Императорской археографической комиссии за 1872 г.»¹⁰⁹. Наиболее активно раскопки вели Ф.С. Байерн, А.Д. Ерицов, С.А. Вейс-фон-Вейсенгоф и В.Н. Вырубов.

Д.З. Бакрадзе правильно отмечал несправедливость «нередко повторяемых словесно и письменно обвинений в бездействии Общества любителей кавказской археологии. Согласитесь, что при весьма скудных средствах этого Общества и при том равнодушии, с которым публика вообще относится к нему, накопить в своём музее при хранилище 6 000 номеров что-нибудь да значит»¹¹⁰. Хранителем музея Общества любителей кавказской археологии был Ф.С. Байерн, «которому Общество обязано находкой почти всех имеющихся в коллекции вещей»¹¹¹.

Тем не менее, по-видимому, постепенно в делах Общества стали накапливаться проблемы. Так, в декабре 1874 года его Комитет обратился через газету к своим действительным членам «поспешить взносом следующих с них в наступающий 1875 год денег, согласно § 16 устава Общества»¹¹². В декабре 1875 года комитет Общества любителей кавказской археологии трижды «имел честь» «покорнейше просить гг. действительных членов поспешить с доставлением ежегодных взносов... на наступающий 1876 год»¹¹³. Опыт КОИРГО показывает, что такие объявления появлялись в связи с нежеланием по тем или иным причинам членов Отдела платить ежегодные взносы; затем этот процесс принимал хронический характер. Снижение интереса, а, следовательно, и поступавших средств, было отмечено и в последнем опубликованном «Годовом отчёте Общества любителей кавказской археологии за 1876 год». Подчеркнув, что в 1876 году «количество членов общества против 1875 года уменьшилось почти наполовину», автор «Отчёта» продолжал: «Отсюда явно усматривается прискорбное явление – охлаждение ревности гг. членов как в присылке своих годичных членских взносов, так и к участию в трудах Комитета». Как результат – «не только затруднение, но и до известной степени и невозможность приведения в исполнение даже некоторой части предначертанных нашим уставом целей, а также и парализует деятельность тех из нас, которые приносят свой посильный труд на пользу нашего дела»¹¹⁴. Правда, непонятно, откуда были взяты указанные цифры по сокращению членов. 27 января 1876 года на годичном собрании в зале Тифлисской публичной библиотеки было заявлено, что количество членов Общества за год сократилось на три и составило 90 человек (11 почётных, два соревнователя, два корреспондента, три сотрудника и 72 действительных)¹¹⁵.

Председатель Общества, камергер Двора его императорского величества, действительный статский советник С.А. Талызин умер 6 октября 1878 года¹¹⁶. С его смертью связывали постепенный упадок возглавлявшегося им археологического общества. По утверждению одного из корреспондентов «Кавказа»,

Общество любителей кавказской археологии распалось и к 1881 году уже не существовало¹¹⁷. Как отмечал Э. Шантр, биограф Ф.С. Байерна, «мало-помалу молодое Общество, изолированное в области исследований, которая была слишком обширной и слишком мало изученной, стало дезорганизованным, и к 1881 году от этой последней работы старого учёного ничего не осталось, кроме его прекрасных коллекций, которые были переданы в Кавказский музей»¹¹⁸. В «Кавказском календаре на 1881 год» должность председателя отсутствовала, а высшим должностным лицом был указан секретарь В.Н. Вырубов (также член КОИРГО), хотя количество членов оставалось прежнее – 53 человека¹¹⁹.

На самом деле, Общество любителей кавказской археологии после смерти своего первого главы не исчезло. Но его работа затихает. Не случайно его член, князь Р.Д. Эрстов, в январе 1880 года указывал, что «археология вообще весьма недавняя, относительно, наука, а кавказская только в зародыше, если не считать за начало местной археологии время посещения, с этою целью, Края некоторыми путешественниками, урывками, и академика Броссе в сороковых годах»¹²⁰.

После кончины председателя С.А. Талызина в управление делами общества вступил его помощник – князь Д.Д. Джорджадзе. Под его руководством прошло несколько публичных заседаний. Но так как в то же время в Тифлисе был организован Подготовительный комитет Пятого Археологического съезда, в состав которого вошли и некоторые из членов Общества, то князь Д.Д. Джорджадзе отложил созыв новых собраний и выборы нового председателя до окончания съезда¹²¹.

Уже после съезда, 5 октября 1881 года, под председательством князя Д.Д. Джорджадзе, исполнявшего обязанности после смерти С.А. Талызина, прошло заседание Общества любителей кавказской археологии. На нём было сообщено, что Общество начало свою деятельность в 1873 году в числе 60 с лишним членов, но затем их число пошло на убыль. Это было не совсем так, поскольку поначалу наблюдался рост количества членов, однако с конца 1870-х годов наметилась обратная тенденция. В 1880 году их было во-

семь, а в 1881 году внёсших членские взносы вообще не было. Значительная часть археологических коллекций, собранных Ф.С. Байерном и принадлежавших Обществу любителей кавказской археологии (на 1877 год в музее было до 6 000 экспонатов), поступила потом в Тифлисский музей¹²². Библиотека Общества была передана в состав Тифлисской публичной библиотеки¹²³.

По словам графа А.С. Уварова, произнесённым на закрытии Тифлисского археологического съезда в сентябре 1881 года, «деятельность его (Общества любителей кавказской археологии. – О.Г.), никогда не отличавшаяся особенной оживлённостью, в последние годы совершенно прекратилась. Причину этого явления оратор находит, между прочим, в некоторых недостатках самого устава Общества»¹²⁴. Отчасти, возможно, роль в упадке общества сыграл и финансовый вопрос. По «Уставу» его суммы должны были состоять из членских взносов, пожертвований и доходов от продажи изданий. С изданиями однозначно не задалось. В 1874 году от ежегодных взносов было получено 1 120 рублей, 940 рублей – от пожизненных членов, от великих князей и княгини поступило 325 рублей в запасной капитал и 75 рублей ежегодных взносов. Кроме того, от Главного управления наместника кавказского по приказанию наместника было выделено 600 рублей. Таким образом, доход оказался неплохим и составил на 17 декабря 1874 года 3 060 рублей. Расходы же с 9 декабря 1873 года по 17 декабря 1874 года были в 1 494 руб. 67 коп.¹²⁵.

За период с 17 декабря 1874 года по 13 декабря 1875 года приход был 2 851 руб. 67 коп. с учётом остатка с прошлого года в 1 565 руб. 33 коп. Чистые же поступления составили только 1 286 руб. 34 коп. – в два с лишним раза меньше, чем в предшествующем году. Причём членские взносы дали 511 руб. 34 коп., а остальные деньги были получены от правительственных учреждений и членов-меценатов: 600 рублей по приказанию великого князя из сумм Главного управления на раскопки Ф.С. Байерну, 100 рублей от наследника-цесаревича и по 25 рублей от великих князей Михаила Николаевича и Николая Михайло-

вича, а также от великой княжны Ольги Феодоровны. Потрачено же было к тому же числу 2 712 руб. 20 коп. А остаток составил всего 139 руб. 47 коп.¹²⁶.

В 1876 году ожидался приход в 2 680 рублей. Исходя из сметы, постоянными доходами были: членские взносы, 600 рублей на раскопки Ф.С. Байерна, деньги от их высочеств. Надежда была также на то, что 250 экземпляров «Записок» будут распроданы на сумму в 1 505 рублей¹²⁷. Однако, учитывая сокращение числа действительных членов в последующие годы и «страсть» многих из них не платить вовремя членские взносы, в последующие годы число доходов сократилось. Это отразилось и на издании «Записок» общества. Первая книжка, вышедшая в 1875 году тиражом в 300 экземпляров и стоившая Обществу 1 984 руб. 80 коп. (причём уплачено было только 1 466 руб. 40 коп., а 518 руб. 40 коп. Общество осталось должно), так и осталась единственной¹²⁸. Правда, в 1877 году было издано два выпуска «Известий Общества любителей кавказской археологии», но о них нам почти ничего не известно¹²⁹.

Ещё одну причину упадка Общества обозначил его член князь Р.Д. Эристов. «Таким образом, – подводил он итог, – почти каждое из европейских археологических обществ имеет более или менее свою определённую цель, определённую программу и место действий, а потому для членов тех обществ достаточно ознакомления и изучения предметов архитектуры, скульптуры, ваяния, языка, письмен, истории, религии и нравов и обычаев данного народа и данной местности; они имеют удобства и возможность прибегать к содействию лиц – специалистов по той или другой отрасли искусства и знания, так как они почти окружены подобными личностями, и, наконец, членами тех обществ состоят преимущественно такие лица, которые посвятили себя и всё своё время науке археологии. Положение же членов-любителей кавказской археологии, как людей преимущественно служащих, совсем другое, а изучение кавказской археологии – займутся ли эти члены вообще археологией, или какою-либо одною из вышепоименованных отраслей её – требует иных

подготовлений, иных условий, иных приёмов ... На Кавказе было и вращалось не одно племя, а здесь жили и проходили различные народы, вытесняя друг друга; одни сходили со сцены, исчезали и появлялись другие, чтобы уступить место последующим ... Прошедшее Кавказа темно, мифично ... Кавказ не имеет ещё своей истории, а хроники и летописи его повествуют нам лишь об огне и мече, о крови, могилах и разрушении! ...Здесь любитель археологии, рассматривая какую-нибудь открытую монету, какие-нибудь хартии, какие-нибудь развалины или могильные плиты, может в одной и той же местности, на одной и той же стене или плите обнаружить надписи, так называемые клинообразные, или гвоздеобразные, или на языке мёртвом, исчезнувшем и непонятном, или, наконец, на языках: еврейском, арабском, персидском, татарском, турецком, сирийском, латинском, греческом, грузинском и проч., и проч. Здесь зачастую могут встретиться постройки стилей: византийского, арабского, персидского и каких-то своеобразных-местных... Поэтому необходимо заранее ознакомление с подобными образцами, знание и изучение архитектуры и стилей помянутых построек, так и знание языков классических, восточных и главных местных. Необходимо также изучение грузинских письмен... Как видите, всё это не под силу одному человеку, и здесь не Европа, чтобы можно было, в случае надобности, обратиться за советами, разъяснениями, указаниями и к содействию любого учёного или к пособию специалиста по известной части, по данному сомнительному вопросу; здесь даже наличные библиотеки не всегда удовлетворяют насущным потребностям местной археологии... Поэтому любителям кавказской археологии следует спланировать вместе для археологических экскурсий, приглашать с собою хороших переводчиков, живописца, топографа, фотографа и брать с собою дорожную, соответствующую библиотеку, пропускную и мягкую бумагу, фонари, верёвочные лестницы и т. п. приспособления и необходимые принадлежности. Когда-то и я имел честь состоять членом Общества любителей кавказской археологии, однако, что касается лично меня, то я далеко не подготовлен для описанной

выше цели, а тем менее — могу позволить себе иметь какую-нибудь претензию на учёность в этом отношении; но как простой любитель и имевший случаи ездить и возвращаться в Крае, могу порою указывать на замечательные, по-моему, и интересные, в смысле археологическом, пункты и предметы и тем принести хотя небольшую лепту в сокровищницу науки»¹³⁰.

Однако Общество своими работами и изданиями всё же обратило на себя внимание, в том числе и на Кавказе. После смерти первого руководителя в нём постепенно остались только те, кто действительно был заинтересован в изучении края. В рассказе о Тифлисском археологическом съезде 1881 года автор статьи в «Известиях КОИРГО» справедливо отмечал, что «изучение памятников отдалённой древности... находилось у нас на Кавказе до конца 60-х годов почти в зачаточном состоянии. Больше оживления в исследовании означенных памятников замечается в начале 70-х годов, т. е. со дня основания Общества любителей кавказской археологии». Среди его членов автор особенно подчёркивал выдающуюся роль Ф.С. Байерна и его археологических исследований¹³¹.

В 1879 году на 2-м торжественном собрании съезда Общества любителей естествознания и антропологии в Москве депутат от Кавказа Н.К. Зейдлиц ознакомил собравшихся в том числе и с работами Общества любителей кавказской археологии, как его представитель¹³². Как отмечала графиня П.С. Уварова, «Обществу любителей кавказской археологии немыслимо было выполнить программу Адольфа Петровича (Берже. — О.Г.) не только по её обширности, но и потому, что в 70-х годах... ещё слишком мало разобрались в древностях Кавказа, ещё слишком мало было людей, заинтересованных этим делом и к нему подготовленных». Но именно это Общество первое заговорило о необходимости изучения древностей края. А.П. Берже составил программу, Д.З. Бакрадзе — «Сборник христианских памятников Кавказа», Ф.С. Байерн — первую коллекцию могильных древностей края, «без которых Тифлисский музей не имел бы отдела первобытных древностей и таким образом был

бы навсегда лишён возможности представить хотя бы некоторую картину богатства и важности могильников Северного Кавказа, инвентарь которых, большею частью, разграблен и вывезен в музеи Парижа, Берлина и Вены»¹³³.

Последним крупным предприятием членов Общества стала подготовка Пятого Тифлисского археологического съезда, который прошёл 8–21 сентября 1881 года. Одним из итогов съезда стало учреждение 28 ноября 1881 года Кавказского общества истории и археологии.

21 сентября 1881 года на общем собрании съезда А.С. Уваров высказал пожелание, чтобы он «вызвал бы к существованию в Тифлисе такое археологическое общество, которое бы вполне удовлетворяло требованиям, предъявляемым к учёным обществам». О существовавшем Обществе любителей кавказской археологии граф отмечал, что «деятельность его, никогда не отличавшаяся особенной оживлённостью, в последние годы совершенно прекратилась». А.С. Уваров предложил, чтобы бывший Тифлисский предварительный комитет съезда слился с Обществом и вместе они бы составили новое археологическое общество на более прочных научных основаниях — Кавказское археологическое общество. Для помощи руководителю Кавказского музея, который предполагался как хранилище предметов древности, граф предложил ходатайствовать об учреждении в его штате должности консерватора археологических коллекций. Но эта должность должна была замещаться и действовать под контролем Кавказского археологического общества. Наконец, граф А.С. Уваров предложил пригласить на Кавказ специалистов, которые специально занялись бы антропологией, лингвистикой и археологией края.

Съезд принял все его предложения, а председательствовавший на нём А.В. Комаров дополнил выступление графа указанием на то, что большая часть членов Предварительного комитета являлись членами Общества любителей кавказской археологии. «Поэтому он надеется, что это Общество само преобразует в настоящее время свою деятельность и

изменит свой устав согласно тем указаниям, которые были сделаны на съезде»¹³⁴.

5 октября 1881 года под председательством князя Д.Д. Джорджадзе прошло заседание Общества любителей кавказской археологии. На нём председательствующий предложил Обществу возобновить свою деятельность и избрать председателя, казначея и секретаря. Председателем единогласно и без баллотировки избрали начальника Кавказского военно-народного управления генерал-лейтенанта Генерального штаба А.В. Комарова, по предложению которого, также без баллотировки, секретарём выбрали столоначальника 2-го отделения Кавказского военно-народного управления А.В. Кацуцевича (Каццоцевича) (не являлся членом Отдела), а казначеем — состоявшего при Главном управлении наместника кавказского коллежского асессора князя Н.В. Аргутинского-Долгорукого. Была также избрана комиссия из пяти лиц для пересмотра устава¹³⁵. Членами Редакционного комитета также стали члены КОИРГО: Д.З. Бакрадзе, начальник 2-го отделения Кавказского военно-народного управления коллежский асессор Е.Г. Вейденбаум, чиновник 7-го класса для особых поручений при наместнике в звании камер-юнкера Двора его императорского величества коллежский асессор М.Н. Смирнов¹³⁶. Общество стало называться Кавказское общество истории и археологии¹³⁷. Устав общества был утверждён наместником 25 ноября 1881 года, уже после того, как оно провело несколько заседаний¹³⁸.

Несмотря на то, что археологические исследования не входили в прямые обязанности КОИРГО, некоторые его члены, изучая Кавказ, занимались и его археологией. Никто из них не был профессионалом. Для всех изучение древностей, в том числе и раскопки, были лишь частью сбора различных материалов по истории и культуре Кавказского края. Тем не менее, именно члены Отдела (бывшие, действующие и будущие) внесли значительный вклад в становление и развитие археологии на Кавказе и кавказской археологии в России. Для 1870-х годов особо следует отметить Ф.С. Байерна, сделавшего раскопки древних памятников своей профессией; Д.З. Бакрадзе и А.Д. Ерицова, которые

стимулировали своими работами интерес к кавказским древностям; А.П. Берже — популяризатора и организатора кавказской археологии. Эти члены КОИРГО, наряду с князем С.Н. Трубецким и Г.И. Радде, а также никогда не являвшимся членом Отдела С.А. Талызиным стали организаторами первых систематических археологических исследований в Кавказском крае и создателями первых археологических обществ — Кавказского археологического комитета и Общества любителей кавказской археологии. В рассматриваемое время основное внимание этих организаций было сосредоточено на Закавказье. Это объяснялось тем, что здесь находилось много памятников грузинской и армянской древности, а также открытием в указанной части края древних могильных захоронений. Ещё одной причиной было то, что центр края находился в Грузии, в Тифлисе, а многие из тех, кто увлёкся археологией, по происхождению были армянами и грузинами. Они гордились своей историей и искали подтверждений её древности и славности. В силу недостаточно чёткого оформления в рассматриваемое время понятия «археология» в неё включали и сведения из нумизматики, антропологии, этнографии, геологии, языкознания и пр. Поэтому большинство из тех, кто входил в состав Общества любителей кавказской археологии, занимались исследованиями сразу в нескольких областях знания. Для многих археология являлась побочным увлечением, большинство из членов Общества были любителями, а не профессионалами. Пожалуй, только Ф.С. Байерн с 1871 года полностью посвятил себя археологическим работам в прямом смысле слова. Но и его исследования на основе сделанных им раскопок вызывали критику профессионалов, поскольку Ф.С. Байерн не имел специального образования, и его выводы от этого страдали.

В Обществе выходцы из КОИРГО занимали не только ведущие позиции, но и составляли большинство. Это объяснялось тем, что Отдел изначально в той или иной мере сосредоточил в себе наиболее заинтересованную в исследовании Кавказского края часть местной интеллигенции. По удачному замечанию О.Н. Шматко, основанному на

рассмотрении материалов Северного Кавказа, «анализ деятельности научных обществ позволяет говорить о консолидации вокруг них нескольких десятков историков-любителей, местных знатоков древностей и археологов, получивших возможность участвовать в научно-исторической, археологической и этнографической работе, издавать свои труды. Являясь зачастую единственными в губернии или области, они занимались их всесторонним изучением, проводили историко-археологические изыскания, осуществляли охрану памятников старины, занимались коллекционированием предметов древности, поиском и публикацией исторических источников. Их деятельность – это...

опыт коллективных любительских и научных изысканий»¹³⁹.

Как большинство любителей, эти люди с большим энтузиазмом принимались за любые проекты изучения Кавказа. Но при этом часто «разбрасывались» по разным тематикам или быстро охладевали. В результате оставалась небольшая группа лиц, которая посвящала значительную часть своего времени выбранному делу, а остальные либо вообще его забрасывали, либо занимались им время от времени. Наряду с нехваткой средств на ведение широкомасштабных археологических работ это стало одной из причин упадка Общества любителей кавказской археологии.

Примечания

¹ Алиева А.И. Роль А.П. Берже в организации Общества любителей кавказской археологии // Известия СОИГСИ. 2020. № 38 (77). С. 42–54.

² Абдушелишвили М.Г. К палеоантропологии Самтаврского могильника. Тбилиси: Изд-во АН ГрузССР, 1954. С. 8; Берже А.П. Кавказ в археологическом отношении: [читано в день открытия Общества любителей Кавказской археологии, 9 декабря 1873 года]. Тифлис: Б. и., 1874. С. 81.

³ Кавказ. 1868. № 104. С. 1.

⁴ Берже А.П. Кавказ в археологическом отношении. С. 3.

⁵ Кавказ. 1868. № 104. С. 1.

⁶ Бакрадзе Д. Об археологии вообще и о кавказской в особенности // Кавказ. 1877. № 105. С. 1.

⁷ Веселовский Н.И. История Императорского Русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования. 1846–1896. СПб.: Тип. Глав. упр. уделов, 1900. С. 88.

⁸ Кавказ. 1868. № 104. С. 1.

⁹ Анучин Д. Доисторическая археология Кавказа // Журнал Министерства народного просвещения. 1884. Ч. 231. Январь. С. 201–202.

¹⁰ Там же. С. 202.

¹¹ Пятый Археологический съезд в Тифлисе. (Протоколы Подготовительного Комитета) / Под ред. И.Д. Мансветова. М.: Синоидальная типография, 1879. С. 3.

¹² Берже А.П. Кавказ в археологическом отношении. С. 88.

¹³ Бакрадзе Д. Об археологии вообще и о кавказской в особенности // Кавказ. 1877. № 105. С. 1.

¹⁴ Колесникова М.Е., Маловичко С.И. Историческое знание в межкультурном пространстве Северного Кавказа XIX – начале XX в.: начало научного изучения истории региона. Часть 2 // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 3. С. 45.

¹⁵ Байерн Ф. О древних сооружениях Кавказа // Сборник сведений о Кавказе. Тифлис: Тип. Главного управления наместника Кавказского, 1871. Т. 1. С. 298–325.

¹⁶ Bayern Fr. Ausgrabungen der alten Gräber bei Mzchet // Zeitschrift für Ethnologie. 1872. Bd. 4. S. 168–170; Contribution à l'archéologie du Caucase, par Frédéric Bayern. Par Frédéric Bayern. Pré-cédé d'une introduction biographique, par M. Ernest Chantre. Lyon: Imprimerie Pitrat Aine, 1882. P. XII.

¹⁷ В 1856 г. в КОИРГО рассматривалась записка помощника управляющего Закавказским карантинно-таможенным округом М.Е. Челяева (Чилиева, Чиладзе, Чилашвили) об археологических исследованиях в Закавказском крае. Однако она была отложена до лучших времён, в том числе и потому, что археология не входила в круг интересов Отдела.

¹⁸ *Bayern Fr.* Ausgrabungen der alten Gräber bei Mzchet. S. 168–186, 231–248, 268–288.

¹⁹ *Д-р П.* Новые мцхетские раскопки натуралиста Байерна // Кавказ. 1872. № 110. С. 2; Исследование древних гробниц близ д. Мцхета, произведённое г. Байерном летом 1871 года // Кавказ. 1872. № 7. С. 1–2; № 8. С. 1–2; Кавказ. 1871. № 94. С. 1. Если А.П. Берже называл началом раскопок 1870 г., то Д.Н. Анучин – 1872 г. [*Анучин Д.* Доисторическая археология Кавказа // Журнал Министерства народного просвещения. 1884. Ч. 231. Январь. С. 202]. Обе даты являются ошибочными. В 1870 г. Ф.С. Байерн обратил внимание на необходимость раскопок [*Намталашвили Г.* Раскрытые тайны Мцхетского могильника. Еврейский городок на склонах Бебрис-цихе? // Заметки по еврейской истории. № 3. URL: <https://litbook.ru/article/6264/>].

²⁰ Кавказ. 1872. № 91. С. 3; *Сцепура С.Ф.* По поводу раскопок на месте древнего Самтаврского кладбища, близ сел. Мцхета, произведённых г. Байерном в 1871 и 1872 годах (В протоколах Императорского кавказского медицинского общества) // Кавказ. 1875. № 26. С. 2–3; № 27. С. 2–3; № 28. С. 2–3; № 29. С. 2–3; № 30. С. 2–3.

²¹ Кавказская археологическая летопись // Кавказская старина. 1872. Ноябрь. № 1. С. 1.

²² Кавказ. 1871. № 50. С. 1–3.

²³ *Ерицов А.* Роль Кавказского края на будущем съезде Императорского русского археологического общества // Кавказ. 1871. № 55. С. 2.

²⁴ *Байерн Ф.* О древних сооружениях Кавказа // Сборник сведений о Кавказе. Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского, 1871. Т. 1. С. 298–325.

²⁵ *Ерицов А.* О гробницах, открытых в сел. Ворнак, Лорийского приставства // Кавказ. 1871. № 103. С. 2.

²⁶ *Пиотровский Б.Б.* Археология Закавказья (с древнейших времен до I тысячелетия до н. э.). Курс лекций. Л.: Изд. Ленингр. гос. университета, 1949. URL: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000123/st002.shtml>

²⁷ Кавказская археологическая летопись // Кавказская старина. 1872. Ноябрь. № 1. С. 1.

²⁸ *Алиева А.И.* Роль А.П. Берже в организации Общества любителей кавказской археологии // Известия СОИГСИ. 2020. № 38 (77). С. 43; Кавказская археологическая летопись // Кавказская старина. 1872. Ноябрь. № 1. С. 2.

²⁹ *Берже А.П.* Кавказ в археологическом отношении: [читано в день открытия Общества любителей Кавказской археологии, 9 декабря 1873 года]. Тифлис: Б. и., 1874. С. 81–82.

³⁰ Он был членом КОИРГО, но в начале 1860-х годов покинул Отдел из-за загруженности работой. Вернулся в его состав в конце 1870-х годов.

³¹ Кавказская археологическая летопись // Кавказская старина. 1872. Ноябрь. № 1. С. 2.

³² Там же.

³³ Там же. С. 3–4.

³⁴ Там же. С. 3.

³⁵ Там же. С. 4.

³⁶ *Алиева А.И.* Роль А.П. Берже в организации Общества любителей кавказской археологии // Известия СОИГСИ. 2020. № 38 (77). С. 44; *Веселовский Н.И.* История Императорского русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования. 1846–1896. СПб.: Тип. Глав. упр. уделов, 1900. С. 88.

³⁷ *Веселовский Н.И.* История Императорского русского археологического общества. С. 89.

³⁸ *Жебелёв С.А.* Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования. 1897–1921: Исторический очерк. Приложение: Биобиблиографический словарь членов РАО (1846–1924). М.: Индрик, 2017. С. 82.

³⁹ Кавказская археологическая летопись // Кавказская старина. 1873. Январь. № 3. С. 56.

⁴⁰ Кавказская археологическая летопись // Кавказская старина. 1872. Ноябрь. № 1. С. 4.

⁴¹ Кавказская археологическая летопись // Кавказская старина. 1873. Январь. № 3. С. 53–55.

⁴² Там же. С. 55.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 56.

⁴⁵ Там же. С. 57.

⁴⁶ Там же. С. 58.

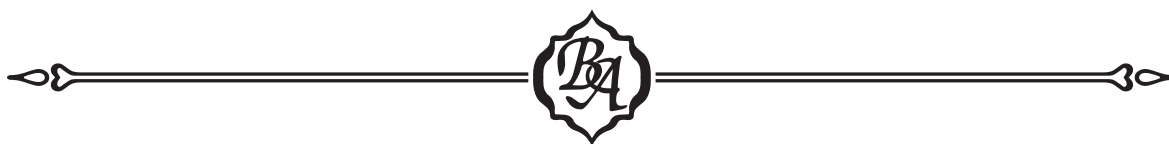
⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. С. 59.

⁴⁹ *Алиева А.И.* Роль А.П. Берже в организации Общества любителей кавказской археологии. С. 45; Кавказская археологическая летопись // Кавказская старина. 1873. Февраль и март. № 4/5. С. 107.

⁵⁰ Кавказская археологическая летопись // Кавказская старина. 1873. Февраль и март. № 4/5. С. 107.

⁵¹ Кавказская археологическая летопись // Кавказская старина. 1873. Февраль и март. № 4/5.

С. 108; О предполагаемом Обществе любителей кавказской археологии // Кавказская старина. 1873. Январь. № 3. С. 80–83.

⁵² Кавказская археологическая летопись // Кавказская старина. 1873. Февраль и март. № 4/5. С. 108–109.

⁵³ Там же. С. 109.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Были приглашены, но не смогли присутствовать: Ф.С. Байерн, Д.З. Бакрадзе, князь Л.П. Урусов и М.Е. Челяев // Кавказская археологическая летопись // Кавказская старина. 1873. Февраль и март. № 4/5. С. 106.

⁵⁶ Там же. С. 106.

⁵⁷ Там же. С. 106–107. Из нечленов было решено обратиться к барону П.К. Услару, чтобы тот представил список по Дагестану.

⁵⁸ Алиева А.И. Роль А.П. Берже в организации Общества любителей кавказской археологии. С. 46.

⁵⁹ Кавказская археологическая летопись // Кавказская старина. 1873. Февраль и март. № 4/5. С. 110.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же. С. 111–112.

⁶² Там же. С. 112.

⁶³ Алиева А.И. Роль А.П. Берже в организации Общества любителей кавказской археологии. С. 46; Кавказская археологическая летопись // Кавказская старина. 1873. Апрель. № 6. С. 129; Устав Общества любителей кавказской археологии // Кавказская старина. 1873. № 7. С. 162–166; Устав Общества любителей кавказской археологии // Записки общества любителей кавказской археологии. Тифлис: Тип. Главного управления наместника Кавказского, 1875. Кн. 1. С. 179–181.

⁶⁴ Кавказская археологическая летопись // Кавказская старина. 1873. Февраль и март. № 4/5. С. 112.

⁶⁵ Там же. С. 113.

⁶⁶ Chantre E. Notice nécrologique sur Frédéric Bayern [note biographique] // Publications de la Société Linnéenne de Lyon. 1886. № 5. P. 154.

⁶⁷ Bayern F. Untersuchungen über die ältesten gräber- und schatzfunde in kaukasien // Zeitschrift für Ethnologie. Berlin: Verlag von A. Asher, 1885. S. V.

⁶⁸ Его коллекции вызвали всеобщий интерес на 5-м археологическом съезде в Тифлисе и, увеличиваемые впоследствии новыми раскопками, обогатили отдел древностей Кавказского му-

зея, хранителем которого он был долгое время. Его же находкам и инициативе обязаны своим возникновением музеи в Пятигорске и Екатеринодаре. Результаты своих раскопок и исследований Ф.С. Байерн печатал в органе Берлинского Общества естествознания, антропологии и этнографии – «Zeitschrift für Ethnologie» (где за 1872 г. помещена его статья о раскопках, сделанных близ Мцхета в 1871–1872 гг., за 1885 г. – исследование о древних могильниках и кладах на Кавказе с 16 таблицами, и др.); в «Mittheilungen der Anthropologischen Gesellschaft im Wien»; в «Известиях Императорского Общества естествознания, антропологии и этнографии» («О новых раскопках Самтаврского могильника» в сообщении г. Зейдлица; Т. 49, вып. 4); в «Вестнике Общества древнего русского искусства» за 1874–1876 гг. (отд. III, «Доисторический Кавказ на Самтаврском кладбище»); в «Трудах Московского археологического общества» («О результатах своих раскопок» и «О мраморном камне близ Келоссур» в томе 8); в «Трудах 5-го Археологического съезда» («Перечень и описание предметов, найденных около г. Петровска») [Байерн, Фридрих Самойлович // Русский биографический словарь: в 25 т. СПб., 1900. Т. 2: Алексинский – Бестужев-Рюмин. С. 418]. Bayern F. Bemerkungen und Ansichten über den Kaukasus, und seine Vorhistorische Verhältnisse, sein Völker und deren industrie // Verhandlungen Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie, und Urgeschichte. 1882. S. 326–354; Friedrich Bayern's Untersuchungen über die ältesten Gräber- und Schatzfunde in Kaukasien // Zeitschrift für Ethnologie. 1885. Bd. 17. Supplement. S. 1–50; Bayern F. Untersuchungen über die ältesten gräber- und schatzfunde in kaukasien // Zeitschrift für Ethnologie. 1885. S. 1–60.

⁶⁹ Contribution à l'archéologie du Caucase, par Frédéric Bayern. Par Frédéric Bayern. Précédé d'une introduction biographique, par M. Ernest Chantre. Lyon: Imprimerie Pitrat Aine, 1882. P. XV.

⁷⁰ Кавказ. 1886. № 49. С. 2.

⁷¹ Вирхов о Кавказе // Кавказ. 1882. № 89. С. 2.

⁷² <https://www.pravenc.ru/text/77398.html>

⁷³ Кавказ. 1874. № 5. С. 1.

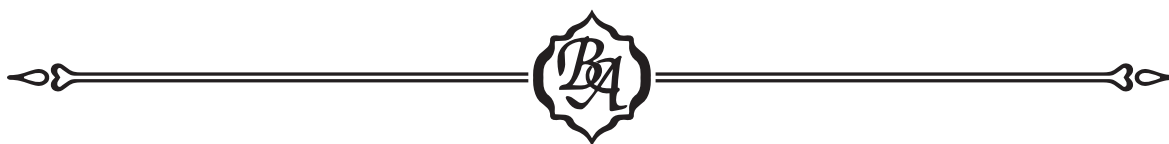
⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Известия Кавказского отделения Императорского Московского археологического общества. Тифлис: Тип. К.П. Козловского, 1904. Вып. 1. С. 5.

⁷⁶ Берже А.П. Кавказ в археологическом отношении. 91 с.

- 77 Там же. С. 80–81.
- 78 Алиева А.И. Роль А.П. Берже в организации Общества любителей кавказской археологии. С. 47; Берже А. Кавказ в археологическом отношении. // Кавказ. 1874. № 5. С. 1–2; № 6. С. 1–2; № 7. С. 2; № 8. С. 2–3; № 9. С. 2; № 10. С. 2.
- 79 Смирнов М. Заметка о необходимости этнографических изысканий на Кавказе // Кавказ. 1874. №11. С. 2.
- 80 Смирнов М. Письмо в редакцию // Кавказ. 1874. № 28. С. 3.
- 81 Кавказ. 1881. № 214. С. 2.
- 82 Gamkrelidze G. The development of archaeology in Georgia // Rescue Archaeology in Georgia: Baku-Tbilisi-Ceyhan South Caucasian Pipelines. Tbilisi, 2010. P. 39–40.
- 83 Бакрадзе Д.З. Кавказ в древних памятниках христианства // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского, 1873. Т. 5. С. 993–1107; Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского, 1875. Т. 6. Ч. 2. С. 885–903; Бакрадзе Д.З. Кавказ в древних памятниках христианства. Тифлис: Б. и., 1875. 159 с.
- 84 Бакрадзе Д.З. Кавказ в древних памятниках христианства. Тифлис: Б. и., 1875. С. 20.
- 85 Историческое и современное положение армянской женщины в связи с историей нравственности армян. (Публичные лекции, читанные г. А.Д. Ерицовым в Тифлисском кружке) // Кавказ. 1874. № 26. С. 2.
- 86 Муромцев П. Поездка в Царские колодцы и г. Нуху // Кавказ. 1874. № 37. С. 2.
- 87 Здесь неточность: общество существовало с 1873 по 1881 год, т. е. 8 лет.
- 88 Вырубов В. Предметы древности в хранилище Общества любителей кавказской археологии: с приложением 12 таблиц. Тифлис: Тип. глав. упр. наместника кавказского. 1877. Вып. 1. 66 с.
- 89 Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб.: Семёновская типо-литография (И.А. Ефрона), 1890. Т. 2. С. 238.
- 90 Годовой отчёт исправляющего должность секретаря Общества любителей кавказской археологии кн. Н.В. Аргутинского-Долгорукова с 9-го декабря 1873 по 1-е января 1875 года // Записки общества любителей кавказской археологии. Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского, 1875. Кн. 1. С. 182.
- 91 Там же; Ерицов А. Платон Игнатьевич Иоселиани (Некролог) // Кавказ. 1875. № 146. С. 2.
- 92 Годовой отчёт исправляющего должность секретаря Общества любителей кавказской археологии кн. Н.В. Аргутинского-Долгорукова с 9-го декабря 1873 по 1-е января 1875 года. Кн. 1. С. 183.
- 93 Кавказ. 1875. № 8. С. 2; Кавказ. 1875. № 46. С. 2.
- 94 Кавказский календарь на 1878 год. Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского, 1877. С. 119.
- 95 Годовой отчёт исправляющего должность секретаря Общества любителей кавказской археологии кн. Н.В. Аргутинского-Долгорукова с 9-го декабря 1873 по 1-е января 1875 года. Кн. 1. С. 183.
- 96 Кавказский календарь на 1878 год. С. 120.
- 97 Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2009. С. 668.
- 98 Берже А.П. Записка об археологии Кавказа // Труды II Археологического съезда в Санкт-Петербурге в 1871 году. М.: Тип. Императорской академии наук, 1876. Т. 1. Отд. 3. С. 1–13; Берже А.П. Кавказ в археологическом отношении. Тифлис: Б. и., 1874. 91 с.; Аиуба А.Е., Ермоленко Л.П., Колесникова М.Е. V Археологический съезд и изучение кавказских древностей // История: факты и символы. Елец, 2019. № 4 (21). С. 47.
- 99 Кавказский календарь на 1875 год. Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского, 1874. С. 249.
- 100 Gamkrelidze G. The Development of Archaeology in Georgia // Rescue Archaeology in Georgia: Baku-Tbilisi-Ceyhan South Caucasian Pipelines. Tbilisi, 2010. P. 41.
- 101 Сценура С.Ф. По поводу раскопок на месте древнего Самтаврского кладбища близ сел. Мцхета, произведённых г. Байерном в 1871 и 1872 годах (Выдержка из протокола Императорского кавказского медицинского общества) // Кавказ. 1875. № 26. С. 2–3; № 30. С. 2–3; Чёрный И.Я. Копия с письма в «Общество любителей кавказской археологии» // Кавказ. 1875. № 2. С. 2; Чёрный И. Копия со второго письма в Общество любителей кавказской археологии // Кавказ. 1875. № 7. С. 2; Чёрный И. Путешествие по Кавказу и Закавказскому краю И.Я. Чёрного // ИКОИРГО. 1874. Т. 3.

№ 4. С. 135–137; Кавказ. 1875. № 3. С. 2; № 5. С. 2; № 6. С. 2; № 8. С. 2; № 32. С. 3; № 46. С. 2; № 53. С. 2; № 147. С. 2–3; № 148. С. 2; № 149. С. 3; 1876. № 2. С. 2; № 11. С. 3; № 14. С. 3; № 15. С. 2.

¹⁰² *Bayern Fr.* Ausgrabungen der alten Gräber bei Mzchet // *Zeitschrift für Ethnologie.* 1872. Bd. 4. S. 168–186.

¹⁰³ «Сам г-н Байерн представил отчёт о своих первых обширных раскопках древних могил близ Мцхеты, или, как он их теперь называет, близ Самтхавро, в «Журнале этнологии» (1872, т. IV, стр. 168, 231, 268), за которым позднее последовали дополнения в «Сообщениях Венского антропологического общества» (1874, т. IV, стр. 206) и в «Журнале этнологии» (1878, т. X, стр. 415) (в основном исправления и пояснения к статьям в «Венском антропологическом обществе»)» [*Bayern F.* Untersuchungen über die ältesten gräber- und schatzfunde in kaukasien // *Zeitschrift für Ethnologie.* Berlin: Verlag von A. Asher, 1885. S. VI; *Zeitschrift für Ethnologie.* 1872. Bd. 4. S. 168, 231, 268; *Mittheilungen der Wiener anthropologischen Gesellschaft.* 1874. Bd. 4. S. 206; *Zeitschrift für Ethnologie.* 1878. Bd. 10. S. 415].

¹⁰⁴ *Бакрадзе Д.* Об археологии вообще и о кавказской в особенности // *Кавказ.* 1877. № 105. С. 1.

¹⁰⁵ *Кавказ.* 1876. № 14. С. 3.

¹⁰⁶ *Бакрадзе Д.* Об археологии вообще и о кавказской в особенности. С. 1; *Кавказский календарь на 1875 год.* Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского, 1874. С. 250.

¹⁰⁷ *Бакрадзе Д.* Об археологии вообще и о кавказской в особенности. С. 1–2.

¹⁰⁸ Д.Н. Анучин ошибочно утверждал, что предметы первых двух лет раскопок были переданы в Императорский Эрмитаж (*Анучин Д.* Доисторическая археология Кавказа // *Журнал Министерства народного просвещения.* 1884. Ч. 231. Январь. С. 205).

¹⁰⁹ *Бакрадзе Д.* Об археологии вообще и о кавказской в особенности.; *Вырубов В.* Предметы древности в хранилище Общества любителей кавказской археологии. Тифлис: Тип. глав. упр. наместника кавказского, 1877. Вып. 1. С. 2.

¹¹⁰ *Бакрадзе Д.* Об археологии вообще и о кавказской в особенности. С. 1.

¹¹¹ *Уварова П.С.* Кавказ: путевые заметки. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1887. С. 118.

¹¹² *Кавказ.* 1874. № 147 С. 3.

¹¹³ *Кавказ.* 1875. № 148. С. 2; № 149. С. 3.

¹¹⁴ *Алиева А.И.* Роль А.П. Берже в организации Общества любителей кавказской археологии. С. 51.

¹¹⁵ *Кавказ.* 1876. № 14. С. 3.

¹¹⁶ *Кавказ.* 1878. № 225. С. 1.

¹¹⁷ *Кавказ.* 1881. № 198. С. 2.

¹¹⁸ Chantre E. Notice nécrologique sur Frédéric Bayern [note biographique] // *Publications de la Société Linnéenne de Lyon.* 1886. № 5. P. 154.

¹¹⁹ *Кавказский календарь на 1881 год.* Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского, 1880. С. 221. Впрочем, сведения «Календаря» с начала 1880-х годов запаздывали на один, а то и два года.

¹²⁰ *Эристов Р.* Мысли по поводу пятого археологического съезда в Тифлисе // *Кавказ.* 1880. № 12. С. 1.

¹²¹ *Кавказ.* 1881. № 217. С. 1; *Кавказ.* 1881. № 220. С. 3.

¹²² *Вольная (Керцева) Г.Н.* О первоначальном этапе сбора археологических коллекций Кавказского музея // *History and Historians in the Context of the Time.* 2015. Vol. 14. Is. 1. P. 53; *Кавказ.* 1881. № 220. С. 3.

¹²³ *Кавказ.* 1882. № 8. С. 2.

¹²⁴ *Кавказ.* 1881. № 238. С. 1.

¹²⁵ Годовой отчёт исправляющего должность секретаря Общества любителей кавказской археологии князя Н.В. Аргутинского-Долгорукова с 9-го декабря 1873 по 1-е января 1875 года // *Записки Общества любителей кавказской археологии.* Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского, 1875. Кн. 1. С. 183.

¹²⁶ *Кавказ.* 1876. № 14. С. 3.

¹²⁷ Там же. Для членов Общества стоимость издания была 3 руб. 50 коп., для нечленов – 7 руб. (*Кавказ.* 1875. № 147. С. 3).

¹²⁸ *Записки Общества любителей кавказской археологии.* Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского, 1875. Кн. 1. 188 с.

¹²⁹ *Жебелёв С.А.* Введение в археологию. История археологического знания. Петроград: Наука и школа, 1923. С. 124. В первом были помещены годовые отчёты за 1874–1876 гг.

¹³⁰ *Эристов Р.* Мысли по поводу пятого археологического съезда в Тифлисе // *Кавказ.* 1880. № 12. С. 1.

¹³¹ Археологический съезд в Тифлисе (V археологический съезд) // *ИКОИРГО.* 1882. Т. 7. № 2. С. 278.

¹³² Кавказ. 1879. № 194. С. 1–2. Впрочем, он был делегатом сразу и от КОИРГО, Главного управления наместника, Кавказского статистического комитета.

¹³³ Известия Кавказского отделения Императорского Московского археологического общества. Тифлис: Тип. К.П. Козловского, 1904. Вып. 1. С. 5.

¹³⁴ Труды V-го археологического съезда в Тифлисе. 1881 / Под ред. гр. Уваровой. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1887. С. ХСІ–ХСП.

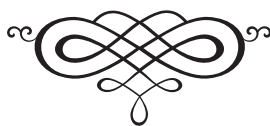
¹³⁵ Кавказ. 1881. № 220. С. 3.

¹³⁶ Кавказский календарь на 1883 год. Тифлис: Тип. Главного управления главноначальствующего гражд. частью на Кавказе, 1882. С. 183.

¹³⁷ Кавказ. 1882. № 154. С. 3.

¹³⁸ Устав Кавказского общества истории и археологии // Кавказ. 1882. № 283. С. 1. В некоторых источниках дана ошибочная дата 28 ноября [ИКОИРГО. 1882. Т. 7. № 2. С. 289; Кавказский календарь на 1882 год. Тифлис: Тип. Главного управления наместника кавказского, 1881. С. 30].

¹³⁹ Шматько О.Н. Становление российской системы охраны историко-культурного наследия в XIX – первой трети XX в. (на материалах памятников Северного Кавказа). Автореф. диссертации ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2011. С. 18.

НАГОРНЫЕ ТЮМЕНИ ЗЕРАВШАНСКОГО ОКРУГА В 1874-1876 ГОДАХ В ПУБЛИКАЦИЯХ ВОЕННОГО ВОСТОКОВЕДА Г.А. АРАНДАРЕНКО

В результате военно-научных экспедиций генерал-майора А.К. Абрамова в верховья Зеравшана в 1870 году начался процесс присоединения к Зеравшанскому округу полунезависимых бекств Матчи, Фальгара, Магиана, Фана, Кштута, Фараба и Ягноба, с территорией около 700 кв. км¹. Все горные кишлаки этих бекств вошли в состав Пенджикентского отдела, и вместе с древними городами Пенджикент и Ургут получили наименование «нагорные тюмени» Зеравшанского округа². Абрамов объявил жителям нагорных тюменей, что они отныне и навсегда находятся под покровительством России, и что никто из соседей их, ни Коканд, ни Каратегин, ни Гиссар не должны иметь на их земли никакого притязания.

С 1871 года нагорные тюмени получили административный статус – были приравнены к отдельному уезду. В национальном составе населения преобладали различные народности горных таджиков, называемые Гальча. Нагорные тюмени были разделены, в податном отношении, на 10 волостей³, которые делились на судебные районы, подотчётные суду казиев: Пенджикентский район – две волости, 2070 дворов; Ургутский район – три волости, 4113 дворов; Магианский район – одна волость, 704 двора; Кштутский район – одна волость, 625 дворов; Фальгарский район – одна волость, 5000 дворов; Ягнобский район – одна волость, 4300 дворов; Матчинский район – одна волость, 4800 дворов⁴.

Присоединение этих обширных территорий к Российской империи способствовало сокращению междоусобиц и политической стабильности региона. Изучение нагорных

тюменей превратило бекства, в которые ранее не ступала нога европейца, из «белых пятен» на географической карте мира в динамично развивающийся район русского Туркестана, открытый для востоковедов, географов, геологов, биологов, этнографов и лингвистов.

Политическое положение нагорных тюменей Зеравшанского округа в 1874–1875 годах

9 ноября 1874 года 28-летний штабс-капитан Г.А. Арандаренко был назначен управляющим нагорными тюменями Зеравшанского округа⁵. Вспоминая офицеров военно-народного управления Русского Туркестана, А.Н. Куропаткин отмечал уездных начальников Зеравшанского округа: «В Зеравшанском округе генерал Абрамов подобрал себе несколько выдающихся по преданности делу, умелому обращению с туземцами и честности помощников, не стеснялся брать на ответственные посты молодых офицеров, и вновь присоединённые местности успокоились и производительным трудом быстро изгладили следы недавней кровавой борьбы»⁶.

Понемногу население привыкло к представителям русской власти «на местах» – амлякдарам, соединявшим в себе власть судебную и административную, а с 1875 года – волостным управителям и казиям, выбираемым местными жителями из уроженцев этих же кишлаков⁷.

Вступив в управление нагорными тюменями, Арандаренко расположился в резиденции начальника нагорных тюменей в г. Пенджикент, расположенном в 65 км вос-

точнее Самарканда, в долине реки Зеравшан. Русское поселение Пенджикента состояло из пяти человек канцелярии начальника нагорных тюменей, одного фельдшера и 30 казаков. В Пенджикенте также жили двое мужчин и четыре женщины из числа вольных поселенцев, занимающихся мелкой торговлей и сельским хозяйством – всего 42 человека, что, по отношению к туземному населению, составляло 2,5% населения. Служащие военно-народного управления и русские поселенцы занимали четыре дома полувосточной архитектуры, включая казарму для казаков. К 1875 году в Пенджикенте было: «382 двора туземного города с населением 1140 мужчин, 624 женщины таджиков, 9 мужчин пришлых индийцев, 1 мужчина и 3 женщины евреев, всего 1819 душ»⁸.

Для личного знакомства с населением нагорных тюменей в мае-июне 1875 года Г.А. Арандаренко совершил поездку из Пенджикента в верховья Зеравшана, до Польшорака, самого крайнего крупного кишлака верхней Матчи. Эта поездка впервые познакомила военного востоковеда Арандаренко с высокогорной областью Туркестана. О сложности движения в горах Туркестана говорил Г.Г. Лилиенталь: «Пути сообщения страны представляют для отдельного путника, и тем более для отряда войск, громадные трудности, движение по ним крайне опасно. Дорог в настоящем смысле слова нет, есть только тропинки, шириною от одного до двух шагов. Дороги в горах или идут вдоль рек, или же, если сообщение вдоль почему-либо невозможно, то в некотором отдалении от неё, постоянно переходя через контрфорсы главных хребтов, или наконец пересекают главные кряжи. <...> Склоны гор почти везде прямо упираются в реку, и долин в Кухистане вовсе нет, следовательно, и нет места для проложения удобной дороги. Ввиду этого путь идёт, главным образом, по узким бермам отвесных или почти отвесных склонов гор: с одной стороны отвесная скала, с другой пропасть, в которой глухо шумит горная река. Ширина этих <...> карнизов от одного до двух шагов. Местами карнизы становятся настолько малы, что нет возможности ни проехать, ни пройти; в этих местах горец устраивает себе искусственный

путь по деревянным мостикам, укрепленным в скале в виде балконов. <...> В тех местах, где подъём приходится совершать по скале и крутость велика, подъём совершается по ступенькам, высеченным в скале. Особенно опасен спуск по таким карнизам; степные лошади <...> постоянно обрывались попеременно задними ногами в пропасть. Один из самых худших спусков в Кухистане в ущелье Ягноба. <...> По дорогам, идущим в некотором удалении от рек, движение ещё затруднительнее. Здесь карнизов и балконов меньше, но зато постоянно приходится переваливать через контрфорсы главных хребтов. Подъёмы крутые, хотя дорога в большинстве случаев поднимается зигзагами, и продолжительные; по достижении перевала начинается спуск не менее трудный, чем подъём. <...> Дороги через перевалы главных хребтов – самые затруднительные. Главнейшие затруднения заключаются в крутых и чрезвычайно длинных подъёмах; местами приходится идти почти без дороги по обломкам скал и крупным камням несколько вёрст, затем в снеговых перевалах»⁹.

Пройдя с инспекционной поездкой все кишлаки Верхнего Зеравшана, на обратном пути Г.А. Арандаренко посетил озеро Искандеркуль, повторив маршрут, проделанный в 1870 году военно-научной экспедицией А.К. Абрамова. Арандаренко сопровождал конвой из 20 казаков, несмотря на то, что пятью годами ранее отряд Абрамова состоял из почти одной тысячи солдат и горной артиллерии.

Отряд Арандаренко прошёл из Пенджикента, расположенного на высоте 980 м, до Польшорака, расположенного на высоте 2480 м. Выехав из Пенджикента, отряд следовал правым берегом Зеравшана до кишлаков Гусара, Маргедара и Даштиказы; переправившись на левый берег, он проследовал до кишлака Кштутдак и далее – Урмитан, Вишкент, Новдунак и остальные селения горцев по берегам Зеравшана. В районе кишлаков Айни и Сангистана Арандаренко не повернул к озеру Искандеркуль, а проследовал вверх, к вечным ледникам верховьев Зеравшана. Пройдя кишлаки Тамин, Рарз, Пахурд и Фатмаут, Арандаренко достиг ки-

шлака Швадки-Боло. Оттуда его путь лежал до высокогорного кишлака Вешаб, и далее – на Устанак, Шамтуч и Оббурдан. В районе кишлака Оббурдан начинался путь на север, на Оббурданский перевал, ведущий через селение Аучи к Уратюбинскому району и городу Ура-Тюбе. Путь отряда Арандаренко лежал на восток, к кишлакам Верхней Матчи и истоку Зеравшана. Он прошёл кишлаки Пастигов, Исиз, Сабак и достиг кишлака Польшдорак, расположенного в 240 км от Пенджикента, высоко в горах.

Проведя инспекцию вверенных ему в управление нагорных тюменей, Арандаренко от кишлака Польшдорак повернул в сторону Пенджикента. Возле кишлака Айни отряд двинулся на юг, через кишлаки Чоре, Пинен, Хайронбед, Дижик и Нарвад, достигнув озера Искандеркуль, пройдя от Польшдорака до Искандеркуля около 190 км. Обследовав озеро Искандеркуль, отряд Арандаренко возвратился в Пенджикент, проделав путь ещё в 150 км.

Всего за 40 дней инспекционной поездки по нагорным тюменям отряд Арандаренко прошёл почти 600 км, не встретив препятствий и неповиновения со стороны горцев.

После инспекционной поездки 1875 года Арандаренко опубликовал статью о дорогах и мостах на Зеравшане¹⁰ – первое исследование путей сообщения между кишлаками Верхнего Зеравшана и центром Зеравшанского округа – Самаркандом. Арандаренко привёл описание и перечень существующих мостов через Зеравшан, по которым он проезжал во время инспекционной поездки: «Мосты эти следующие: Уриитан 2 м[ост], Хойработ 1 м., Дордор 1 м., Хишкент 1 и., Варзиминон 1 м., на Фанской дороге 1 м., Сангистан 1 м., Зосунь 1 м., Рарз 2 м., Пахут 1 м., Шоботки 2 м., Вишоб 1 м., Самтичъ 1 м., Фатьма 1 м., Томши 1 м., Гузарибат 1 м.; всего в Фальгарском участке 19 мостов. Матчинские мосты: Оббурдан 1 м., Комодон 1 м., Пастигау 1 м., Хозршаар 1 м., Рогиф 1 м., Римаут 1 м., Пудгиф 1 м., Исиз 1 м., Лянгариз 1 м., Мадрушкот 1 м., Дифон 1 м., Рог 1 м.»¹¹.

Первые признаки дестабилизации политической обстановки в нагорных тюменях летом и осенью 1875 года

В июне 1875 года Акбаты-бек, один из сыновей Абд ал-Гаффара, стал усиленно агитировать жителей нагорных тюменей восстать против русских и выступить за независимость бекств Верхнего Зеравшана; он пытался склонить матчинцев признать его своим беком. Всё население верховьев Зеравшана с тревогой следило за восстанием в Кокандском ханстве, но уклонялось от обещаний, раздаваемых агентами Абд ал-Гаффара и Акбаты-бека.

В августе 1875 года Г.А. Арандаренко в Пенджикент доставили прокламации кокандцев к горцам нагорных тюменей, призывавшие всех мусульман выступить «на войну за веру». Жители нагорных тюменей просили Арандаренко оградить их от каратегинского ша Магомет-Рахима, который грозил вторгнуться с войсками в Матчу через Пакшифский перевал и, пройдя через Оббурданский перевал, захватить Ура-Тюбе и примкнуть к Кокандскому восстанию.

По приказу начальника Зеравшанского округа генерал-майора А.К. Абрамова в Нижнюю Матчу, до кишлака Пастигау, был отправлен отряд из 80 казаков под командованием Арандаренко. Стремительное продвижение русского отряда в августе 1875 года успокоило горцев и заставило каратегинского ша отказаться от намерения действовать против русских. Ша Магомет-Рахим прислал в Пенджикент своего раиса с письменным уверением в несправедливости наветов матчинцев. Ещё несколько месяцев в Верхнем Зеравшане было спокойно.

После второго занятия крепости Махрам русскими войсками другой сын Абд ал-Гаффара, Тохтамыш, возглавлявший оборону крепости, повёл из Исфары усиленную агитацию в Матче. В сентябре и октябре 1875 года, обещая очистить нагорные тюмени от русских, он собрал сторонников в кишлаке Ляйляк и некоторых других кишлаках Кокандского ханства, населённых выходцами из Матчи. В октябре 1875 года отряд из 380 вооружённых кокандских матчинцев вторгся в нагорные

тюмени через Янги-сабакский перевал. Им удалось убеждением, подкупом и насилием склонить кишлаки Верхней Матчи к выступлению против русской власти¹². Восставшие матчинцы заявили о неподчинении русским и захватили местных чиновников-туземцев, назначенных Г.А. Арандаренко. 8 ноября 1875 года в кишлаке Сабак матчинцами был схвачен волостной управитель Мирза Хаким, а в кишлаке Польдорак задержали казия Мулла-Ходжу. Их увезли в Коканд для предания суду как сторонников «неверных».

Эти волнения являлись следствием кокандских событий и происков бывшего ура-тюбинского бека Абд ал-Гаффара, ещё в 1868 году пытавшегося подчинить себе Матчу.

Подавление восстания горцев в Верхней Матче в ноябре 1875 года

После бегства хана Наср-Эддина из Коканда в крепость Махрам, под защиту расположенного там русского гарнизона, в Кокандском ханстве не осталось законного правителя, там возникли смута и беспорядок. Узбекское и таджикское население Кокандского ханства, напуганное угрозами господствующего в ханстве многочисленного кочевого населения, признало своим ханом киргиза Пулат-хана, силой навязанного кипчаками и киргизами. Пулат-хан назначил Абд ал-Гаффара беком города Коканда. В Коканд бек Абду-Гаффар прибыл с несколькими сотнями вооружённых киргиз и стал рассылать эmissаров во все уголки Туркестана с призывом не только поддержать Кокандское восстание против законного хана Наср-Эддина, но и поднять всеобщее восстание против русской власти в Средней Азии¹³.

Провозгласив призыв к газавату, Абд ал-Гаффар призвал матчинцев выбрать правителя из своей среды, обещав поддерживать его деньгами и военными средствами. Матчинцы избрали Календер-бека, жителя кишлака Польдорак, который в 1869 году в течение 17 дней уже был беком Польдорака. Эмиссары Календер-бека проводили агитацию в Фане, Ягнобе, Фальгаре, Кштуте, Магиане, призывая к повсеместному восстанию против русской администрации.

Письменные воззвания к газавату были обнаружены Арандаренко в Фальгарской, Искандеровской (Фан, Ягноб), Кштутской волостях и в Ургуте¹⁴. Пулат-хан призвал Хусейн-бека и Сеид-бека, бывших беков Магиана и Фараба, проживавших на русской пенсии в Ташкенте, восстановить бекства в Магиане и Фарабе.

Несмотря на воззвания Календер-бека, население остальных нагорных тюменей, кроме Матчи, не приняло участия в попытках Пулат-хана повсеместно поднять газават. Только кишлаки верхнего Фальгара: Самтич, Вешаб, Шаватки, Дарх, Утагар, Пахут, как ближайшие к Матче, под влиянием страха и угроз исполнили требования посланцев Календер-бека, выслав в Польдорак продовольствие и деньги.

В начале ноября 1875 года посланцы Календер-бека собирали с населения в нагорных тюменях всё, что требовалось для содержания отрядов, обосновавшихся в Верхней Матче. Они заставляли влиятельных людей Фальгара являться к Календеру в Оббурдан, где им жаловались халаты и раздавались ярлыки назначений на должности аминой, муфтиев, казиев.

10 ноября 1875 года Арандаренко получил от разведчиков информацию, что отряды восставших матчинцев заняли высоты Вешаба, взяли под контроль кишлаки Шавадки-Боло, Вешаб, Самтич и Оббурдан. Общая численность вооружённых отрядов определялась разведчиками в 3 тысячи человек.

11 ноября Г.А. Арандаренко сообщил начальнику Зеравшанского округа А.К. Абрамову о восстании в Матче. Абрамов опасался, что волнения горцев Верхнего Зеравшана могут, если их вовремя не пресечь, распространиться до Самарканда. Его опасение вызвало то, что Бухарский эмир Музаффар-хан, расположившийся с вооружённым отрядом в Шахрисябзе, мог под предлогом поддержки газавата попытаться вновь захватить Самарканд. На подозрительное поведение эмира обратил внимание К.П. Кауфман. В Ташкенте бухарскому послу было сообщено о недопустимости концентрации больших войск на границе русских владений. Эмир согласился, что присутствие бухарских войск на границе

«может поддерживать в кокандцах и горцах [нагорных тюменей Зеравшанского округа] разные нелепые мечтания, а следовательно, и волнение»¹⁵, и отвёл войска от границы к Бухаре.

12 ноября Пулат-хан прислал в Польдорак Календеру ярлык на звание бека, 1 200 рублей, 200 халатов, шесть лошадей, ружья и порох для восставших матчинцев. Это назначение и знаки внимания от Пулат-хана подняли авторитет Календер-бека в глазах горцев. Обеспеченные продовольствием, поощряемые денежным и вещевым содержанием, матчинцы поголовно вступали в вооружённый отряд Календер-бека и приготовили к обороне путь от кишлака Шавадки-Боло в Матчу, сделав во множестве ложементы, подготовив заранее позиции на главенствующих высотах за кишлаком Шавадки-Боло для отражения атак русских войск.

Восставшие горцы получали из Кокандского ханства через Оббурданский перевал оружие, боеприпасы и деньги. Зная местность, горные дороги и тропинки, они подготовили главенствующие высоты для обороны, ожидая прибытие отрядов Абдул-Гаффара для повсеместного восстания в нагорных тюменях. По донесению разведчиков, восставшие заняли все горные тропинки по обоим берегам Зеравшана, от кишлака Самтич до кишлака Пахут, и пополняли свои ряды жителями этих кишлаков.

12 ноября для предотвращения вторжения восставших в средний Фальгар А.К. Абрамов отправил из Самарканда в Урмитан отряд из 40 казаков под командой сотника Акирова, который занял этот кишлак, не встретив в нём восставших.

13 ноября Абрамов выслал из Самарканда в Пенджикент солдат и казаков, приказав Арандаренко возглавить отряд, сформированный для подавления матчинского восстания.

14 ноября в 8 часов утра отряд Арандаренко выступил из Пенджикента в верховья Зеравшана, навстречу восставшим горцам. В составе отряда находились четыре обер-офицера (командир штабс-капитан Каневский, субалтерн-офицеры поручик Дедков, поручик Гинглятт и прапорщик Грунталь),

шесть унтер-офицеров, три музыканта, один фельдшер, 80 рядовых, 11 артиллеристов 3-й батареи 1-й Туркестанской артиллерийской бригады при одном горном орудии с шестью зарядными ящиками и 10 казаков 1-й Оренбургской сотни. При отряде следовали 28 джигитов для возки корреспонденции и проведения разведки. Отряд снабжен был продовольствием на 26 дней похода. На каждое ружьё пехоты и кавалерии было взято по 120 патронов. Обоз состоял из 10 лошадей и 75 ишаков.

В ноябре в верховьях Зеравшана температура опускалась ниже -10°C, дороги засыпало снегом, насыпи и покатоности были большей частью недоступны для движения обоза и вооружённого отряда. От Пенджикента отряд Арандаренко следовал правым берегом Зеравшана. На крутом горном подъёме между кишлаками Томинь и Гузарибат, на переходе от Сангистана в Рарз, сорвалась в Зеравшан обозная артиллерийская лошадь, гружённая ящиками со снарядами. Лошадь удалось достать из воды, но ящики со снарядами были сильно повреждены. По пути следования, до кишлака Шавадки-Боло, отряд застал всё население Фальгара на своих местах, не встречая сопротивления. Население нижнего и среднего Фальгара приветствовало отряд, высказывая жалобы на матчинцев, успевших побывать в кишлаках и отбиравших у местных жителей фураж и продовольствие для своих отрядов.

Начиная от кишлака Рарз на дороге к кишлаку Пахут отряд Арандаренко встречал передовые пикеты восставших матчинцев. Казаки и солдаты отряда Арандаренко отесняли сторожевые неприятельские пикеты, численностью до 30-50 человек, которые по мере приближения отряда быстро оставляли селения и, как было заметно, отслеживали движение отряда, скрываясь за горными уступами.

19 ноября отряд Арандаренко достиг кишлака Шавадки-Боло, пройдя около 135 км. Конные разведчики доложили, что накануне кишлак покинул крупный вооружённый отряд матчинцев – передовой пикет, числом до 360 всадников, отступивших в направлении перевала Вешаб. В 12 часов дня отряд Аран-

даренко без боя вступил в кишлак Шавадки-Боло, расположенный на высоте 1762 м в ущелье, окружённом горами.

В кишлаке Арандаренко застал лишь 10-15 стариков из числа местных жителей. Они сообщили, что командир передового пикета, кокандец Мулла-Караул-беги объявил жителям, что его отряд будет защищать этот кишлак от русских. 16 ноября все жители, числом до 80 семей, по его требованию оставили свои жилища и ушли в горные ущелья левого берега Зеравшана.

Позиция в Шавадки-Боло открывала удобный путь в средний Фальгар и контролировала движения в Матчу. Арандаренко посещал этот кишлак во время инспекционной поездки в мае-июне 1875 года. Он знал, что от кишлака в Верхнюю Матчу шла единственная проезжая дорога через перевал Вешаб. По свидетельству стариков, горные тропинки из Шавадки-Боло в Верхнюю Матчу с октября по март были занесены снегом и практически непроходимы не только для обоза и всадников, но и для одиночных путников.

Арандаренко обследовал Шавадки-Боло. Позиция у этого кишлака соответствовала всем требованиям обороны. Единственная дорога от кишлака Шабатки-Боло в кишлак Вешаб представляла собой тропу длиной около 4 км, над которой нависали утесы, дававшие возможность обороняющимся поражать путников на каждой точке движения. Обходные тропы, в том числе на гребни гор, отличались значительной крутизной и с начала ноября были непроходимы для конницы и обоза. Джигиты-разведчики сообщили Арандаренко, что отряд матчинцев под командованием Календер-бека, числом до 1 тысячи человек, защищал дорогу в Вешаб. Восставшие горцы расставили стрелков и камней на главенствующих высотах, а дорогу перерезали частыми завалами¹⁶.

Подъем на главенствующие высоты, расположенные над дорогой от Шавадки-Боло до Вешаба, начинался сразу же за кишлаком. Их обстрел из единственного горного орудия, ввиду удаленности позиций неприятеля, неясности расположения позиций и ограниченности боеприпасов, не был эффективным. Так как двигаться по дороге, разбирая завалы

под ружейным огнем противника и градом камней было невозможно, и обойти эту дорогу по горным тропам, с обозом и горным орудием, в это время года тоже было нельзя, Арандаренко решил вытеснить восставших с горного гребня над дорогой. Разместив в 120 м от Шавадки-Боло по дороге в Вешаб обоз и горное орудие, с прикрытием солдат 3-го полувзвода 3-й роты и 10 казаков под командой штабс-капитана Каневского, Арандаренко лично возглавил штурмовой отряд, направленный на гребень гор. По мере освоения склонов гор Каневский должен был продвигаться с обозом и орудием по дороге в Вешаб.

В 4 часа 30 мин. с 19 на 20 ноября Арандаренко с тремя полувзводами солдат, общей численностью 60 человек, возглавив 2-й полувзвод, двинулся на гребень гор по крутой тропинке длиной 3 км. Поручик Дедков командовал 1-м полувзводом, поручик Гинглятт 4-м полувзводом.

В начале движения выстрелом из засады Гинглятт был ранен и отошёл в резерв, его полувзвод поступил под командование Арандаренко. Несмотря на чрезвычайную трудность подъёма, наступление вначале шло успешно. Скрытно поднявшись на первый уступ, контролирующий до 1 км дороги, 4-й полувзвод выбил обороняющегося неприятеля. Восставшие отошли на второй уступ, в 1 км от первого, за которым скрывалось до 200 стрелков. Объединившись и открыв плотный ружейный огонь, три полувзвода продвигались за отступавшим из ложементов неприятелем. Штурмовая колонна Арандаренко после перестрелки с защитниками 2-го ложемента овладела им, преследуя неприятеля, отступавшего на 3-й уступ. При занятии 2-го уступа было ранено двое рядовых и проводник-туземец. К этому времени рассвело, и наступавшие русские солдаты стали хорошо видны обороняющимся. После трёхминутного отдыха под прикрытием 2-го уступа три полувзвода продолжили наступление цепью на 3-й уступ, укрепленный множеством ложемента. Восставшие горцы были рассредоточены по всей вершине хребта. Около 800 горцев встретили наступавших ружейным огнем и градом камней. Отряд Арандаренко

был вынужден вернуться под прикрытие 2-го уступа.

На этом участке штурма были наиболее существенные потери у наступающего отряда – были убиты один унтер-офицер и четверо рядовых, ранены 10 рядовых. Арендаренко был ранен пулей в грудь и получил удар из камнемета в руку. Он приказал волонтеру Кедыр-Абсолямову, индийцу Суфи и нескольким разведчикам-джигитам отвести раненых на перевязочный пункт, расположенный в резерве отряда в кишлаке Шавадки-Боло. Вследствие полученного ранения Арендаренко тоже отошёл в резерв, приказав поручику Дедкову возглавить штурмовой отряд, сократившийся с трёх до двух полувзводов. Дедков повторно предпринял штурм 3-го уступа, поднявшись ещё на 17 м вверх, при этом потеряв убитыми четверых рядовых. Было обнаружено, что на подкрепление обороняющихся движутся с горных склонов на 3-й уступ до 200-300 горцев.

Дальнейшее наступление с 35 рядовыми, утомлёнными чрезвычайно трудным восхождением, оказалось невозможным, и Дедков начал отступление. Заметив, что русские солдаты отступают по склону к кишлаку Шавадки-Боло, горцы выдвинулись из 3-го уступа и бросились в атаку. Отступавшие солдаты, которых осталось чуть более полутора полувзвода, ружейным огнем остановили неприятеля. По свидетельству Дедкова, несколько десятков наиболее отчаянных горцев, вооружённых саблями и батиками, бросались в рукопашный бой, и все почти были убиты. Отступление продолжалось 2,5 часа, при этом были ранены ещё четверо рядовых и два офицера – поручик Дедков был ранен батиком, прапорщик Грунталь получил пулевое ранение в руку.

Оставшийся в резерве штабс-капитан Коневский, заметив отступление полувзводов поручика Дедкова по покатоности в сторону Шавадки-Боло и намерение неприятеля обойти с флангов отступавший отряд с целью его окружения и уничтожения, произвёл несколько ружейных залпов по горцам, заставив их отказаться от своего намерения.

Несмотря на значительные потери убитыми и ранеными, неприятель в большом

количестве стал собираться на нижних уступах и ложементах с целью перейти в атаку.

В случае отступления Арендаренко восставшие горцы могли бы преследовать его отряд, занимая на своём пути каждый кишлак, пополняя свои ряды. Поэтому Арендаренко признал нужным занять оборону в Шавадки-Боло до получения подкрепления. Он перевёл резерв, 3-й полувзвод, горное орудие, казаков, обозы и спустившиеся с высот полувзводы в кишлак Шавадки-Боло. Этот кишлак стал главным военно-операционным пунктом, контролировавшим проход в Вешаб. А дорога с кишлака Вешаб открывала путь к кишлаку Аучи и Оббурданскому перевалу, через который открывалась дорога на Ура-Тюбе и возможность получать помощь людьми, продовольствием и боеприпасами со стороны восставших кокандцев.

20 ноября Арендаренко укрепил позиции для обороны единственной дороги из Шавадки-Боло на Пенджикент и отослал джигитов для доклада А.К. Абрамову. В этот же день, в 3 часа дня русские позиции в кишлаке Шавадки-Боло были атакованы большим количеством восставших горцев. Неприятельские колонны пошли в атаку, но были отброшены огнем орудия, пехоты и казаков.

В ночь с 20 на 21 ноября неприятель, числом до 800 человек, подошёл из ущелья Шавадки-Боло к северной окраине кишлака и попытался прорвать оборону русского отряда. Он был остановлен двухъярусным ружейным огнём с двух фасов укрепления, потеряв 28 человек убитыми и до 60 ранеными. Все последующие дни и ночи, с 21 по 24 ноября, горцы атаковали позиции отряда Арендаренко, пытаясь с разных сторон прорвать оборону и уничтожить обороняющихся.

21 ноября Абрамов получил донесение о боевых действиях отряда Арендаренко. Он командировал из Самарканда на Шавадки-Боло отряд под командой поручика Сарапулова, состоящий из 50 нижних чинов стрелковой роты 3-го Туркестанского линейного батальона.

Одновременно из Пенджикента в кишлак Шавадки-Боло 21 ноября выступил отряд под командованием капитана Е.В. Шпицберга,

состоящий из 50 казаков 1-й Оренбургской сотни. Пройдя усиленным маршем по фальгарской дороге, капитан Шпицберг прибыл в Шавадки-Боло 23 ноября в 3 часа дня и принял командование отрядом.

24 ноября отряд капитана Шпицберга скрытно выступил с полувзводом пехоты из Шавадки-Боло на левый берег Зеравшана. Шпицберг попытался выдвинуться в обход Вешабских высот, через Утагар и Дарх на Оббурдон, продвигаясь по обходному пути и атаковать горцев, укрепившихся на вершинах Вешаба, с тыла. Однако его отряд не смог выполнить эту задачу, так как чрезвычайно крутые тропы на этом участке пути обледенели, и движение по ним было практически невозможным. В этот же день отряд Шпицберга вернулся в Шавадки-Боло.

Для соединения с отрядами Арандаренко и Шпицберга Абрамов направил дополнительно в Шавадки-Боло из Самарканда отряд под командованием полковника А.М. Яфимовича. В составе отряда были казаки 1-й Уральской сотни под командованием есаула Ераклинцева 1-го, сотника Акирова, хорунжего Сергеева и хорунжего Ераклинцева 2-го. С полковником Яфимовичем были командированы в Шавадки-Боло отрядный адъютант поручик Вашталинский и доктор медицины А.И. Венецкий. Абрамов поручил Яфимовичу по прибытии в Шавадки-Боло принять командование над всеми объединёнными отрядами и решительными ударами очистить от восставших Верхнюю Матчу.

24 ноября командир уратюбинского отряда майор И.Н. Абграль получил приказ выдвинуться из Ура-Тюбе к кишлаку Вешаб и Шавадки-Боло. Отряд состоял из 1-й роты 3-го Туркестанского стрелкового батальона под командой поручика Бекчурина, 65 человек 4-й роты 7-го линейного батальона капитана Панцырева и 20 сибирских казаков. Путь от Ура-Тюбе до кишлака Аучи (около 40 км) и от Аучи до Оббурдана (около 50 км) через Оббурданский перевал (3900 м) в зимнее время года был очень тяжёлым, перевалы были полностью покрыты снегом и считались непроходимыми. Абграль взял из инженерного склада лопаты, топоры, ломы и кирки, заказал несколько четырёхлапых крючьев с ве-

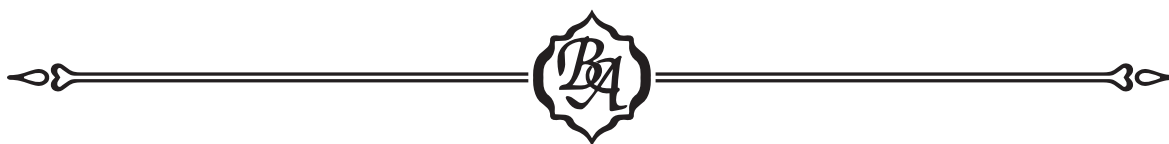
ревками, для спуска в пропасти за сорвавшимися людьми, и купил кошму для подстилки людям на ночлегах.

25 ноября в 10 часов утра отряд Абграля выдвинулся из Ура-Тюбе. Он должен был взять под контроль кишлак Аучи, проследовать на северный склон Туркестанского кряжа, преодолеть Оббурданский перевал, соединиться с отрядами Арандаренко, Шпицберга и Яфимовича и, продвигаясь в Верхнюю Матчу уничтожить восставших.

Усилив 25 ноября позиции в Шавадки-Боло полувзводом пехоты капитана Шпицберга, вернувшегося после неудавшегося похода в обход Вешабских высот, и получив от конных джигитов-посыльных сведения, что к Шавадки-Боло вскоре прибывает отряд полковника Яфимовича, Арандаренко принял решение отослать всех раненных военнослужащих в госпиталь в Самарканд.

Обнаружив, что русский отряд выдвигается из Шавадки-Боло в сторону Самарканда, восставшие матчинцы предположили, что весь русский отряд оставляет кишлак. Со склонов гор они бросились в преследование, стремясь уничтожить отступающих. Для прикрытия отступающих раненных военнослужащих капитан Шпицберг выдвинул полувзвод пехоты, усиленный горным оружием. Прицельным ружейным и артиллерийским огнём атакующие горцы были остановлены и отброшены со значительной потерей убитыми и ранеными.

Встретив солдат и офицеров из отряда Арандаренко, получивших ранение при штурме высот у Шабатки-Боло и следующих в Самаркандский госпиталь, Яфимович выделил им отряд сопровождения, который было приказано возглавить штабс-капитану В.Н. Рыбушкину. От Пенджикента раненых откомандировали в Самарканд. Отряд Рыбушкина сопровождал раненых в течение всей осенне-зимней компании 1875 года в верховьях Зеравшана. В послужном списке Рыбушкина указано: «Участвовал в походе против горцев в Матчинскую область в 1875 г. В отряде генерала Яфимовича от Пенджикента до Шабатки-Боло 24-26.11.1875; обратном движении для отвоза раненых в Пенджикент 26.11-24.12»¹⁷.

О прибытии отряда Яфимовича в Шавадки-Боло и о движении через Оббурданский перевал отряда Абгралья стало известно восставшим горцам. Ввиду опасности быть блокированными между кишлаками Аучи и Вешабом восставшие в ночь с 25 на 26 ноября 1875 года без боя отступили с высот Шавадки-Боло и перевала Вешаб. Горцы заняли заранее укрепленные позиции на высотах у кишлака Оббурдон в Верхней Матче.

Отряд Яфимовича прибыл в Шавадки-Боло 26 ноября. Приняв общее командование объединенным отрядом, увеличившимся до более чем 300 солдат и офицеров, Яфимович приказал штурмовать высоты Вешаба. Обнаружив, что восставшие горцы покинули позиции над Шавадки-Боло, Яфимович 27 ноября повел отряд вверх по Зеравшану, по направлению к кишлаку Вешаб. В этом кишлаке восставших обнаружить не удалось. По показаниям местных жителей, отряды горцев накануне оставили этот кишлак, отходя вверх по Зеравшану в сторону кишлаков Шамтуч и Оббурдон.

Получив сведения о скором переходе уратюбинского отряда через Оббурданский перевал, Яфимович рассчитывал на одновременную атаку неприятеля с фронта и с тыла. Он выдвинул свой отряд из кишлака Вешаб по направлению к Оббурдонскому перевалу.

27 ноября отряд Яфимовича, не встретив уратюбинский отряд Абгралья, проследовал к кишлаку Оббурдон, пройдя от кишлака Вешаб по горным ущельям и карнизам около 15 км. Высланные разведчики-джигиты доложили, что значительное число восставших закрепилось в километре от Оббурдона, на высоте Озахак, на правом берегу Зеравшана, в том месте, где тропинка становилась узкой и позволяла эффективно оборонять её с господствующих высот. Оборонительные позиции были выстроены по примеру Вешабских укреплений. Были устроены многочисленные ложементы, все подходы по покатостям на господствующие высоты были перекрыты завалами из камней, заранее подготовленные позиции для стрелков и камнеметов делали высоту Озахак практически непреступной.

В это же время переход отряда Абгралья через горный перевал осложнялся снежным бу-

раном и холодом от -10°C и ниже. На девятой версте за кишлаком Аучи поднялась снежная метель, и дороги не стало видно. Абграль остановил отряд и решил дожидаться прекращения метели. К 8 часам утра 27 января метель стихла, и отряд двинулся обледеневшей горной тропой к перевалу высотой 3,5 тыс. м. Во время восхождения в пропасть сорвалось девять навьюченных ослов и один стрелок. До вершины оставалось не более 250 м, когда капитан Панцырев потерял сознание. Доктор Блажиевский тоже задыхался и не смог ему помочь. Отряду пришлось остановиться тут же на ночлег. На перевал был послан пикет из 20 стрелков.

28 ноября утром, осмотрев отряд, Абграль обнаружил, что, кроме Панцырева и Блажиевского, не могут идти дальше 25 солдат и пять казаков. Пришлось отправить их назад в Ура-Тюбе, снабдив 12-ю ослами и 15-ю рабочими для расчистки троп. В отряде остался только 21 осел, остальные или погибли в пропасти и от холода, или совершенно выбились из сил. Абграль оставил провиант на месте стоянки, на оставшихся ослов навьючили только тулупы, котлы и шанцевый инструмент. Солдаты и казаки набрали в карманы, сколько поместилось, сухарей из брошенного запаса, и отряд, не останавливаясь на ночлег, продолжил движение через перевал. После Оббурданского перевала отряду предстояло пройти в сторону кишлака Оббурдан около 8 км для соединения с отрядом Яфимовича.

29 ноября в 2 часа утра Абграль направил свой отряд на соединение с отрядом Яфимовича. До соединения отрядов Яфимовича и Абгралья оставалась одна ночь¹⁸.

28 ноября, не дожидаясь отряд Абгралья, Яфимович принял решение с марша атаковать неприятеля, несмотря на сложность позиции и нависающие над единственной тропинкой укрепленные ложементы господствующие высоты. С этой целью, оставив в кишлаке Самтич весь обоз, под прикрытием 80 казаков и 4-го полувзвода 3-й роты 3-го Туркестанского линейного батальона под командой поручика Гинглятта, отряд Яфимовича подошёл к неприятельской позиции.

28 ноября с наступлением темноты, в 21 час, Яфимович приказал приступить

к штурму высоты Озахак. Начав штурм стрельбой по оборонявшимся из единственного горного орудия под командой артиллерии капитана Шпицберга и ружейной стрельбой полувзводов пехоты, под командой поручика Сарапулова и прапорщика Грунталя, полковник Яфимович приказал штабс-капитану Каневскому начать штурм высоты Озахак.

Отряд Каневского, состоявший из 95 человек, включал в себя солдат одного полувзвода 3-й роты 3 Туркестанского линейного батальона и 70 казаков 1-й Уральской и 1-й Оренбургской сотен. Каневский возглавил штурмующую колонну под градом неприятельских пуль и камней. При начале атаки колонна лишилась одного убитым и шести ранеными, но плотный огонь обороняющихся ни на минуту не остановил наступающих. Уничтожив штыковой схваткой до 50 человек защитников первых двух ложементов, штурмовая колонна продолжала наступление на крайнюю точку высоты Озахак, занятую отрядом до 900 человек неприятельских стрелков и камнететов. У 3-го ложемента отряд Каневского встретил ещё более плотный ружейный огонь обороняющихся и сплошной град камней. Этот огонь остановил солдат Каневского у самого края завала. Было убито два казака, тяжело ранены сам Каневский и 10 нижних чинов.

Ввиду больших потерь личного состава и ранения Каневского Яфимович прекратил штурм, так и не взяв высоты Озахак. В связи с прекращением неприятельского огня с главенствующих высот Яфимович расположил на ночлег весь отряд с обозом на уступах высот Озахак. Штабс-капитан Каневский скончался от полученных ран 1 декабря 1875 года.

Получив информацию о скором прибытии уратюбинского отряда Абгряля, в ночь с 28 на 29 ноября горцы оставили высоты Озахак и отступили через кишлак Оббурдан на расстояние около 80 км, в кишлаки Верхней Матчи – Пальдорак, Ди-Минара, Пакшиф и Сабак.

29 ноября отряд полковника Яфимовича, не встречая сопротивления, вступил в кишлак Оббурдан. Уратюбинский отряд майора Абгряля прибыл в Оббурдан через четверть часа после прибытия отряда Яфимовича.

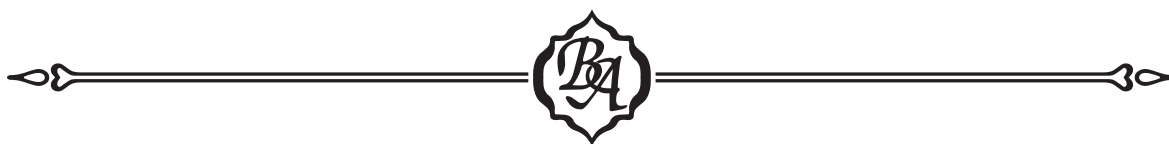
30 ноября Яфимович прошёл двумя переходами из Оббурдана с частью отряда в составе роты солдат 3-го Туркестанского стрелкового батальона, 60 солдат 7-го линейного батальона, 40 солдат 3-го линейного батальона и 100 казаков, до кишлака Римаут, расположенного на правом берегу реки, в 25 км. вверх по Зеравшану.

Как свидетельствовал Арандаренко, Яфимович наказал за участие в восстании против русского правительства и поддержку Календер-бека жителей кишлаков Оббурдан, Постигау, Комодан, Хоти-шагар, Арнахун: «Примерное наказание сильно подействовало на горцев, побудило их прислать отовсюду в отряд представителей от народа с просьбою о помиловании; а изъявление, через депутации, всеми кишлаками, до Пальдорака, полной покорности и обещанной полковнику Яфимовичу готовности выдать Календер-бека и оружие. Это внешнее проявление покорности матчинцев внушало надежду на прекращение восстания во всех кишлаках Верхней Матчи, от Оббурдана до крайнего селения Мазар-шериф, у ледников Зеравшана»¹⁹.

В связи с ухудшавшейся погодой, препятствующей дальнейшему движению отряда вверх по Зеравшану, Яфимович принял решение прекратить преследование, не достигнув кишлаков Сабак и Пальдорак в Верхней Матче, и повёл отряд вниз по Зеравшану.

10 декабря Яфимович возвратился в Пенджикент. Ура-тюбинский отряд майора Абгряля отступил в направлении к Ура-Тюбе через Вешабский перевал. Военная операция в Верхней Матче была прекращена, солдаты и казаки вернулись в места постоянного размещения.

По окончании ноябрьского (1875 года) похода против матчинцев за порядком в кишлаках нагорных тюменей А.К. Абрамов приказал следить отряду Арандаренко, в составе стрелковой роты 3-го Туркестанского стрелкового батальона, одного горного орудия и партии джигитов. В начале декабря 1875 года отряд Арандаренко был расквартирован в кишлаке Рарз, расположенном в 15 км от кишлака Шавадки-Боло. Это место дислокации служило удобным пунктом для патрулирования гор Фальгара, в том числе кишлаков

Фатмев, Испагн, Сайрон, Гузари Бод, Похут, Шавадки-Боло, Шаватки-Поеи и Фатмовут.

Отряд Арандаренко не только гарантировал спокойствие в этих кишлаках, но и замыкал путь из Верхней Матчи вниз по Зеравшану на Пенджикент и Самарканд и, в случае необходимости, получив подкрепление, мог в кратчайшее время выдвинуться вверх по Зеравшану, вплоть до Пальдорака.

Подавление восстания горцев Верхней Матчи в январе 1876 года

Вскоре после возвращения из Верхней Матчи Самаркандского отряда полковника Яфимовича и уратюбинского отряда майора Абгала волнение в кишлаках Верхней Матчи вновь усилилось.

Каратегинский ша, правитель Каратегина и вассал Бухары, послал в Пальдорака, через перевал Пакшифт, увещание «оставаться верными мусульманству».

В конце декабря Пулат-бек прислал в Верхнюю Матчу батальонных командиров, которые, выступая в качестве инструкторов военного дела, приступили к устройству новых ложементов по господствующим высотам, выбору мест, удобных для возведения постоянных укрепленных позиций. Посланцы Пулат-бека доставили Календер-беку грамоту на звание ишик-агасы²⁰, 600 рублей и богатые подарки.

Во второй половине декабря, пока сообщение Коканда с Верхней Матчей, через перевал Худгиф²¹, было свободно, кипчаки Абд ал-Гаффар-бека подвозили оружие и боеприпасы, убедив горцев поддержать Календер-бека до прибытия Акбаты, получившего приказ Пулат-хана занять Матчу.

При появлении представителей Абд ал-Гаффар-бека наиболее непримиримые матчинцы расправлялись с населением, поддерживавшим русскую власть. Они вербовали приверженцев Календер-бека, внушая местным жителям необходимость продолжения газавата. Под влиянием агитации, проводимой в Верхней Матче Календер-беком и его помощником Курбан-мирахуром, жители кишлаков, расположенных вниз от Пальдорака, – Пакшифт, Ди-Минара, Мадрушкат, вновь выступили в поддержку восставших.

В декабре 1876 года Арандаренко докладывал Абрамову, что продолжительное нахождение его отряда в Фальгаре, достигнув цели защиты мирного населения кишлаков Нижней и Средней Матчи, могло вызвать у сторонников Календер-бека ложную уверенность, что русские войска не будут выдвигаться в Верхнюю Матчу. Эти ложные надежды провоцировали бы у сторонников восставших беков идеи восстановить независимость Верхней Матчи и со временем двинуться вниз по Зеравшану²².

Для усиления отряда Арандаренко, патрулировавшего кишлаки верхнего Зеравшана, 24 декабря 1875 года были дополнительно прикомандированы солдаты и офицеры 3-го Туркестанского стрелкового батальона, среди которых был штабс-капитан Рыбушкин. В его послужном списке от 31.07.1901 г. указано: «С 24.12.1875 г. по 16.01.1876 г. командир стрелковой роты шт. кап. Рыбушкин находился в отряде, сформированном для охранения спокойствия в Фальгарских, Фанских и др. волостях и в кишлаке Дарваз. В движении отряда под началом капитана Арандаренко от Дарваза по труднопроходимым горным тропам и карнизам через Витаб, Илиз, Сабак к Пальдораку с 16 по 21 января. В обратном движении отряда от Пальдорака к Самарканду с 23.01.1876 г. по 3.02.1876 г.»²³.

Оббурданский амин в начале января 1876 года докладывал начальнику нагорных тюменей Арандаренко, что в кишлаках Верхней Матчи усилилось волнение между горцами, грозившее перерасти в вооруженную борьбу, аналогичную восстанию в ноябре 1875 года.

Уверенные в том, что русские войска в зимнее время не смогут пройти в Пальдорака по осыпям, и местами – по обледелым узким тропинкам, с трудом проходимым пешими и в тёплое время года (с июня по начало ноября), горцы ближайших к Пальдораку селений Верхней Матчи стали угрожать жителям кишлаков, посылавших в ноябре 1875 года депутатов к полковнику Яфимовичу. В связи с этим жители покоровившихся кишлаков, начиная от Ривамута, не выполнили своего обещания и не сдали оружие русской администрации.

Население ближайших к Оббурдану кишлаков Нижней Матчи, желая оставаться в полной покорности, письмами в Пенджикент просили защиты от сторонников Календер-бека.

В ожидании захвата Верхней Матчи отрядами Акбаты и вооружённого противостояния русской армии с восставшими горцами жители Средней и Нижней Матчи, оставляя кишлаки, переселялись в соседний Фальгар и Ура-Тюбе или уходили в труднодоступные ущелья, укрывшись от суровых морозов в пещерах, между скал. В зимнее время года, когда температура в горах опускалась ниже -20°C , были нередки снежные бураны, и все тропинки занесены снегом, их положение было ужасное. Они неизбежно бы погибли, если бы отряду Г.А. Арандаренко, патрулировавшему горы Фальгара, не удалось ограничить район агитации в горах и сдержать попытки Календер-бека наказать кишлаки, изъявившие покорность Зеравшанской администрации.

Отсутствие полноценных дорог, сложный рельеф местности, низкие температуры, практически полная невозможность передвижения по горным тропам и перевалам в зимнее время года вызывали у кокандцев и матчинцев уверенность в своей полной безопасности. Даже у русских военных историков возникали сомнения в целесообразности проведения зимних военных операций в кишлаках Верхнего Зеравшана: «Собственно говоря, ничего особенного <матчинцы> через свои перевалы <...> сделать нам не могли, но, когда рядом идет война и сыплются щедрые награды, Абрамов сидеть спокойно не мог. С умыслом посылая слабые отряды, он получил в их неудачах и медленности движения благовидный предлог двинуться туда и самому»²⁴.

10 января 1876 года начальник Зеравшанского округа генерал-майор А.К. Абрамов, получив от Арандаренко доклад о скором вторжении в Матчу отряда Акбаты с кипчаками и о попытках вновь восстановить независимость нагорных тюменей, решил лично возглавить военную экспедицию в Верхнюю Матчу, пройдя с вооружённым отрядом от Оббурдана до кишлака Польдорак и дальше, к ледникам Зеравшана.

Основной целью зимнего Зеравшанского похода Абрамова было окончательное покорение кишлаков Верхней Матчи, уничтожение кипчаков Абд ал-Гаффара и отрядов восставших матчинцев, захват укрывшихся в селениях Верхней Матчи вождей матчинского восстания, сторонников Пулат-хана в Матче – Календер-бека, Курбан-мирахура, Сеид-Мукарама, Махмут-бека и других потомков беков, поддержавших Кокандское восстание и газават против русских.

Отдав Г.А. Арандаренко секретный приказ о подготовке снаряжения всем необходимым для зимнего похода в Верхнюю Матчу, генерал-майор Абрамов выехал из Самарканда в Пенджикент, прибыв в резиденцию начальника нагорных тюменей 12 января 1876 года.

13 января А.К. Абрамов распорядился занять вооружёнными джигитами, состоящими на службе в нагорных тюменях и в Ходжентском уезде, кишлаки Угук и Аучи, расположенные на северном склоне Туркестанского кряжа и замыкающие узкое ущелье Оббурданского (3950 м) и Вешабского (2850 м) перевалов. Эта предосторожность была необходима для защиты от вторжения в горы со стороны Коканда неприятельских подкреплений матчинцам и предупреждения побега из Матчи Календер-бека и его сообщников.

13 января рано утром Абрамов выехал из Пенджикента в Парз – место расположения отряда Арандаренко, с конвоем из тридцати казаков. По горным дорогам Абрамов прошёл кишлаки Суджина, Гусар, Маргедар, Кштутдак, Урмитан, Вишкент, Хушикат, Засун и Фатмев.

15 января вечером Абрамов прибыл в кишлак Парз, преодолев за первый день около 70 км и в последующие два дня по 30 км.

Соединившись с отрядом Арандаренко, Абрамов назначил выступление из Парза в Матчу на следующий день, 16 января, в 6 часов 30 минут утра. Известие о новом «походе на Календера» было встречено с большим воодушевлением, так как отряд Арандаренко состоял из стрелков 3-го Туркестанского линейного батальона, участвовавших в прошлогоднем ноябрьском походе к кишлаку Шабатки-Боло и под Оббурдан.

Сильный снегопад, бури и низкая температура, падавшая в отдельные дни ниже -20°C , предполагали трудности продвижения в кишлаки Верхней Матчи. Но это не остановило отряд, командование над которым взял на себя лично генерал А.К. Абрамов.

В первый день похода начался снежный буран, который не прекращался с утра и до 7 часов вечера. Температура утром была -17°C , а к вечеру упала до -21°C . Непогода препятствовала быстрому движению отряда. Нанятые Арандаренко рабочие-горцы двигались впереди отряда, очищая от снега тропинки по мере движения, и исправляли карнизы, где требовалось. Несмотря на это, часть обоза все же оборвалась с карниза на береговые уступы Зеравшана. Отряд сделал вынужденную остановку. Упавших обозных ишаков и лошадей, покалеченных или погибших, пришлось доставать и менять на запасных, но выюки удалось спасти.

Дорога в ущелье между кишлаками Шабатки-Боло и Вешаб оказалась занесена снегом настолько, что продвижение обоза было невозможным. Всему отряду в буран пришлось расчищать снежные завалы и передвигать обоз, состоявший из 32 лошадей и 160 ишаков. Сложности пути заставили остановиться в 4 часа дня на ночлег в кишлаке Вешаб, пройдя за первый день похода лишь 15 км. Этот день показал, что обоз сильно задерживал движение отряда и мог нарушить секретность операции.

17 января Абрамов назначил Г.А. Арандаренко начальником «матчинского отряда», который должен был стремительным движением к Пальдораку следовать впереди обоза. В составе отряда были: командир стрелковой роты штабс-капитан Рыбушкин, субалтерн-офицеры прапорщик Ниджерадзе и Круглов; командир горного орудия артиллерии прапорщик Михмандаров, начальник казаков есаул Греков, адъютант поручик Кошталинский, переводчик подпоручик Кулчанов, доктор медицины Венецкий и волонтер отставной прапорщик Миниаз. В состав отряда вошли 153 нижних чина стрелковой роты 3-го Туркестанского линейного батальона, одно орудие и 30 казаков 1-й Уральской сотни. Для орудия взято было 13 зарядных ящиков со снаряда-

ми – гранат обыкновенных 34, картечных 17, зажигательных 6, картечи 15. На каждое ружье пехоты и казаков имелось в отряде 150 патронов. Для осуществления разведки и отправки корреспонденции с матчинским отрядом следовали 35 джигитов. Отряд имел с собою, по числу людей, полное довольствие на 18 дней.

Матчинский отряд под командованием Арандаренко делал стремительные дневные переходы по кишлакам Верхней Матчи, а обоз следовал за ними, не задерживая отряд. Отряд Арандаренко должен был безостановочно следовать в кишлаки Верхней Матчи, пройдя из Вешаба в Оббурдан (30 км), далее – в Постигав (16 км), Исиз (24 км), Мадрушкат (20 км), Сабак (14 км) и Пальдорак (14 км), уничтожая восставших.

Генерал Абрамов следовал вместе с обозом, со всей подобающей торжественностью, и принимал в кишлаках уверения полного подчинения и почтения от жителей Матчи.

Движение отряда Арандаренко через оседлости Средней Матчи и снисхождение, оказанное народу, расположили его к покорности настолько, что в ответ на разосланное из Постигау конными джигитами предложение жителям Верхней Матчи оставаться на местах, выдать оружие и Календер-бека горцы массами встречали генерал-майора Абрамова и, раскаяваясь «в невольном увлечении», выносили своё оружие – фальконеты, фитильные ружья, батики и сабли.

Для того чтобы не повторить прошлогодней ошибки, когда отряды Яфимовича и Абгряля, получая подобные же уверения в покорности, вернулись в Самарканд и Ура-Тюбе, не уничтожив руководителей восстания, Арандаренко принял решение преследовать отряды Календер-бека вплоть до крайних кишлаков, расположенных у Зеравшанского ледника, и уничтожить вожakov восставших горцев.

По сведению, полученному от местных жителей, Календер-бек со своими наиболее преданными сторонниками ушел в Пальдорак, пытаясь бежать через перевалы на север, в Коканд или на юг, в Каратегин. Однако сделать это ему не удалось по причине непроходимости в январе большинства перевалов из Верхней Матчи в соседние владения.

Внезапность безостановочного движения отряда Арандаренко к кишлакам Верхней Матчи не позволяла восставшим матчинцам собраться на ложементх и укреплённых пунктах, указанных кокандскими инструкторами, для обороны дорог и кишлаков.

Отряд Арандаренко застал в кишлаке Оббурдан жителей, не поддержавших Календер-бека. Во всех последующих кишлаках Нижней и Средней Матчи, вверх по Зеравшану до Мадрушката включительно, мужское население, боясь насильного призыва в ряды восставших, укрылось в горах.

17 января на ночлеге в Постигау джигиты-разведчики доставили сведение, что отряд Календер-бека, состоящий из 20-40 кокандцев и 100-150 польдоракцев, собрался под начальством Курбан-мирахура на восточном берегу правого притока Зеравшана, Кули-хана, в 10 верстах выше Постигау, и укрепляет позицию бруствером из камня, чтобы воспрепятствовать движению русского отряда в сторону кишлака Польдорака.

18 января в 4 часа утра, в ожидании столкновения с восставшими на реке Кули-хан, представляющей по своим открытым, длинным береговым спускам чрезвычайно сильную позицию для обороняющегося, Арандаренко выслал в сторону неприятеля рекогносцировочный разъезд из 30 казаков, 15 конных стрелков и 20 джигитов под начальством есаула Грекова. Ему было приказано обнаружить противника и, не предпринимая атаки позиции, пройти по западному берегу реки Кули-хан к Зеравшану, чтоб осмотреть обходный путь. Застав в значительном отдалении от Кули-хана только конный пикет числом 8-12 человек, быстро отступавший вверх по Зеравшану, рекогносцировочный разъезд занял восточный берег этого притока, незадолго до того оставленный неприятелем, и закрепился на позиции, ожидая прибытия основного отряда.

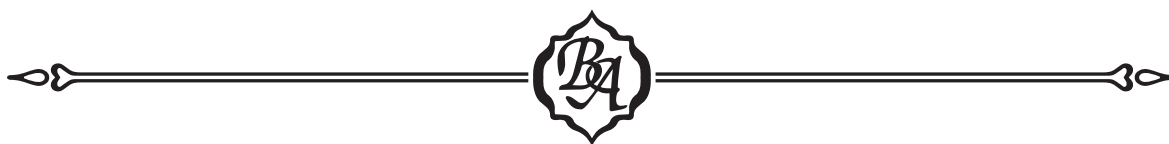
Отряд Арандаренко выступил из Постигау на рассвете 18 января, в 6 часов утра. Соединившись с рекогносцировочным отрядом, Арандаренко обнаружил следы недавнего присутствия неприятеля – ещё дымившиеся в береговых ложементх костры и брошенные камнетесные инструменты.

Стремительное многокилометровое движение отряда Арандаренко от Кули-хана через Лянгер-Рогиф, Римаут, Худгиф-офтобру к кишлаку Исиз и на другой день через укрепленное селение Лангер-иоз, с постоянным набором высоты, наглядно убеждало, что неприятель не успел подготовиться на указанных ему позициях и, пораженный быстротой и неожиданностью наступления русских, отступал вверх в горы, не оказывая сопротивления.

По рассказам горцев Верхней Матчи, кокандцы Пулат-бека, в числе 38 человек, первыми оставили на рассвете 18 января позицию на Кули-хане и скрылись в ущельях Худгиф и Сабак, к перевалам высотой до 4 тысяч метров, ведущим в Коканд. Здесь, в снегах, они потеряли погибшими 14 человек и 20 лошадей.

Пройдя более 40 км от Постигау (высота 1920 м) и заняв 19 января, в 2 часа дня Мадрушкат (высота 2253 м), Арандаренко тотчас же распорядился блокировать дороги, ведущие из Польдорака к перевалам Худгиф и Комадан. Оставив в горных ущельях по восемь вооружённых джигитов, в 7 часов вечера он выслал секреты: по правому берегу Зеравшана, в четырёх верстах выше Мадрушката, 25 казаков с есаулом Грековым и поручиком Н.А. Кашталинским, а на левый берег Зеравшана, в четырёх верстах ниже Мадрушката, к кишлаку Подоск – полувзвод стрелковой роты с штабс-капитаном Рыбушкиным, прапорщиками Михмандаровым, Кругловым и волонтёром Мениазом.

Г.А. Арандаренко распорядился через волостных правителей разослать во все кишлаки обещания исходатайствовать полное прощение для всех сторонников Календер-бека, которые не были замешаны в убийствах и добровольно сдадутся в плен. Понимая, что дальнейшее сопротивление бесполезно, многие матчинцы стали возвращаться в кишлаки с покаянием и сдавать оружие. 19 января в 18:30 в отряд Арандаренко явился Курбан-мирахур, ближайший помощник Календер-бека, который, по свидетельству туземцев, возглавлял в ноябре 1875 года защиту высот Шабатки-Боло. Он просил исходатайствовать для него полное прощение и был помещён под стражу.

Получив известие, что Календер-бек, покинутый своими сторонниками, пытается пробраться вниз по Зеравшану и вскоре будет проходить через единственную проезжую дорогу в селении Ди-Минар, Арандаренко распорядился захватить главаря мятежников. Для этого 19 января, одновременно с постановкой пикетов, к селению Ди-Минар были высланы два пенджикентских джигита – Хаким-мирахур²⁵ и Нажмиддин, которые устроили засаду на кладбище мазари-Валган. Обнаружив Календер-бека, скрытно следовавшего с двумя конными джигитами, Хаким-мирахур и Нажмиддин вступили с ними в схватку. Календер-бек, наткнувшись на засаду, пытался ускакать обратно к Польдораку, но был обезоружен Хаким-мирахуром и доставлен 20 января в 2 часа ночи в кишлак Мадрушкат. С поимкой Календер-бека Арандаренко 20 января в 3 часа 30 минут ночи снял секреты для предупреждения переохлаждения людей.

К этому времени в кишлак Мадрушкат подошел обоз. Абрамов распорядился утром 20 января продолжить движение до самых крайних кишлаков Верхней Матчи и изъять всё оружие. Отряд Арандаренко должен был занять Польдорак, столицу Матчи, как называли горцы этот многолюдный кишлак, насчитывавший до 380 дворов. Решено было, несмотря на усилившийся снег, сделать переход до селения Сабак, с тем расчетом, чтобы в случае сильного бурана остановиться на ночлег на полпути, в кишлаке Таушин (2400 м), у подножия снеговой вершины высотой 4,5 тысячи метров.

20 и 21 января 1876 года были самыми холодными за время похода. Арандаренко вёл дневник и метеорологические наблюдения. 20 января с утра до 3 часов 30 минут дня был буран. В этот день в 6 часов утра была зафиксирована температура -28°C, а в 9 часов вечера -20°C. На следующий день, 21 января 1876 года, в 6 часов утра была температура -20°C, а в 9 часов вечера -32°C²⁶.

Отряд Арандаренко 20 января с 7:30 утра до 2 часов дня совершил полный, 15-километровый переход из Мадрушката в Сабак. За отрядом следовал обоз, растянувшийся по тропинке на 4-6 км.

Арандаренко записал в дневник, что 20 января на стоянке у кишлака Сабак «людям роздано было по чарке спирту, заблаговременно приготовлен горячий чай, и за вечерним обеденным котлом раздавались те же веселые голоса, те же суждения с прибаутками о трудности пройденных снежных подъемов, о непривлекательности стоянки в запотелых, зловонных саклях, связанных одна с другою, “ровно гнездо”. Долго слышалась оживленная беседа о Календере, Курбан-мирахуре, вспомнилось участниками дело 28 ноября под Оббурданом и прорывалось сожаление, что в этот раз не пришлось обменяться выстрелами с неприятелем»²⁷.

В ночь с 20 на 21 января прискакал разведчик-джигит с известием о вторжении в Оббурдан, через перевал из Коканда, отряда Акбаты с вооружёнными кипчаками. Ожидая на обратном пути в Пенджикент и Самарканд сражение с кокандцами, Абрамов приказал обезоружить всех горцев Верхней Матчи. Он приказал с наступлением утра всему отряду продолжить движение. Арандаренко следовало совершить поход к крайним кишлакам Верхней Матчи, расположенным за Польдораком, у подножия Зеравшанского ледника.

Арандаренко выступил из кишлака Сабак в 6 часов 30 минут утра 21 января. Ему предстояло пройти чрезвычайно трудный маршрут – 15 км по снежным сугробам, местами по обледенелым на пространстве 2-3 км берегам Зеравшана и крутым подъёмам на семикилометровый узкий карниз, тянущийся вдоль обрыва. Отряд прошёл этот трудный путь и вошёл в 3 часа дня в кишлак Польдорак (2 500 м), где и расположился на ночлег. Вскоре туда же прибыл и основной отряд.

Жители Польдорака приветствовали А.К. Абрамова – «великодушного, милостивого генерала». Сотни горцев из кишлаков левого берега Зеравшана (Ди-Минара, Пакшиф, Дашты-миона, Польдорак) сдавали оружие и раскаивались в своих заблуждениях в поддержке Календер-бека. На расспросы генерала Абрамова о причинах поддержки Календер-бека слышались в Польдораке, как и по всей Матче, объяснения: «С первых дней подчинения Матчи Белому царю народ жил мирно, спокойно, обид ни от кого не терпел,

подати платил ограниченные и богатым заметно; летом 1875 года кокандцы, открыв войну на Сырдарье, появились через прямые сообщения, перевалы Янги-Сабакский, Ахба-Туро, Ахба-Рома, и в Польшораке: но тогда, в августе месяце, они не нашли сочувствия: матчинцы знали об исходе махрамской битвы. Через полтора месяца, после вторичного изгнания русскими из Махрама кокандского гарнизона, явились в Верхнюю Матчу вооружённые кипчаки, а с ними льялякцы от Пулат-бека и Абд ал-Гаффар-бека, уверили народ, что Автобачи везде одерживает над русскими победу, что Худжанд занят кокандцами, и тем вызвали смуту. Только что назначенного нового волостного, Мирза-Хакима, отправили в Коканд, а Календер (бывший мельник) объявил себя беком и, при содействии пришедших кокандцев насильно увлек горцев в Вешаб, рассчитывая, что самаркандские войска не придут туда»²⁸. Эти довольно искренние объяснения согласовались с найденными в Польшораке письмами Календер-бека. В этих письмах он уверял матчинцев, что Автобачи занял Худжанд, что бухарский эмир двинул в Шахрисабз войска с намерением идти на Самарканд, что мусульманство торжествует, а потому, во имя Аллаха и Магомета, призывал матчинцев к газавату. «При этом повелеваем, – так писал Календер своему помощнику Гульфат-ша, – собрать оставшихся на охоте стрелков, пригнать их в Оббурдан, а оттуда двинуться в Фальгар, где начать священную войну» с неверными: «если Пенджикентский начальник [Арандаренко] не пойдёт в горы, то мы сами направимся в Пенджикент, а оттуда и в Самарканд»²⁹.

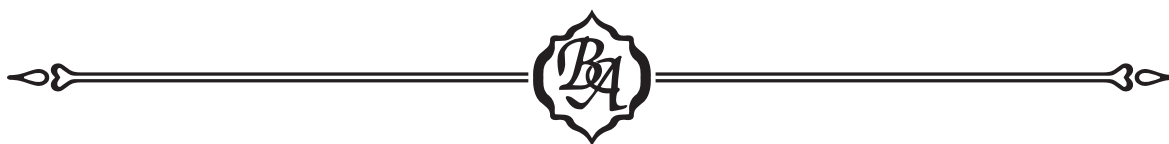
Матчинцы рассказывали, что жителю кишлака Пакшиф Календер-бек приказал сломать ногу за то, что тот отказался явиться к ним, а отца его приказано было наказать палками и прислать в отряд, навьючив ружьями и боевыми припасами. Матчинцы утверждали, что Календер-бек подобными средствами вербовал своих сторонников. Наибольшее число восставших было в ноябре 1875 года. Они были сосредоточены в двух военных лагерях – передовом Вешабском, где развеивалось символическое голубое знамя газавата, и резервном, оббурданском, с желтым бун-

чуком. Это знамя и бунчук были присланы в ноябре 1875 года Календер-беку Пулат-ханом из Коканда. Именно с этими отрядами Календер-бека сражался отряд Арандаренко с 20 по 26 ноября 1875 года у кишлака Шабатки-Боло в направлении Вешаба, и с ними 28 ноября 1875 года сражался отряд Яфимовича у кишлака Оббурдан.

Сложности движения обоза на переходе из селения Сабак в Польшорак, затруднения при переправе через Зеравшан и на подъёмах и спусках его по крутым и обледенелым берегам убедили Абрамова в невозможности двигаться основным отрядом вверх от Польшорака к Зеравшанскому леднику. В этом не было необходимости, так как все верхние кишлаки, выслав свои многочисленные депутации к отряду и повинившись перед начальством округа, дали обещание доставить оружие. Оставалось только ускорить сбор оружия, для чего, по приказанию Абрамова, Арандаренко, через четверть часа по прибытии арьергарда в Польшорак ускоренным аллюром поехал с есаулом Грековым, подпоручиком Кулчановым и с 25 казаками в кишлак Рог, расположенный в 10 км выше Польшорака, и собрал всё оружие.

До утра 22 ноября было изъято всё оружие, находившееся у горцев в поселениях, расположенных по правому берегу на истоках Зеравшана – кишлаках Ярм, Худшорт и Лян-лифт. 22 января отряд Абрамова направился из Польшорака вниз по Зеравшану, к кишлаку Мадрушкат, с полуторачасовым привалом в кишлаке Сабак. 23 января отряд ночевал в кишлаке Ривамут, пройдя по осыпям-карнизам 26 км в течение 8,5 часов.

Разведчики-джигиты, двигавшиеся между кишлаками, сообщали Абрамову, что назначенный Пулат-беком в Матчинское бекство Акбаты, сын Абд ал-Гаффар-бека, не подозревая о движениях отряда Абрамова в верхнюю Матчу, прошёл из Коканда горами по границе Ходжентского уезда. Напав с отрядом в 100 человек на селенье Аучи, он убил младшего помощника начальника уратюбинского района Мурат-бека, ранил трёх постовых джигитов и забрал лошадей. 19 января отряд Акбаты спустился с Аучи-Оббурданского перевала на поляну Дашты-Сары-пуль, тяну-

щуюся в Постигау. Захватив самаркандского джигита, ехавшего из отряда Абрамова, и узнав о продвижении русского отряда в Верхнюю Матчу, Акбата послал в Гузун 20 разведчиков для выяснения обстановки в Верхней Матче и положения Календер-бека. Получив сведения, что Календер-бек захвачен в плен, а матчинцы сдали оружие и не поддержали восстание, Акбаты убил этого джигита-самаркандца и повёл отряд чрез Аучинский перевал обратно в Коканд.

23 января 1876 года Абрамов сообщал: «Экспедиция в Матчу окончена мною совершенно благополучно, и достигнутые результаты во всех отношениях прекрасны. Своевременность движения предупредила вторжение в Матчу кокандской шайки под предводительством Акбаты, приглашённого Календер-беком. Акбата спустился к Оббурдану чрез Аучинский перевал 19-го числа, но узнав, что я перешёл уже в Матчу, повернул обратно той же дорогою. Около Мадрушката, в ночь с 19 на 20-е число, Календер-бек был захвачен, и этим я обязан единственно примерной распорядительности и энергии шт. кап. Арендаренко. Затем я прошёл в Пальдорак, а Арендаренко послал дальше. Везде заявлена полная покорность. Оружие вытребовано и выдано. Вообще порядок восстановлен вполне; несомненно, что без происков и давления извне внутреннее спокойствие в Матче нарушено не будет. Во всю экспедицию не сделано ни одного выстрела. Возвращаясь назад и настоящую депешу посылаю из Ревамата 23-го числа. Отряд переносит все трудности настоящего тяжкого, зимнего горного похода превосходно. Больных нет ни одного человека. Все чины отряда ведут себя прекрасно во всех отношениях. Особенной похвалы заслуживают гг. офицеры. Подробное донесение последует из Самарканда, куда надеюсь прибыть к 1 февраля. Генерал-майор Абрамов»³⁰. Эта депеша была опубликована 27 января в газете «Туркестанские ведомости».

Джигиты-разведчики 23 января доставили информацию, что вооружённые кипчаки из отряда Акбата могли укрыться в ущелье Гузун. Выступая 24 января с отрядом из Ривамута, Абрамов приказал Арендаренко про-

вести разведку по левому берегу Зеравшана. С этою целью одновременно с движением отряда в Оббурдан, по правому берегу, Арендаренко переправился с 10 казаками и 15 джигитами на левый берег Зеравшана, против селения Лянгер-Рогиф, и, поднявшись на высоту 3700 метров, прошёл 8 км по гребню гор Зеравшанского кряжа, а затем спустился на веревках из конского волоса (арканах) по крутой и длинной обледенелой покатости в ущелье Гузун. Пройдя 14 км, с большими затруднениями от частых переправ через покрывшуюся льдом реку Гузун, отряд Арендаренко достиг подошвы Гиссарского перевала (Ахба-Гузун), на уступах которой, недалеко от истоков реки, было расположено большое селение Гузун, числом до 160 дворов. Жители этого кишлака, не имея в течение января и февраля месяцев никакого сообщения с селениями Матчи, расположенными по берегам Зеравшана, до того были поражены неожиданностью посещения их казаками, что все бросились бежать в горы. Через некоторое время, убедившись, что русские не разрушают их кишлак, гузунцы вернулись, раскалялись об участии в мятеже Календер-бека и выдали отряду Арендаренко оружие – девять ружей, пять сабель и два батика.

26 января отряд Абрамова продолжил движение вниз по Зеравшану по горам Фальгара через Пенджикент и прибыл в Самарканд 3 февраля.

Согласно полному послужному списку, штабс-капитан Г.А. Арендаренко возглавлял отряд, состоявший в походах и делах против неприятеля – горных матчинцев – с 11 по 26 ноября 1875 года и с 10 по 28 января 1876 года³¹.

Матчинская экспедиция 1876 года продолжалась 20 дней. Ни скалистые и осыпающиеся, щебенчатые карнизы в горах Фальгара и Нижней Матчи, ни бураны при 20-градусных морозах, ни снежные сугробы и льды на последних переходах к Пальдоруку не остановили движение отряда, который «в первый путь прошёл по горам 236 вёрст без днёвок, а в обратный (до Самарканда) – 406 верст, с 3 днёвками»³².

Население Матчинских кишлаков без боя прекратило сопротивление и сдало оружие.

Вожди восставших были арестованы, в кишлаках нагорных тюменей окончательно признали русскую власть, и наступил мир.

Горная Матча, входившая в Памиро-Алайскую горную систему, в зимний период считалась недоступной. Со всеми соседними владениями крайние кишлаки Верхней Матчи имели сообщение только летом, со второй половины мая до второй половины сентября, через горные перевалы, которые были труднопроходимыми даже в это время. Зимой все перевалы были занесены снегом и становились непроходимыми даже для одиночных смельчаков-горцев. Предпринятая штабс-капитаном Арандаренко военная операция, осложнённая активными боевыми действиями горцев, занимающих главенствующие высоты, была отмечена в европейской прессе. Французский журнал «Le Mémorial diplomatique» в январском номере 1876 года поместил статью, в которой был описан этот военный поход, предпосылки и сложности его выполнения³³.

Архивные документы, относящиеся к подавлению восстания в Верхней Матче, отложились в РГВИА³⁴. Там же находится объёмное дело (394 л.), включающее рапорты, донесения и докладные записки начальников Зеравшанского округа, Наманганского отдела и командующих войсками, относящиеся к действиям по подавлению восстания в Коканде и присоединения Кокандского ханства к России.

Несмотря на такой значительный объём документов, всё, что было введено в научный оборот, было заимствовано из двух обстоятельных рассказов о подавлении восстания матчинцев, опубликованных Арандаренко в газете «Туркестанские ведомости» 20 января 1876 года³⁵ и 20 апреля 1876 года³⁶. Эти статьи, опубликованные вскоре после военных походов русских отрядов в верховья Зеравшана, были единственными свидетельствами непосредственного участника этих походов и послужили военному востоковеду и историку М.А. Терентьеву основным источником сведений об этой малоизученной странице Кокандского похода 1875-1876 годов, имевших место в нагорных тюменях Зеравшанского округа. При подготовке материала о поли-

тическом положении в Когистане Терентьев практически дословно перенёс значительные части статей Арандаренко в свою книгу об истории завоевания Средней Азии³⁷.

О поражении матчинцев в январе 1876 года и захвате Календер-бека было сказано в Приказе по войскам Туркестанского военного округа, подписанном Г.А. Колпаковским и опубликованном 17 февраля 1876 года в газете «Туркестанские ведомости»:

«После поражения матчинцев при Оббурдане, о чём объявлено в приказе по войскам округа от 5-го декабря 1875 года, за №№ 460-м и 461-м, шайки кипчаков неоднократно старались проникнуть через горные перевалы в верховьях Зеравшана и возбуждали жителей к новому восстанию; вследствие того спокойствие населения в верховьях Зеравшана было нарушено, а преданность к нашему правительству сделалась крайне сомнительна.

Чтобы положить конец такому ненормальному положению матчинского населения, начальник Зеравшанского округа, генерал-майор Абрамов, предпринял зимнюю экспедицию с незначительным отрядом: рота пехоты, одно горное орудие и 25 казаков. Появление его в Матчинской долине произвело на жителей такое потрясающее впечатление, что они изъявили немедленно полную покорность и, выдав оружие, просили пощады. Полное спокойствие и порядок между населением были восстановлены без выстрела и без кровопролития. Кроме того, в ночь с 19-го на 20-е число января, при Мадрушке, был захвачен в плен бывший предводитель матчинцев Календер-бек.

Приписывая вполне такой блистательный исход экспедиции и достигнутые ею важные результаты превосходным и вполне целесообразным распоряжениям начальника Зеравшанского округа и его ближайших сотрудников, а также непоколебимой стойкости и отличным боевым качествам наших войск, я считаю долгом объявить мою искреннюю признательность начальнику Зеравшанского округа генерал-майору Абрамову и заведующему нагорными тюменями штабс-капитану Арандаренко, энергичные действия которого, как доносил генерал-майор Абрамов, спо-

собствовали к поимке главного предводителя матчинского возмущения, Календер-бека; благодарю также всех гг. офицеров и объявляю задушевное спасибо нижним чинам, составившим зимний экспедиционный отряд, снаряжённый для усмирения Матчинского восстания.

Объявляю об этом по войскам временно вверенного мне округа.

Подписал: Временно Командующий войсками округа, генерал-лейтенант Колпаков-ский»³⁸.

По завершении подавления восстания матчинцев в 1875-1876 годах Арандаренко продолжил службу по военно-народному управлению нагорными тюменями. Этот период ознаменовался интенсивной работой по исследованию бассейна реки Зеравшан и народов, населявших его. Основой изучения края были регулярные научные экспедиции, проведение которых он совмещал с управлением коренным населением Зеравшана.

Географическая изоляция горных кишлаков сохранила проживавшее там население от смешения с другими народами Средней Азии. Традиции, быт, обычаи и язык народов Верхнего Зеравшана были такими же, как и сотни лет назад. Бывшие бекства верховьев Зеравшана привлекали внимание многих русских исследователей, первыми из которых стали офицеры военно-народного управления Туркестанского генерал-губернаторства и географы-энтузиасты, первопроходцы этого неизведанного края. О Зеравшанском округе писали П.А. Аминов, А.П. Федченко, Л.Н. Соболев, А.Д. Гребёнкин и другие исследователи. Общность работ этих первых исследователей позволила сохранить уникальные исторические сведения, повествующие о народах, населявших Верхний Зеравшан. Эти данные стали базой для будущих исследователей³⁹, изучавших этот первозданный край.

Г.А. Арандаренко составлял карты районов, изучал быт, нравы и язык местного населения, говорившего на тюркских или иранских языках и их диалектах. Генерал-губернатор К.П. Кауфман характеризировал его как человека, «известного своей даровитостью и умением обращаться с азиатами, и хо-

рошо притом знакомого с туземным языком и обычаями»⁴⁰.

С 27 по 30 августа 1876 года генерал-губернатор Кауфман инспектировал Зеравшанский округ. Это была первая, за много лет, прошедших после битвы на Зерабулакских высотах, поездка Кауфмана в Самарканд. Его программа в Самарканде была напряжённой и насыщенной – доклад начальника Зеравшанского округа А.К. Абрамова, личное представление уездных начальников, беседы с ними о состоянии дел в уездах и волостях, посещение общественных мест, тюрьмы, приёмы бухарских беков, общественный бал в городском саду и пр.

Кауфман провёл инспекцию трёх отделов Зеравшанского округа – нагорных тюменей, Катта-Курганского и Самаркандского. В благодарности А.К. Абрамову, объявленной по результатам инспекции, отмечено, что впечатление от посещения округа остаётся самое благоприятное, во всём видна заботливость начальника округа о благосостоянии жителей, знание быта и нужд населения вверенного ему района. 27 сентября 1876 года в газете «Туркестанские ведомости» был опубликован приказ генерал-губернатора Кауфмана № 213 от 3 сентября 1876 года: «После долгого времени, я ныне имел случай посетить Зеравшанский округ <...> Впечатление, вынесенное мною <...> самое благоприятное: везде видна заботливость начальствующих лиц о благоустройстве вверенных им частей, о благосостоянии жителей и об утверждении правильных отношений властей к населению <...> В настоящем приказе я ограничусь изъяснением моей искренней признательности генерал-майору Абрамову и оценкой тех из его подчинённых, труды которых обращают на себя особое внимание. По порядку, замеченному в управлениях, должно поставить выше других управляющего нагорными тюменями, штабс-капитана Арандаренко, знакомство с населением вверенного ему района, с его свойствами, бытом и нуждами – достойно подражания, а порядок и устройство всех частей управления <...> заслуживает полной похвалы»⁴¹.

В награду за храбрость, проявленную в походах и делах против кокандцев, Г.А.

Арандаренко 22 ноября 1876 года был жалован орденом Св. Владимира 4 степени с мечами и бантом⁴².

21 июля 1877 года Арандаренко был переведён на пост начальника Самаркандского отдела Зеравшанского округа. После преобразования в конце 1877 года Самаркандско-

го отдела в уезд он был назначен в чин Самаркандского уездного начальника, управляя уездом в течение последующих 12 лет, до 15 декабря 1889 года, опубликовав десятки разнообразных работ по исследованию Зеравшанской долины, вошедших в его книгу «Досуги в Туркестане», изданную в 1889 году⁴³.

Примечания

¹ Проект всеподданнейшего отчёта ген.-адъютанта К.П. фон Кауфмана I по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867 г. – 25 марта 1881 г. СПб.: Воен.-учён. ком. Гл. штаба, 1885. С. 12.

² Там же. С. 346.

³ Арандаренко Г.А. Досуги в Туркестане. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1889. С. 167.

⁴ Там же. С. 168.

⁵ Полный послужной список числящегося по армейской пехоте генерал-майора Арандаренко от 18 ноября 1904 г. // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 409. Оп. II. Д. 11779. Л. 65 об.

⁶ Карпеев И.В. Из воспоминаний генерала А.Н. Куропаткина. 1867-1882 гг. // Исторический архив. 1994, № 1. С. 191.

⁷ Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Т. 2. СПб.: Типо-лит. В.В. Комарова, 1906. С. 399.

⁸ Арандаренко Г. Малоизвестные города Зеравшанского округа Пенджагент и Ургут // Туркестанские ведомости. 1878, № 14. С. 51.

⁹ Лилиенталь Г.Г. Кухистан с северной частью Гиссарского бекства. 1887 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. XXXVI. СПб., 1888. С. 21–22.

¹⁰ Арандаренко Г. Заметка о мостах на Зеравшане // Туркестанские ведомости. 1875, № 46. С. 205–207.

¹¹ Там же. С. 206.

¹² Г.А. Возмущение в Матче и действие против неприятеля Самаркандского отряда // Туркестанские ведомости. 1876, № 3. С. 10.

¹³ Военные действия против кокандцев в 1875 и 1876 годах (по официальным донесениям) // Военный сборник. 1876, № 3. С. 64.

¹⁴ Г.А. Возмущение в Матче и действие против неприятеля Самаркандского отряда // Туркестанские ведомости. 1876, № 3. С. 10.

¹⁵ Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Т. 2. С. 404.

¹⁶ Г.А. Возмущение в Матче и действие против неприятеля Самаркандского отряда // Туркестанские ведомости. 1876, № 3. С. 10.

¹⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 13203. Л. 64.

¹⁸ Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Т. 2. С. 404.

¹⁹ А-р-о. Г. Зимняя экспедиция генерал-майора Абрамова в верховья Зеравшана // Туркестанские ведомости. 1876, № 15. С. 58.

²⁰ Ишик-агасы («стоящий у двери») – придворное звание, обозначавшее главного дворецкого, надзиравшего за дворцовым церемониалом и назначавшего дворцовый караул.

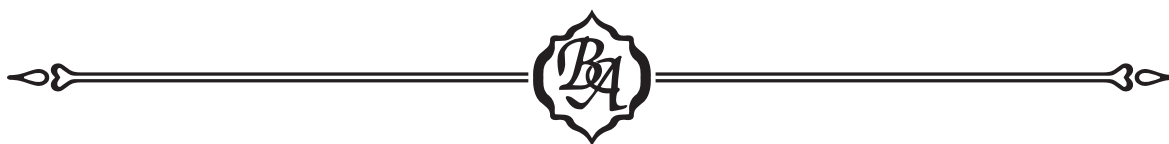
²¹ Худгиф считался пешим перевалом, был чрезвычайно труден для перехода и опасен даже в летние месяцы, а зимой по нему не было сообщения // Записки Императорского Русского Географического Общества. 1874. Отд. статист., IV. С. 191.

²² А-р-о. Г. Зимняя экспедиция генерал-майора Абрамова в верховья Зеравшана // Туркестанские ведомости. 1876, № 15. С. 58.

²³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 13203. Л. 63.

²⁴ Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. Т. 2. С. 404.

²⁵ Хаким-мирахур, уроженец Урмитана, в 1866 году набегом матчинцев лишился всего имущества на 200 руб., 8 месяцев содержался в плену в Пальдорак, где хорошо узнал всех влиятельных горцев, а Календера, проживавшего с 1866 по 1868 г. в Урметане, в качестве сипая бека Сеит-ходжа-Урака, знал даже по голосу. В 1872 г. Хаким-мирахур с двумя джигитами вызвался захватить Почта-ходжа-бека, возмущавшего горцев, и смелой поездкой в Пальдорак исполнил поручение.

²⁶ *А-р-о. Г. Зимняя экспедиция генерал-майора Абрамова в верховья Зеравшана // Туркестанские ведомости. 1876, № 15. С. 59.*

²⁷ Там же. С. 58.

²⁸ Там же. С. 58.

²⁹ Там же.

³⁰ Туркестанские ведомости. 1876, № 4. С. 14.

³¹ РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 11779. Л. 73об.

³² *Бржезицкий И.А.* Самаркандский уезд: статистический обзор: главы 1-я и 16-я со схемой Зеравшанского ледника и двумя планами. Самарканд: Типо-лит. т-ва Б. Газаров и К. Слиянов. 1911. С. 25–26.

³³ *Le Mémorial diplomatique: journal international, politique, littéraire et financier / rédacteur gérant Jean-Baptiste Desplaces. Paris, 1876. P. 4–5.*

³⁴ Рапорты и записка начальника Зеравшанского округа о военной экспедиции в Матчу // РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 98.

³⁵ *А-р-о. Г. Зимняя экспедиция генерал-майора Абрамова в верховья Зеравшана // Туркестанские ведомости. 1876, № 15. С. 58–59.*

³⁶ *Г.А. Возмущение в Матче и действие против неприятеля Самаркандского отряда // Туркестанские ведомости. 1876, № 3. С. 10–11.*

³⁷ *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. 2. С. 399–405.

³⁸ Приказ № 50 от 2 февраля 1876 г., по войскам Туркестанского военного округа, г. Ташкент // Туркестанские ведомости. 1876, № 7 (17 февраля). С. 25.

³⁹ *Дынин В.В.* Очерк быта горцев верховьев Зеравшана // Известия Туркестанского отдела ИРГО. Ташкент, 1914. Т. X. Вып. 1. С. 37–124.

⁴⁰ Архив внешней политики Российской империи. Ф. I-9. Оп. 8. Д. 1880-13. Л. 1–3.

⁴¹ Г. Самарканд, 30 августа – (11 сентября) 1876 г. // Туркестанские ведомости. 1876, № 38. С. 145.

⁴² РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 11779. Л. 65об.

⁴³ *Арандаренко Г.А.* Досуги в Туркестане. 1874–1889. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1889.

АРАБЫ-ХРИСТИАНЕ ИЕРУСАЛИМСКОГО ПАТРИАРХАТА В ИЗОБРАЖЕНИИ АРХИВНОГО ДОКУМЕНТА ИЗ ФОНДОВ АРХИВА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Общая характеристика документов

В работе рассматриваются два документа из Архива внешней политики Российской империи, сохранившиеся благодаря инициативе П.И. Ряжского, переславшего их после перевода на русский язык в Совет Императорского Православного Палестинского общества¹. Эти послания были адресованы Главе специальной комиссии, прибывшей в Палестину из Константинополя для разрешения накопившихся проблем христианских подданных Османской империи².

Первый из них является воспроизведением текста, опубликованного в газете «Ар-Ракиб» в номере от 12 февраля 1909 года. Русский перевод этого текста, помещённый в письме П.И. Ряжского в Совет Общества, принадлежит патриарху Дамиану. Патриарх выражает полную лояльность новой власти и жалуется на притеснения со стороны святогробцев.

Отдельным приложением к письму П.И. Ряжский размещает текст, который характеризует как докладную записку от депутации православных общин ряда городов Палестины. Докладная записка была адресована в уже упомянутую Комиссию. Перевод на русский язык осуществлён опять же П.И. Ряжским при содействии А.Д. Баляяна, никак не охарактеризованного в документе. Вероятно, речь идёт о помощнике П.И. Ряжского. Некоторые особенности языка текста позволяют уверенно говорить, что А.Д. Баляян идентифицировал себя самого в качестве подданного Османской империи.

Особо хотелось бы отметить, что мы знаем лишь имена переводчиков текста на русский, но не знаем имени автора, записавшего этот текст на турецком (османском) языке.

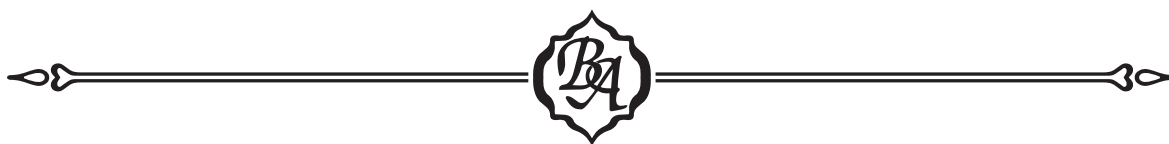
Текст докладной записки разбит на небольшие параграфы в соответствии с тем, какие именно проблемы волновали автора. Прежде всего это различные проблемы паствы патриархата в связи со сложностями взаимоотношений рядовых жителей и братства Хранителей Святого Гроба (святогробцев).

Автор докладной записки подробно пишет о монахах (Святогробцах) и религии, о монахах и вакуфных имуществах, о монахах и конституции, об угнетении народа монахами. По убеждению автора, все сложности в жизни бедных людей, живущих на территории, находящейся под влиянием Иерусалимского патриархата, вызваны святогробцами и их воздействием на жизнь обычных людей: монахи так или иначе контролировали землю рядовых членов общины и их собственность.

Вторая часть письма является ценным источником по истории волнений в Иерусалиме в 1909-1910 годах. Сообщаемые автором письма сведения уникальны, ибо другого описания событий волнений в Иерусалиме не существует.

Об А.Д. Баляяне можно сказать немного. Речь идёт об образованном человеке с хорошим кругозором. Он – христианин, отождествляющий самого себя с османской нацией – населением Османской империи, осознавшим своё политическое единство, без различия национальностей и конфессиональных особенностей. Все люди вокруг него – арабы, греки, евреи – воспринимались А.Д. Баляяном как люди, обретшие новое качественное состояние.

Объединение в одну общность дало автору перевода осознание собственной связи с

другими людьми, чувство единения в один гражданский коллектив – коллектив граждан. Осознание самого себя как части большого гражданского коллектива было для этих людей большой ценностью, ибо открывало, как им казалось в тот момент, новые возможности для решения всех проблем. В этом убеждают многие фразы рассматриваемого ниже документа.

Приводимая ниже докладная записка представляет несомненный интерес, ибо документ иллюстрирует одну важную историческую закономерность. В некоторых случаях идея, овладевавшая мыслями большого количества людей, становится реальной силой. Вариант решения проблем внутренней жизни арабов-христиан на территории Иерусалимского патриархата возник не без воздействия на население Османской империи свобод, провозглашённых в Конституции 1908 года.

Арабо-греческий этноконфессиональный конфликт

Период 1909-1910 годов в Палестине стал завершающим эпизодом многолетнего этноконфессионального конфликта греков и арабов на территории Иерусалимского патриархата. Греки занимали все руководящие посты в Иерусалимском патриархате, тогда как основу паствы составляли арабы-христиане³. В годы перед Первой мировой войной это создавало неизбежный этноконфессиональный конфликт.

Требования арабов-христиан были весьма умеренными – иметь возможность молиться вместе с греками и совершать любые культовые действия с греками. Тем не менее, эти требования были сочтены чрезмерными, и конфликт стал нарастать. Святогробцы добились отстранения от должности патриарха Дамиана. Конфликт стал международным – о событиях в Иерусалиме в 1909–1911 гг. написано много донесений⁴.

Благодаря вмешательству арабской паствы и после начала работы специальной комиссии патриарху Дамиану вернули пост, и удалось заключить своего рода соглашение о примирении между патриархом и его паствой. Именно к этому периоду относятся

архивные документы, отражающие события в Иерусалиме в 1909-1910 годах. Первым из них является письмо в комиссию по решению проблем православного населения.

Письмо полно удивительного оптимизма и уверенности, что впереди лежит исключительно счастливое будущее, ибо по конституции Османской империи все населявшие её народы объявлялись братьями, и в этом отношении более не было разницы между арабом, греком, евреем или мусульманином.

Это ощущение наступления новой жизни и исторического оптимизма побудило автора письма подробно расписать все проблемы внутренней жизни арабов-христиан в надежде, что вот теперь, в ходе заседания специальной комиссии можно будет успешно разрешить эти проблемы, копившиеся десятилетиями.

Судя по тексту докладной записки, беспокойство прежде всего вызывала напряжённость во взаимоотношениях рядовых членов православной общины и хранителей Святого Гроба⁵.

Для автора письма все святогробцы – источник угнетения рядовых членов общины во всех формах⁶. Святогробцы контролировали земельные владения рядовых членов общин. Главное – в понимании арабов-христиан – они ограничивали их свободу в делах культа.

По отдельным фразам письма чувствуется, что между рядовыми членами православной общины и святогробцами могли проходить более или менее жаркие дискуссии по культовым вопросам; монахи, судя по всему, регулярно вели агитацию среди рядовых членов общины. Противостояние, судя по всему, было двусторонним. По словам автора письма, те, кто не был согласен с взглядами святогробцев на жизнь Иерусалимского патриархата, были вынуждены неоднократно публично объяснять нелепость обвинений в связях с какими-либо иностранными организациями.

Завершающие абзацы Докладной записки содержат целую серию принципиально важных выводов, позволяющих понять взгляды автора докладной записки и арабов-христи-

ан в целом. Прежде всего, автор называет причины движения, описываемого в тексте письма. Это деспотизм святогробцев и провозглашение конституции 1908 года. Она предоставила всем народам право пользоваться содействием конституционного правительства. Сама возможность такого права действовала вдохновляюще на рядовых членов православной общины.

Автор Докладной записки понимал, что требования арабов-христиан о равноправии в духовной сфере воспринимались далеко не всеми из-за господствующего в обществе представления, что конституция не может проникнуть в монастырь.

Для того чтобы в такой ситуации достичь поставленной цели, паства Дамиана придала своим запросам общественный характер. Все жалобы были вынесены на суд свободных граждан нации и на суд общественного мнения. Автор письма имеет в виду специальную комиссию очень высокого ранга для решения всех проблем христианского населения Османской империи.

Автор докладной записки надеется на то, что они, арабы-христиане, – такая же часть османского народа, как и все остальные жители государства, и поэтому у них есть надежда на осуществление в духовной сфере свободы, проникшей в гражданские отношения.

Одна из заключительных фраз документа содержит важную информацию о полномочиях комиссии, которая должна была рассматривать эти документы. «Будьте справедливы к нам, Вы, Ваше превосходительство, и вы, имеющие свободное сознание, и ты, свободный народ, и ты, общественное мнение, и все обитающие в этом счастливом государстве».

Иными словами, докладная записка свидетельствует о больших надеждах, возлагавшихся на решения комиссии в пользу арабов-христиан, особенно в связи со сплочённостью местного населения, вдохновившегося принятием новой конституции Османской империи. У автора письма имеется вполне определённая политическая программа. Он очень надеется на то, что рассмотре-

ние вопроса на уровне общеимперской комиссии приведёт, наконец, к решению всех спорных моментов, касающихся положения арабов-христиан в Иерусалимском патриархате⁷.

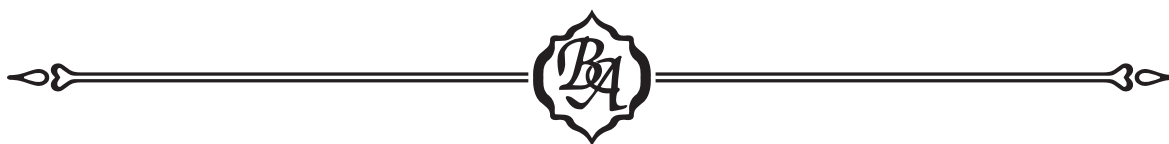
Основной пафос Докладной записки в том, что только сейчас, после введения конституции 11 июля 1908 года, жизнь простого православного араба становится нормальной ввиду того, что Конституция очень сильно изменила жизнь рядового небогатого местного жителя.

Рассматриваемый ниже документ привлекает внимание также развёрнутой политической программой, которая затем в целом была практически выполнена.

Автор Докладной записки подробно пишет о необходимости учреждения и упрочения органов местного самоуправления. Речь идёт о необходимости создания постоянного смешанного совета в Иерусалиме, во главе которого стоит патриарх, одна треть членов – из клира, а две трети из мирян, османских подданных, избираемых от Иерусалима и прочих епархий Иерусалимского патриархата. Обязанности Совета должны были складываться, по представлению автора обращения, из заботы о школах, церквях, вакуфных имуществах, правильного учёта всех доходов и расходов.

Этот совет должен был рассматривать все церковно-административные дела патриархата, что принесло бы пользу всем епархиям. Кроме того, вопросы принятия в монашество всякого достойного человека из патриархата, возведения на все степени священства наравне с прочими монахами и непринятия кого бы то ни было в монашество не должны были рассматриваться без согласия на это общинного совета.

Автор Докладной записки выступал также за пересмотр устава Иерусалимского патриархата, составленного при старом режиме, и составление нового устава, за установление полного равноправия, без предоставления каких-либо привилегий христианам одной какой-либо национальности в ущерб другой из православных османов.

Письмо Совету Общества от 12 февраля
1909 года
и приложение к нему

[Л. 55] ИМПЕРАТОРСКОЕ
Православное Палестинское Общество
ИНСПЕКТОР
ГАЛИЛЕЙСКИХ УЧЕБНЫХ
ЗАВЕДЕНИЙ

12 февраля 1909 г.

№ 31.

Назарет.

Совету Императорского Православного
Палестинского Общества

В сегодняшних газетах, полученных в Назарете, сообщаются следующие известия из Иерусалима. В газете «Ар-Ракиб» опубликовано письмо патриарха Дамиана к членам Константинопольской следственной комиссии под председательством Назим-паши. Привожу его в переводе: «Ваши Высокопревосходительства. Уверенные в том, что Высокая Порта, всегда высоко уважавшая права иерусалимской церкви, не перестаёт и теперь признавать нас Иерусалимским патриархом, несмотря на все незаконные средства, которые пустило в ход не признающее нас святогробское братство, покорнейше просим вас соблагovolить оказать нам своё содействие как в деле охранения наших патриарших прав, так и в деле поддержания церковного и гражданского порядка для обеспечения правильных и добрых взаимных отношений нашей паствы и вышеупомянутого братства. Некоторые епископы проживают в Иерусалиме с нашего разрешения, [Л. 55об.] другие же епископы явились сюда без предварительного на сие согласия нашего, посягают на наши патриаршие права и нарушают этим церковные правила, утвержденные высочайшими султанскими фирманами и бератами⁸; посему мы покорнейше просим Высокую Парту оказать нам своё содействие для пред-

упреждения подобного посягательства, дабы впредь никакое церковное дело не совершалось епископами, находящимися под нашею властью, без предварительного на то разрешения нашего. Вместе с сим мы покорнейше просим Ваше Превосходительство удалить из Иерусалима двух архимандритов – Мелетия Метаксаки⁹ и Хрисостома Пападопуло, так как они учиняют беспорядок и волнения в пастве нашей и в церкви иерусалимской». Первая часть этого письма имеет в виду, очевидно, Назаретского митрополита Феофана и Птолемаидского (Акрского) Никандра, уехавших из своих епархий ввиду народного волнения с согласия синода, но, конечно, без разрешения Блаженнейшего Дамиана, признанного ими законно низложенным. Вторая половина объясняет причину высылки Архимандритов Мелетия Метаксаки, первого секретаря патриархии, и Хрисостома Пападопуло, схоларха Крестной школы¹⁰. Святогробцы пытались замаскировать эту высылку, приславши в Назарет и, вероятно, др[угие] города телеграмму на арабском языке (секретные посылаются на греческом) с извещением о командировке Мелетия и Хрисостома в Константинополь по делам братства. В ответ на это арабы опубликовали вышеприведённое письмо патриарха Дамиана к комиссии, по распоряжению которой оба архимандрита были высланы из Иерусалима.

В той же газете сообщают, что в субботу, 31 января, Его Блаженство патриарх Дамиан потребовал от скевофилакса¹¹ Гроба Господня архимандрита Евфимия, чтобы тот приготовил в храме Воскресения всё необходимое для патриаршего служения вечерни по обычаю. Скевофилакс отказался исполнить это требование. Патриарх принёс жалобу следственной комиссии. Члены комиссии ответили, что они готовы прислать ему для охраны нужное число солдат, но не могут вмешиваться в чисто церковные дела. Народ, узнав об этом, пришёл в сильное волнение, стал устраивать демонстрации и собрался у дверей [Л. 56об.] храма Воскресения, чтобы силой воспрепятствовать членам Святогробского братства отслужить вечерню вместо патриарха. Святогробцы, напуганные угрозами толпы, не решились спуститься в храм из

внутренних помещений, и службы совсем не было. В воскресенье, 1го февраля, один из митрополитов Святогробцев рано утром до зари спустился в храм Воскресения и отслужил литургию. Несмотря на раннее время, во время службы солдаты охраняли улицы и проходы, ведущие в храм Воскресения, чтобы не допустить к литургии православных арабов и предупредить беспорядки в самом храме. Тем не менее, без них дело не обошлось. Собравшаяся молодежь побила архимандрита Евфимия при возвращении его в монастырь, а монахи стали бросать в них камнями с крыши монастыря и одного ранили. Целый день опять продолжались враждебные демонстрации против монахов, опасались кровопролития, но, по счастью, дело обошлось без него. По вопросу о патриархе местные власти обещали дать окончательный ответ в следующую среду.

В Вифлееме в то же воскресенье произошли беспорядки в храме из-за того, что священник, служивший литургию, стал поминать за службой не патриарха Дамиана, а священный [Л. 57] синод. Ему нанесли оскорбление в самом храме. Но, очевидно, и в Вифлееме усилилась среди арабов греческая партия, так как за священника вступилась одна часть присутствовавших за литургией, и между обеими партиями произошёл раздор в самом храме; последствия его могли бы быть очень неприятными, если бы власти и солдаты не вмешались в эту распрю и не удалили зачинщиков ссоры.

Сегодня получена телеграмма от Назаретского митрополита Феофана о том, что ранее избранный синодом каймакам патриаршего престола архиепископ Мелетий скончался от паралича сердца и что он, м[итрополит] Феофан, вместо почившего избран в заседании священного синода местоблюстителем патриаршего престола.

При сём имею честь препроводить Совету Общества сделанный мной при любезном содействии и помощи А.Д. Баляна русский перевод докладной записки, поданной прибывшими в Иерусалим депутациями православных общин разных городов Палестины следственной комиссии, приехавшей из Константинополя по поручению правитель-

ства. [Л. 57об.] Доклад депутатий напечатан в Иерусалиме в виде отдельной брошюры и теперь всюду рассылается с агитационными целями. Этот документ представит бесспорный интерес для будущего историка арабского движения в Иерусалимском патриархате и не будет безынтересен для Совета Общества в настоящее время, так он, во-1^ю, освещает вопрос с арабской точки зрения достаточно полно при относительной краткости изложения, во-2^ю, содержит в себе очень ценные указания относительно того образа действий, которого следует придерживаться нашему Обществу в конфликте между арабами и Святогробским братством. Несмотря на обещание в начале доклада быть умеренными и избегать враждебного тона, авторы доклада написали его пером нескрываемой вражды к Святогробцам, и изложение не везде отличается объективностью, беспристрастием и даже правдивостью. Но при настоящих условиях нельзя и ожидать от арабов такого беспристрастия; во всяком случае, доклад достаточно выпукло представляет настоящее положение дел и точку зрения арабов, хотя мог бы быть написан убедительнее, основательнее и с большею деловитостью. Интересен он и для характеристики «конституционных» стремлений и настроений арабского общества и ново- [Л. 58] рождённого христианско-оттоманского патриотизма, о котором все заговорили и доселе не перестают говорить со дня объявления турецкой конституции. Характерно и значительно умолчание депутатий о нашем Обществе и наших школах, больницах. Это потому, что мы ахиллесова пята арабов в их споре с греками; отречься от нас стыдно и невыгодно, а заговорить – щекотливо и даже опасно; поэтому докладчики сделали только одно довольно общее и глухое упоминание о русском иерусалимском консульстве, не выделяя его из ряда других европейских консульств в Иерусалиме. Зато, без сомнения, много о нас говорят в Иерусалиме Святогробцы, как арабы о греческом консульстве и греческих монахах, докторам и учителях.

Перевод сделан очень спешно, поэтому прошу извинить стилистические недостатки и каллиграфические.

Инспектор П. Рязский

[Л. 59] Доклад, поданный депутацией православного населения Палестины находящейся в Иерусалиме следственной комиссии, присланной Высокой Портой

Ваше Превосходительство¹².

Взывает к Вашему Превосходительству и ко всей оттоманской нации своим слабым голосом, голосом народа, униженного деспотизмом и не воспользовавшегося ещё свободой народа, который считался и будет считаться частью оттоманской нации, как бы ни гордились над ним его враги. На Вас, свободолюбивые и добросовестные люди¹³, этот народ надеется и к справедливости оттоманов обращается с своей жалобой. Считаем своим долгом прежде всего описать Вашему Превосходительству положение православной паствы и её монашества до этого движения, дабы вы знали причины, которые побудили нас к этому движению. Мы будем весьма умеренны, будем избегать враждебного тона в своём докладе, будем писать только то, что нам достоверно [Л. 59об.] известно и что подтвердят Вам все жители Палестины без различия веры и национальности¹⁴.

Монахи Святого Гроба¹⁵

Это толпа греков, эмигрировавшая в нашу страну, прикрывающая чёрным одеянием или преступления, совершённые на их родине, или бедность, в к(ото)рой они жили долгое время, или надежду на приятную жизнь здесь. Бог свидетель, что мы не знаем больше 5 или 6 из проживающих в Иерусалиме монахов, которые облачились в это чёрное одеяние лишь ради иночества и отречения от мира. Монашество, в первые века христианства бывшее украшением и гордостью религии, как об этом говорится и в Коране, стало теперь позором православия и камнем преткновения для православных¹⁶. Причины такого превращения следующие: снисходительное отношение к ним прежнего правительства при старом режиме; оно открыло двери монастыря людям испорченным, чуждым оттоманства; многие из них были раньше грабителями на больших дорогах и приняли монашество ради спокойного [Л. 60] житья, вкусного стола, большого бо-

гатства и почёта от людей. Они говорят, что изменили свой прежний образ жизни и вернулись ко Христу, но Христос их не примет; во-2-х, большие доходы от святых мест, а деньги – начало всякого зла; какой юноша не пожелает вступить в иерусалимское монашеское братство, раз он может вкусно есть и пить, роскошно одеваться и чрез несколько лет приобрести в своё распоряжение тысячи золотых? Кто из людей, имея возможность жить такой жизнью, не прибегнет ко всяким средствам, лишь бы остаться в нём, мешать другим принять его и ограничить его своим кругом лиц? Вот чем объясняются неприличные выражения, часто встречающиеся на страницах их газет по адресу местных православных, как то: «злые собаки», «пустые барабаны», «негодяи»; вот чем объясняются правила и постановления, изданные ими для нашего унижения и запрещающие всякому из нас вступать в монашество. Они признают себя, как говорит газета Γσϋδρυς¹⁷, стражами Св. мест, поставленными греческой нацией, которая одна охраняла веру истинную, а своё монашество учреждением национальным, а не религиозным. Поэтому они не принимают в лоно этого монашества того, кто не присягнёт на верность греческой нации и греческому [Л. 60об.] королевству. Они признают теперь своего патриарха изменником нации, которого нельзя оставить на месте даже в том случае, если бы он был самым благочестивым человеком. Вот что говорят их газеты и вот чем объясняется их заговор против законного патриарха Дамияна.

Монахи и религия

Кто знаком с уставами монашества без различия вероисповеданий, знает, несомненно, то, что монашество полагает в основу жизни три добродетели: целомудрие, нищету и послушание. Всякий, носящий монашескую одежду, даёт обет следовать этим трём добродетелям. Но мы не знаем, какой обет дают греческие монахи Святого гробского братства. Обет целомудрия? Но мы не видим, чтобы они следовали по этому пути. Мы даже не считаем нужным входить в подробное изложение этого вопроса,

и наше перо не унижится до описания такой грязи. Быть может, они дают обет нищеты? Но возможно ли это, когда они составляют центр деятельности палестинских банков, когда они обладают огромными дворцами, роскошно меблированными, когда каждый из них является маленьким царьком, [Л. 61] нахватавшим денег из расхищаемого ими монастыря, в то время как этот монастырь стонет под бременем долгов... Быть может, они дают обет послушания? Но они являются послушниками распоряжений правительства и их законного патриарха. Кроме того, монахи не сведущи в делах религии и в этом отношении ничем не отличаются от простых мирян. Их мнимый местоблюститель не умеет читать, не говоря уже о науках, в которых он полный невежда. Всё это зависит от их увлечения торговлей, барышами и изысканием средств для наживы.

Монахи и вакуфные имущества¹⁸

Купец не придумает тех средств, которые употребляют для наживы монахи. Сам диавол от них отказался бы. Желаящий ознакомиться с этим пусть наведёт справки в их типографии, где печатаются миллионы разрешительных листков, запрещённых нашей религией. Почтовое ведомство может удостоверить, сколько тысяч золотых оно доставляет им вместо этих листков, рассылаемых простодушным паломникам от имени палестинских святынь. Эти деньги идут в карманы их родственников и фаворитов (геронтисс). Что ка- [Л. 61об.] сается тех средств, к которым прибегают монахи для обирания паломников и друг друга, то всякий может познакомиться с ними в Иерусалиме и монастырях во время паломнического сезона. Из разговора с столярами и торговцами свечами и проч. паломническими товарами легко узнать, как хвастаются сами монахи воровскими способами обирания поклонников. Было бы хорошо, если бы эти деньги расходовались законным порядком, на самом же деле их тратят на такие дела, которые бросают человека в дрожь. Не думайте, Ваше Превосходительство, что мы преувеличиваем; спросите их соотечественников, либеральных греков, — они этого отрицать не станут.

Монахи и конституция

Ничьё сердце не радовалось так сильно объявлению конституции, как сердце православного народа. Ничьё сердце не было так стеснено, подавлено 11 июля 1908 года, как сердца монахов Святогробского братства. Они заранее предвидели ожидавшие их неприятности и поняли, что основные законы поколеблют их престол и станут преградой для их своекорыстных видов. Конституция обязывает епископа знать арабский, греческий и немного — турецкий язык. Они же по-арабски знают лишь несколько бранных [Л. 62] слов, с которыми обращаются к туземцам. Конституция обязывает епископа жить в городе, которым он избран. Они же не любят расставаться с источником их богатства и довольства — Иерусалимом. По духу конституции, обязанности владык чисто религиозные, они же не бросают занятий торговлей и мирскими делами. Конституция требует, чтобы все епископы, архимандриты и прочие Святогробцы родились оттоманскими подданными, они же или эмигранты, принявшие оттоманское подданство для достижения дурных целей, как то было с избранным недавно митрополитом акрским, получившим свидетельство об оттоманском подданстве в самый день избрания, или же греки, ещё не зарегистрированные в числе оттоманских подданных.

Православная паства

Это — простой народ, который недавно имел недвижимые имущества; заметив со стороны монахов некоторое расположение, а с другой стороны побуждаемый угрозами и притеснениями, он стал под покровительство монахов и передал на их имя свои имущества, а большинство записало свои имущества за монастырем с условием жить в этих домах с детьми, внуками и правнуками. Монастырь стал убеждать то одно семейство, то другое покинуть их жилище, нанимал для них другие помещения, многие из этих домов обратил в школы, [Л. 62об.] в большие монастыри, в гостиницы, в больницы, и лишь немногие из этих домов остались в прежнем виде за некоторыми семействами. Теперь же монастырь заявляет, что эти имущества принадлежат ему, что он купил их на свои средства, и не признаёт за народом права на них.

Угнетение народа монахами

Монахи не ограничились нарушением правил нашей веры, обиранием народного имущества, запрещением поступать на службу оттоманской патриархии не-грекам; они стремятся ещё унижить народ, стать на дороге к его нравственному усовершенствованию, оставляя его во тьме невежества. Это – самое тяжёлое иго, под которым мы находились. Их начальные школы в больших городах не могут выучить хорошо читать и писать, в сёлах же школы существуют лишь по имени (на бумаге) и в самом жалком положении. Кто в этом сомневается, тот пусть посетит школы. Из школ высшего типа у них только одна Яффская школа, но она только на словах высока, на деле же ученики низшей протестантской или латинской школы знают больше преподавателей этой высокой школы. Крестная богословская школа принимает только греков, из местных туземцев в ней учится только один ученик, да и того гонят каждый год, но он отказывается уходить, пока не кончит богословского курса¹⁹. Чтобы [Л. 63] отбить охоту у наших детей поступать в эту школу, они установили правило, по которому поступающие сюда туземцы не оканчивают здесь курса наук, что составляет привилегию монахов. К этому они присоединили ещё более строгое постановление, отменив преподавание арабского языка, языка наших отцов и дедов. Не говорим об обидах и оскорблениях, наносимых поступающим в эту школу туземцам. Мы готовы представить десятки детей, которым было дозволено слушать уроки, но запрещено сдавать экзамены ввиду их арабского происхождения. Вследствие этого большинство православных детей обучаются в английских и французских школах. Все образованные юноши среди православных обучались у иностранцев. Братство учредило в Иерусалиме больницу. Но все доктора, фельдшера и сёстры милосердия – греки, хотя больные не понимают их языка, так как здесь все арабы, греков же – немного, по большей части недавно переселившиеся сюда торговцы вином. Госпиталь находится в полном запущении, доктор пишет рецепт раньше, чем больной расскажет о своей болезни, и прежде исследования его. Мы знаем одного

поступившего в больницу, которого доктор осмотрел лишь через 5 дней, знаем другого, прожившего в больнице два месяца и пользовавшегося лечением только простой сиделки и т. д. Над такими порядками можно и плакать, и смеяться в одно время. Правда, монахи заботятся о церквях, но это заботы пастуха о дойной корове. Церкви, о которых они заботятся, – это те только, которые дают большой доход, сельские же церкви оставлены без всякого внимания. Для примера возьмем село Фахис, близ Салта; церковь в этом селе [Л. 63об.] разрушилась 27 лет тому назад, все жители православные, молятся в ясные дни под открытым небом, а зимою – в школе. От частого хождения в Иерусалим с просьбами о возобновлении храма избили все ноги, но всё напрасно. То же самое можно сказать и о селении Му'айн, близ Мадаба, где до сих пор нет церкви. Угнетая паству, монахи угнетают и местных священников, – даже известных всем своим благочестием и верою. В то время как монахи расхищают вакуфные имущества и собирают в своих шкафах тысячи золотых, местные священники за свой тяжелый труд получают лишь небольшой оклад в 200 пиастров в Иерусалиме и 100 пиастров в селах. Многие священники в небольших приходах вынуждены ради насущного хлеба работать в виноградниках, пахать землю. Свой оклад они получают лишь после усиленных просьб и никаких повышений в священной иерархии не получают, хотя бы умом и сердцем они были и выше греков. Единственная причина этого – национализм и деспотизм греков. Этот национальный деспотизм простирается и на Антиохийский патриархат, главу которого, законно избранного, они ещё и доселе не признали. Тем более деспотичны они здесь, являясь хозяевами положения. Мы изложили вам в общих чертах положение монахов и православной паствы. Позвольте теперь нам перейти к вопросу о нашем движении и поводах к нему.

[Л. 64] Причины движения

Следующие две причины послужили поводом к великому движению нашему: 1. иго, под которым стонут туземцы, т. е. деспотизм Святогробцев, о котором упомянуто выше;

во-2-х, объявление конституции и основных законов, предоставляющих оттоманским подданным право пользоваться содействием конституционного правительства для освобождения от этого ига. Бог свидетель в том, что мы других причин этого движения не знаем. Говорим это, чтобы опровергнуть инсинуации, будто иностранная рука толкает нас. Все мусульмане, христиане и евреи, живущие с нами, могут засвидетельствовать, что мы не имеем сношений ни с кем из иностранцев, не получили ни одной пара от кого-либо, кроме местных православных. В нашем прошлом нет ни одного факта, опроверчивающего наш оттоманский патриотизм. Прочтите наши требования, и вы убедитесь, есть ли в них хотя малейший (запах) след²⁰ иностранного вмешательства. Бог свидетель в том, что мы – люди, верные оттоманству, и будем оберегать его до последнего издыхания; именно оттоманские чувства укрепляют нас и дают нам смелость восстать против этих пришельцев. Если одна из сторон и прибегает к иностранному вмешательству, то не мы, а они именно являются таковой стороной, что можно подтвердить следующими доказательствами:

1. Многие из них до сих пор ещё не зарегистрированы в число оттоманских подданных и продолжают быть греческими подданными.

2. Они отправили телеграмму греческому правительству с просьбой о содействии. Они же поддерживали [Л. 64об.] греков и деньгами, и людьми во время греко-турецкой войны. Оттоманские офицеры, проживающие в Иерусалиме, видели многих из этих монахов на поле сражения.

3. Греческий консул вмешивался официально в патриарший вопрос, а теперь уехал в Афины для устного доклада об этом движении.

4. Многочисленные депутации от монахов ходили и ходят ежедневно к русскому и другим консулам с просьбами об их вмешательстве, что подтверждается обнародованным в газетах письмом мнимого местоблюстителя патриаршего престола.

5. Они вызвали много критян и др. греков, вооружили их для защиты монастыря и избивания местных туземцев.

6. Их чисто греческие газеты вопреки справедливости всячески оскорбляют нас. В одной из этих газет издатель обращается к греческой нации с такими словами: «Вы должны знать, что всякая чёрная ряса в греческом иерусалимском монастыре не что иное, как бело-синее греческое знамя...»

История движения

Мы можем лишь немного сказать об истории этого движения, чтобы осветить вопрос хотя бы слабым светом. Подробное описание заняло бы целую книгу.

По объявлении конституции паства, по особому приглашению, собралась в церкви Св. Иакова. По окончании богослужения некоторые из присутствовавших произнесли пламенные речи на тему о деспотизме монахов, об их дурном обращении с нами и вообще об их жизни, призывая всех подняться и сбросить с себя их иго. Обсудив вопрос, присутствовавшие решили собраться в гостинице Амдорски в следующее воскресенье, 17 августа 1908 года, и избрать несколько человек представителей паствы. [Л. 65] В назначенное время они собрались и избрали сорок человек. На первом заседании все эти сорок человек назвали своё собрание общим советом (мажлис милли), опираясь на ст. 111 основных законов. Были приняты меры для скрепления уз любви среди православных и соединения всех в одно сердце и в одни уста. Чрез несколько заседаний общинный совет решил написать заявление, скреплённое подписью всех домохозяев, и подать Его Блаженству патриарху. Сущность этого заявления – учреждение общинного совета, с возложением на него обязанности требовать прав общины. Патриарх отказался принять заявление, находя его неясным. После больших усилий с нашей стороны он назначил комиссию, состоящую из архимандритов Мелетия Метаксаки, Иосифа и Евдора, для совместного обсуждения наших требований. После продолжительных заседаний с ними и переговоров с монастырём, длившихся 2½ месяца, мы получили в ответ, что мы не имеем ни одного из заявленных прав, что всё, что ими делается для нас, есть милостыня, что они вольны расходовать деньги вакфа,

как им угодно, а мы не имеем никакого права требовать от них отчёта. Получив такой ответ, паства взволновалась, прервала сношения с монахами, закрыла церкви в надежде, что это волнение пройдёт и страсти улягутся. Затем было подано мутесаррифу второе заявление. Паства начала посылать жалобы, протесты и телеграммы в высшие инстанции. Упорство же монахов, их деспотизм и угнетение народа увеличивалось со дня на день. Узнав о нашем движении от посланных нами депутатов, другие епархии патриархата [Л. 65об.] явились к нам на помощь, защищая свои и наши интересы. С своей стороны, и монахи посылали депутации, чтобы противодействовать нам и посеять семена раздора среди нас, но успеха они не имели. Ревность и единодушие православных увеличивались со дня на день. Наши братья, местные мусульмане и все свободомыслящие люди оказывали содействие нашему предприятию. Мутесарриф же, свободомыслием, беспристрастием и верностью оттоманству которого мы гордимся, принял меры к улажению этого вопроса с целью добиться некоторых прав для местных туземцев. Он получил заключение от местного губернского правления (мажлис-идара), которому г. министр внутренних дел поручил расследовать наше дело, заключение о том, что местная паства имеет право на учреждение общинного совета (мажлис-милли). С этим заключением г. мутесарриф²¹ явился к Его Блаженству патриарху и получил от него устное согласие на это заключение. Узнав об этом, монахи пришли в великое волнение, стали говорить между собою, что патриарх намерен сдать Св. места местным православным. По наущению некоторых архимандритов и епископов 13 декабря 1908 года они устроили незаконное собрание, которое мы имеем право назвать собранием заговорщиков, низложили патриарха и разослали телеграммы и письма Константинопольскому и Александрийскому патриархам с просьбой о содействии им в этом деле. Так как первый был врагом Иерусалимского патриарха Дамиана, а второй всегда рассчитывал занять иерусалимскую кафедру, то оба откликнулись на зов монастыря. Они телеграфировали патриарху Дамиану, умоляя его отречься [Л. 66]

от кафедры из любви к греческой нации и из уважения к синоду. Патриарх отказался исполнить эту просьбу, в чём поддержала его и паства, так как его низложение было произвольным нарушением церковных канонов, стражем которых является народ. Заговор монахов против патриарха послужил новым поводом для скрепления уз любви и единодушия между членами паствы. Все и отовсюду поднялись против монахов с целью изгнать их из монастырей, которые являются народным достоянием. Благодаря влиянию Константинопольского патриарха монахи убедили великого визиря в том, что их решение не подлежит отмене, хотя бы оно было и незаконным. От него последовало распоряжение о признании местоблюстителя и низложении патриарха. Узнав об этом, народ пришёл в волнение, явились в Иерусалим депутации, туземцы заняли патриархию и решили не покидать её до тех пор, пока не будет произведён законный суд над патриархом. Телеграф работал по всем направлениям против этого распоряжения. Тогда последовало второе распоряжение – отложить признание местоблюстителя. Правительство назначило следственную комиссию для расследования вопроса. Несмотря на все старания монахов добиться отмены этой комиссии, так как нет у них законного основания для низложения патриарха, Комиссия все-таки, по милости Божией, приехала. Она состоит из Его Превосход. Дамасского вали Назим-паши, человека, известного своей справедливостью, беспристрастием и способностью к решению сложных задач, Кустаки-бек-Вайани, одного из самых свободомыслящих греков-оттоманов, Хафеза-Али-бека и Махмуда Садыка. [Л. 66об.] Все они из лучших государственных людей. Мы имеем твердую надежду, что в решении этого вопроса они пойдут по пути справедливости.

Значение этого движения

Это движение принесёт пользу прежде всего православной пастве, так как оно освободит её от ига монахов и даст возможность православному монашеству получать образование. Оно принесёт пользу и религии, так как оно возвысит православие. Полезно оно и вакуфу, так как оно даст возможность тра-

тить его доходы на пользу отечества вообще, паствы и вакуфа – в частности. Полезно оно и отечеству, так как оно даст ему просвещённых молодых людей, оживляющих торговлю и полезных ему вообще своими знаниями. Полезно оно и государству, так как оно устранит все нежелательные явления – плоды невежества, легкомыслия и произвола монахов, и даст стране свободных оттоманов, проникнутых чувством истинного патриотизма, полезных для разных нужд государства.

Средства, к которым прибегают монахи для борьбы с нашим движением

1. Монахи являются препятствием для нашего просвещения и образования. Паства не раз сама собиралась открыть народную школу для воспитания юношества, но ей мешал патриарх Никодим, проживающий теперь в Константинополе.

2. Подкуп играл большую роль при старом режиме. Паства не смела возражать и что-либо предпринять.

3. Вопрос о национализме. К нему прибегают монахи (выставляя наше движение националистическим), чтобы добиться своих целей. Зная, что подкуп теперь не имеет былого значения, монахи возбуждают против нас наших братьев греков, выставляя [Л. 67] наше движение как стремление к национальному обособлению, утверждая, будто мы, арабы, восстаём против греков, чего на самом деле нет. Нет сомнения, что если бы монахи Св. Гроба состояли из туземцев и шли по тому же ложному пути, то мы восстали бы против них, и восстали бы гораздо раньше, задолго до этого времени. Пусть знают наши братья-греки, что мы с ними братья, с которыми нас соединяют многие узы. Ссылка на национальный вопрос – это хитрость, к которой прибегают носители чёрных камилавки с целью помешать нашим задачам.

4. Иностранное вмешательство. Они приписывают наше движение иностранной державе, или, яснее, обвиняют нас в измене оттоманству. Сохрани нас, Боже! Но об этом уже выше сказано.

5. Сеяние семян раздора ради нас по принципу: дели и царствуй (*divide et impera*)²². Но их старания не увенчаются успехом.

Требования паствы

Требования паствы можно формулировать в следующих двух положениях. Во-1-х, необходимо, чтобы доходы вакуфа, пожертвования по обетам и прочие доходы расходовались лучшим образом, т. е. на улучшение положения вакуфа и на возвышение православия, а не на утучнение монахов и утоление их похотей. Во-2-х, освобождение православия от ордена деспотов, действующих по своему произволу, и от людей испорченных, низкопробных, и исправление глав нашего вероисповедания, [Л. 67об.] которые сошли с пути, начертанного им Христом. В частности, эти общие требования сводятся к следующему:

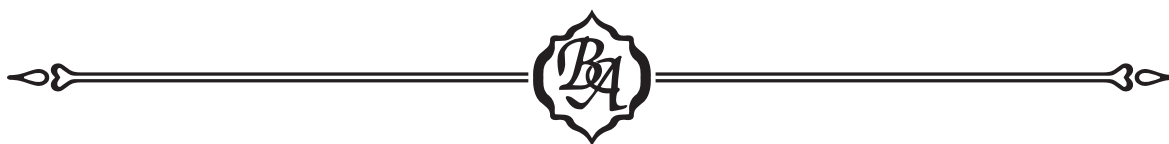
1. Официальное признание общинных советов, согласно 111 статье основных законов, с обязательством охранять эти советы и немедленно приводить в исполнение их решения.

2. Учреждение постоянного смешанного совета в Иерусалиме, во главе которого стоит патриарх, одна треть членов – из законного клира, а две трети – из мирян, оттоманских подданных, избираемых от Иерусалима и прочих епархий Иерусалимского патриархата; на обязанности его лежат заботы о школах, церквях, вакуфных имуществах, правильное счетоводство по доходу и расходам всякого рода. Этот совет должен быть инстанцией для всех церковно-административных дел патриархата на пользу всех епархий.

3. Принятие в монашество всякого достойного туземца из патриархата, возведение их на все степени священства наравне с греками без согласия на это общинного совета.

4. Пересмотр устава Иерусалимского патриархата, составленного при старом режиме, против которого в своё время протестовали туземцы, и не утверждённого ещё государственным советом, и составление нового устава, предоставляющего право участия в трёх [Л. 68] избирательных собраниях при выборе патриарха всем православным туземцам патриархата, ограничивающего круг деятельности синода в церковных делах и вводящего в число его членов местных священников иерусалимских²³.

5. Пребывание каждого епископа в его епархии и назначение и хиротония епископа,

архимандрита, священника и диакона лишь по выбору паствы. Учреждение хора арабского и греческого во всех церквах без исключения.

6. Установление единства монастырской кассы и запрещение монахам заниматься мирскими делами, согласно церковным канонам, и, наконец, установление во всём полного равноправия без предоставления каких-либо привилегий христианам одной какой-либо национальности в ущерб другой из православных оттоманов.

К кому должна обратиться за помощью православная паства в пределах иерусалимского патриархата?

Таковы деяния Святогробцев. Таково положение этого несчастного православного народа. Таковы наши справедливые требования, при предъявлении которых говорят ему: склони голову под религиозное иго, так как конституция не может проникнуть в монастырь. Мы выносим нашу жалобу на суд свободных граждан нации [Л. 680б.] и на суд общественного мнения. Мы возлагаем ответственность за причинённые нам притеснения

на каждого из тридцати миллионов граждан, составляющих оттоманский народ. Или мы составляем часть этого народа и наши интересы являются его интересами в единстве, построенном на основных законах конституции, или же наши братья-оттоманы покинут нас и не окажут нам содействия своего в деле осуществления свободы, влияние которой проникло в гражданские отношения, но которой мы лишены в церковных отношениях. Будьте справедливы к нам, Вы, Ваше Превосходительство, и вы, имеющие свободное сознание, и ты, свободный народ, и ты, общественное мнение, и все, обитающие в этом счастливом государстве²⁴. Будьте справедливы к нам, так как Бог любит справедливых. Да прославится Его Имя над всеми несправедливыми. Он Защитник слабых. Он наша надежда.

Депутация православного народа
в Палестине

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 514. Л. 55–680б.

¹ Рязский Павел Иванович (1867–1928) – инспектор русских школ в Сирии и Палестине, а также управляющий всех подворий Палестинского общества. Собрал и переписал большое количество ценных для истории Палестинского общества писем и деловой корреспонденции, имеющей непосредственное отношение к разным сторонам жизни Палестинского общества.

² Им был Хусейн Назим-паша (1848–1913) – известный военачальник, военный министр в 1912–1913 гг.

3 Об этом конфликте см. подробно: *Померанцев И.* Примирение Иерусалимской Патриархии с туземной паствой // *Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества (СИППО)*. 1910. Т. 21, вып. 4 (окт. – дек. 1910). С. 620–639; Леонтьев А. Реформа церковного управления в Иерусалимском Патриархате // *СИППО*. Т. 22, вып. 2 (апр. – июнь). 1911. С. 192–228. Вып. 3

(июль – сент.). С. 382–393; *Якушев М.И.* Антиохийский и Иерусалимский патриархаты в политике Российской империи. 1839 – начало XX в. М., 2013. С. 200–210).

⁴ В архивном деле Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 514 в общей сложности насчитывается 16 документов. Четырнадцать из них являются приложениями к письмам в адрес Совета Палестинского общества П.И. Рязского, два – к письмам Н.Г. Михайлова. Большое количество донесений о волнениях в Иерусалиме есть также в деле АВПРИ. Ф. Политархив. 1909 г. Оп. 482. Д. 3616. Л. 1–56. В этом архивном деле обращает на себя внимание депеша Д.Т.С. И.А. Зиновьева от 8 января 1909 года (л. 24–25). По его мнению, основная причина волнений в Иерусалиме заключалась в стремлении ряда святогробцев выбрать патриарха Иерусалимского из своей среды.

⁵ О святогробцах см.: *Панченко К.А.* Ближневосточное Православие под османским владычеством. Первые три столетия. 1516-1831. М., 2012. С. 217–235.

⁶ Негативное отношение к святогробцам встречается в источниках, начиная с Порфирия Успенского. См. Отчёт Порфирия Успенского о состоянии Палестинской Церкви в 1844 году // *Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Том 2.* Второе издание. М., 2017. С. 21–22.

⁷ Именно так автор письма оценивает смысл своего письма в Комиссию, прибывшую из Константинополя.

⁸ Фирман – указ султанов в Османской империи. Берат – грамота, жаловавшая подданным ту или иную милость султана или особые права.

⁹ Мелетий (в миру – Эммануил Метаксакис, 1871–1935) видная фигура греческой православной церкви. Сменил за 35 лет своего служения множество постов. При этом каждый последующий был значительнее предыдущего. В 1900–1908 гг. был членом Святогробского братства и секретарём Иерусалимского патриарха Дамиана. В 1908 году был изгнан патриархом Мелетием из числа святогробцев за неподобающую деятельность. В дальнейшем был митрополитом Китийской церкви на Кипре; архиепископом Афинским и всея Эллады. Венцом его служения стала должность патриарха Александрийского и всей Африки. На всех своих должностях Мелетий Метаксакис проявлял себя активным политическим деятелем.

¹⁰ Схоларх – глава школы. Термин употреблялся в основном для характеристик философских школ, философских направлений.

¹¹ Скевофилакс – духовное лицо, которому поручено хранение священных сосудов.

¹² В данном случае имеется в виду глава этой комиссии.

¹³ Судя по всему, автор письма противопоставляет приверженцев «оттоманства» (османизма) чиновничеству старого режима Османской империи до 1908 года. Османизм – форма идеологической жизни в Османской империи накануне Первой мировой войны. Провозглашение конституции в 1908 году вызвало большой энтузиазм у населения и ощущение новой исторической общности, представители разных конфессий и национальностей стали воспринимать как единый османский народ. Ощущение единения дли-

лось недолго – до начала Первой мировой войны. В эти годы, под очевидным влиянием этих преобразований жизни в Османской империи, произошло много изменений и в жизни арабов-христиан, о чём с воодушевлением сообщает автор. Автор письма отождествляет самого себя только с оттоманством.

¹⁴ Последние слова свидетельствуют о большом воодушевлении местных жителей в результате вторичного провозглашения Конституции и возникновения единой османской нации.

¹⁵ Общая характеристика святогробцев и связанных с ними проблем есть в книге: *Панченко К.А.* Ближневосточное Православие под османским владычеством. Первые три столетия. 1516–1831. М., 2012. С. 227–235.

¹⁶ Отношение в Коране к христианству и к христианскому монашеству (5:82; 9:31, 34: 57: 26, 27) однозначным не было. Авторы коранических текстов видели в христианском монашестве чуждое исламу явление.

¹⁷ Не удалось отождествить это слово с названием какой-либо из греческих газет начала XX века.

¹⁸ Вакуфные имущества (вакф) – переданные государством или частными лицами на благотворительные или религиозные цели. В вакф могло входить как движимое, так и недвижимое имущество.

¹⁹ Крестная школа – Богословская школа Святого Креста – духовная семинария Иерусалимской Православной церкви. Она существовала с 1852 по 1909 год.

²⁰ Слово написано сверху над предыдущим, заключенным в скобки.

²¹ Мутессариф (мутасарриф) – должностное лицо, возглавлявшее округ, регион в Османской империи.

²² Употребление в тексте латинского выражения свидетельствует о том, что переводчик был весьма грамотным и образованным человеком.

²³ Фактический регламент внутренней жизни Иерусалимского патриархата известен. Это неопубликованный в данный момент текст на трёх языках – турецком (османском), арабском и греческом. Документ находится в Архиве внешней политики Российской империи.

²⁴ Все оценки Османской империи как счастливого государства – если они искренни – свидетельствуют о том, что положение автора письма

и всех арабов-христиан было стабильным и не вызывало недовольства. Возможна и иная интерпретация этих слов, так как искренность столь позитивных отзывов в адрес Османской империи со стороны арабов-христиан вызывает сомнения. Несколько позже, в марте 1910 года Б.Н. Шаховской, генеральный консул в Дамаске, писал

в Константинополь послу Н.В. Чарыкову о том, что внутренняя политика новой (турецкой) власти базируется на усилении турецкого элемента за счёт других национальностей, на усиленной поддержке мусульманства и на унижении престижа иностранцев (АВПРИ. Оп. 517/2. Д.1726. Л. 1–2).

DOI: 10.31696/2072-5795-2025-2a-81-93

С.Л. Борошко,
Л.В. Божинская-Арандаренко

ПУТЕШЕСТВИЕ ШАРЛЯ-ЭЖЕНА УЙФАЛЬВИ В «СТРАНУ ГАЛЬЧА» – НАГОРНЫЕ ТЮМЕНИ ЗЕРАВШАНСКОГО ОКРУГА

Г-н Арандаренко, свободно владеющий языком страны, долгое время проживал в Кухистане; он <...> дал самые достоверные и ценные описания этого народа, а также их братьев каратегинцев и дарвазцев¹.

В июне 1877 года нагорные тюмени Зеравшанского округа посетил франко-венгерский ученый и путешественник, профессор Шарль-Эжен Уйфальви², командированный в августе 1876 года министром народного просвещения Франции в центральную Россию, Сибирь и Центральную Азию.

Интерес Уйфальви к Центральной Азии возник в связи с его исследованием древнего происхождения венгерских племен, попыткой найти их первоначальную родину, пути их миграции. Во Франции Уйфальви стал одним из учеников и последователей известного антрополога Поля Брока³. Для подкрепления своих начальных гипотез, основанных на теориях Поля Брока и исследованиях физической антропологии, Уйфальви обратился к самым выдающимся специалистам Антропологической школы: Полю Топинару⁴ – специалисту по краниологии, и Анри Мартену⁵, развивавшему идеи о происхождении арийских народов.

Изучая историю Венгрии и венгерского народа, Уйфальви разрабатывал концепцию связи её истории и языка с Финляндией и финнами. Увлечшись этнографией, антропологией и археологией, Уйфальви заинтересовался теорией азиатского происхождения арийских народов. Исследования Уйфальви об исторических путях их миграций побуди-

ли его совершить первое путешествие в Центральную Азию в 1876-1877 годах⁶.

По возвращении во Францию Уйфальви опубликовал результаты экспедиции. Отчёты Уйфальви носили академический характер. Они включали результаты антропологических измерений коренных жителей Азии, этнографических, археологических и лингвистических исследований. Во всех научных экспедициях Ш.-Э. Уйфальви всегда сопровождала его жена Мари де Уйфальви-Бурдон⁷. Она проявила себя успешным писателем, опубликовав описание путешествия по России и русскому Туркестану. М. де Уйфальви-Бурдон описывала путешествия и путевые наблюдения, дополняя научный дневник своего мужа. Она рассказывала о городах и кишлаках Средней Азии, делилась впечатлениями о восприятии их прибытия в Туркестан местной русскоязычной элитой, рассказывала о посещении восточных рынков, знакомстве с женами офицеров и светских мероприятиях.

Первое путешествие далось Уйфальви относительно легко. Во второй половине 1870-х годов от Оренбурга до Ташкента уже были проложены прекрасные дороги, путешественники могли перемещаться в безопасности и комфорте. Во всех крупных населённых пунктах чету Уйфальви встречали

европейские магазины и отели, аллеи и парки, дворцы высших чиновников военно-народного управления и каменные дома русских колонистов. Вспоминая о своей первой экспедиции, Ш.-Э. Уйфальви и его жена отмечали развитие Россией эффективной инфраструктуры на вновь завоёванных территориях. В апреле 1878 года, вернувшись в Париж после первой экспедиции, Уйфальви приступил к чтению курса исторической и политической географии Центральной Азии в Национальной школе живых восточных языков. Всячески превознося действия русской военной администрации в Туркестане, он утверждал, что для него ничто лучше не доказывало превосходства европейской цивилизации, чем прогресс русских в Азии. Он вспоминал, что перед началом экспедиции французские учёные высказывали опасение, что российское правительство никогда не позволит ему подробно исследовать Туркестан. Поездка показала, что они ошибались. Уйфальви сообщал, что ему было разрешено совершенно свободно передвигаться по Туркестану, исследуя любые, даже самые отдалённые его уголки, при этом он добавил: «Я видел и наблюдал эту, столь оклеветанную администрацию, в её самых интимных отношениях с туземцами, это произошло благодаря великой благосклонности генерала Кауфмана»⁸.

Ш.-Э. Уйфальви выражал признательность генерал-губернатору К.П. фон Кауфману как блестящему администратору, поддерживавшему всевозможные исследования региона – его истории и географии, этнографии и лингвистики, геологии и археологии, флоры и фауны, и широкому освещению в прессе процессов, характеризующих ускоренный прогресс в развитие народов Средней Азии, происходящий после начала русской колонизации этих земель. Кауфман преследовал прагматичную цель – иностранные путешественники помогали ему в распространении позитивного восприятия действий российской администрации в Средней Азии, а по возвращении в Европу – в пропаганде положительного влияния русской власти в Туркестане. Кауфман обоснованно считался признанным покровителем географии, этнографии и фотографии, став в 1878 году чле-

ном-корреспондентом Парижского географического общества. Именно благодаря такой дальновидной политике Ш.-Э. Уйфальви было разрешено путешествовать по большей части территории губернаторства, он получал материально-техническую и личную финансовую помощь от Кауфмана. В предисловии к «Антропологическому атласу народов Ферганы»⁹ Уйфальви сообщает, что создание фотографий жителей Ферганской области было одобрено, организовано и профинансировано генерал-губернатором фон Кауфманом, который поощрял повсеместную публикацию изображений русского Туркестана.

Ш.-Э. Уйфальви выражал свою почтительную благодарность командующему в Самарканде генералу Н.А. Иванову, управляющему Ферганой генералу А.К. Абрамову, губернатору Семиречья генералу Г.А. Колпаковскому. Уйфальви вспоминал, что начальники округов и уездов всегда принимали его с искренней сердечностью и гостеприимством, были воодушевлены тем же духом и оказывали такую же помощь, которая исходила от Кауфмана. Заметив, что подобное гостеприимство исчезло из обычаев европейцев, он добавлял: «Русские колонизируют, как римляне <...> и они практикуют гостеприимство, как арабы»¹⁰.

По возвращении во Францию Ш.-Э. и М. де Уйфальви не только опубликовали путевые отчёты, но и активно пропагандировали свои азиатские путешествия, устраивая публичные выставки, демонстрируя свои достижения. Уйфальви не забывал о генерал-губернаторе К.П. фон Кауфмане, о начальниках округов и уездов русского Туркестана, подчеркивая их власть и величие в Средней Азии, помогая создавать и ретранслировать образ цивилизаторской миссии верховной русской власти.

Экспедиция Уйфальви началась в октябре 1876 года. Он провёл археологические раскопки древних захоронений в Финляндии, в земле северных (прионежских) велсов на берегах Онежского озера, в древней земле Водь близ Санкт-Петербурга, обнаружив около двухсот бронзовых вещей и 32 черепа. Все находки были им отосланы из Петербурга в Париж¹¹. Затем Уйфальви отправился в Мо-

скву, далее – в Оренбург. Он проводил раскопки около Аральского озера, у Ак-Джультаса в Лам-Кургане, Сева-Кургане, Сауран и Кош-Мизгиле, в городах Туркестане и Ташкенте, изучал коллекции Ташкентского музея. Пробы в Ташкенте около месяца, экспедиция чрез Голодную степь отправилась в Самарканд, прибыв туда в середине апреля 1877 года. В Самарканде Уйфальви участвовал в раскопках древнего города Афрасиаба. Он собрал значительное число греко-бактрианских монет и черепа из древних захоронений.

Одной из целей экспедиции Уйфальви было изучение горцев, населявших верховья Зеравшана. Эта высокогорная часть Зеравшанского округа была известна европейцам под именем Когистан. Европейским географам было известно, что эти горы населяет загадочный народ *гальча*, горные таджики, антропологические и антропометрические исследования которого, по мнению парижских исследователей-антропологов (Брока, Топинара, Мартена и др.), могли бы помочь в решении вопроса о колыбели и прошлом арийской расы.

Несмотря на то, что при написании книги «Арийцы к северу и югу от Гиндукуша» Уйфальви заимствовал значительную часть информации о гальча из работ путешественника Пьера Бонвало¹² «От Кухистана до Каспия: в Средней Азии»¹³, он замечает: «Мы снова предпочитаем авторитет капитана Арандаренко авторитету г-на Бонвало. Как глава округа, г-н Арандаренко, свободно владеющий языком страны, долгое время проживал в Кухистане»¹⁴.

Мари де Уйфальви-Бурдон об отъезде из Самарканда в Пенджикент написала: «Итак, в четверг, 26 апреля <1877 года>, в три часа дня мы с господином М. выехали на тарантасе в Пенджикент»¹⁵. На подъезде к Пенджикенту путешественникам казалось, что они в Европе, – земля была превосходно обработана, а вода Зеравшана образовывала тысячу малых рек. Далее она пишет: «Дороги были хорошие; более того, все они показались нам аккуратными по сравнению с теми, за которыми мы следили ранее. <...> Однако я дрожала при мысли об опасностях дороги: я знала, что под нашими ногами зияют пропа-

сти, и нам придется объезжать их верхом по тропинке шириной едва ли в два фута. Три попытки научиться ездить верхом не делают меня наездником, и вы поймете мой ужас, если я скажу вам, что у меня бывают головокружения. Чтобы успокоить мои страхи, потребовалось не что иное, как великолепная картина, открывшаяся нашим глазам, и ещё более великолепная панорама следующего дня. В этот момент мы прибыли на плато одной из многочисленных цепей, образующих первые подножия гор; вдалеке текла река; у наших ног деревня с её лугами, деревьями, скотом; Вокруг нас с ветки на ветку порхали вороны с бирюзово-голубыми спинами и желтоватыми крыльями; Над нашими головами парили орлы, которые были нашими спутниками в путешествии. Наша коляска, преодолев взлёты и падения, к вечеру доставила нас в Пенджикент»¹⁶.

Ш.-Э. Уйфальви так описал первые впечатления от «русской столицы» верхнего Зеравшана: «Пенджикент – столица Кухистана и резиденция русского начальника (вид военного префекта) <капитана Арандаренко>. Город небольшой, удачно расположенный, совсем рядом с Зарафшаном. Он похож на все города Туркестана. <Резиденция русского начальника расположена> в старинном дворце бывшего Бухарского бека, посреди прекрасного сада, недалеко от реки. Город не представляет ничего примечательного, городской базар довольно оживлённый. Впервые с момента приезда в Туркестан я увидел людей с полностью светлыми волосами и голубыми глазами. Именно в Пенджикенте я начал исследование Кухистана»¹⁷. О первой встрече с Г.А. Арандаренко Уйфальви написал: «Там <в Пенджикенте> я встретился с капитаном Арандаренко, главой округа, человеком редкой любезности и превосходного образования. Он любезно предоставил себя в моё распоряжение, и я обязан ему большей части информации, которую мне удалось собрать о Кухистане»¹⁸.

М. де Уйфальви-Бурдон вторит своему мужу: «Господин Арандаренко, местный начальник, был проинформирован о нашем прибытии. Нас ждал хороший ужин. Мы были удивлены, обнаружив в этих отдалён-

ных местах такой красивый дом, оборудованный европейскими удобствами. Наш хозяин пригласил нас провести пятницу у него дома и не уезжать до субботы»¹⁹.

Уйфальви сообщил, что у него сохранились записи Арандаренко о народе гальча, написанные его собственной рукой. В этой рукописи Арандаренко сообщает, что среди местного населения Зеравшанской долины словом «гальча» называют жителей гор, сравнивая их с воронами – голодными галками, которые живут в горах²⁰.

Заметив, что название гальча хоть и не встречается в древних источниках, Уйфальви в публикациях, следуя примеру русских исследователей, сохранил это название для обозначения таджиков гор, подчеркивая, что сами горцы называют себя таджиками или чаще всего предпочитают название своих племен, например, Матча, Фан, Ягноб и т. д.

Арандаренко передал Уйфальви большое число сведений исторического и этнографического характера о жителях нагорных тюменей. Он сообщил, что гальча живут по мусульманским законам. Сыновья наследуют две трети, дочери – одну треть, а вдова – одну восьмую имущества. Клятва произносится на Коране в присутствии казия. Если кто-то отказывается принять присягу, его признают виновным. Рабства не существует и никогда не существовало. Гальча выращивают рис, лён, озимую пшеницу, красную пшеницу, озимый ячмень, яровой ячмень, просо, фасоль, горох, люцерну и т. д. Они разводят волов, коров, лошадей, коз и овец. Из домашнего инструмента распространены плуги, топоры, мотыги, кирки, молотки, пилы и пр. В верховьях Зеравшана часто встречаются водяные мельницы. В качестве транспортных средств используют вьючных животных. Мостов через Зеравшан и его притоки много, но, в связи с быстрым течением рек, лодок у гальча нет. Он рассказал о скототорговле, о тропах, проложенных через горные перевалы из Верхнего Зеравшана в соседние бекства, о тонкостях охоты в горах, об особенностях торговли, традициях и обычаях.

Костюм гальча очень прост. Они носят рубашку и штаны из холста, толстые шерстяные чулки, кожаные сапоги грубой формы,

большой халат из полосатого холста разных цветов, стягиваемый на талии поясом, и второй халат из темно-коричневой ткани. Ткани и халаты производят сами же жители Кухистана, так как в связи со своей бедностью они не могут позволить себе подобные траты. Мужчины носят головные уборы (тюбетейки), образованные люди – белый тюрбан. Лишь незначительное число богатых гальча, в основном казии, аксакалы и муллы, покупают в Самарканде яркие шелковые одежды, а также медную утварь, часто очень тонкой работы. Среди гальча не принято танцевать. Мужчины и женщины собираются вместе, чтобы петь, при этом мужчины играют на дутаре²¹, женщины – на чанге²².

Уйфальви вспоминал, что все рассказы Арандаренко о характере горцев вызывали у него неподдельный интерес. Арандаренко утверждал, что у гальча практически отсутствует воровство, так как они с уважением относятся к чужой собственности. У гальча «щедрые сердца» – они проявляют большое сострадание к сиротам, ссоры в их среде редки, они заботятся о стариках и прислушиваются к их мнению. Они верны данному слову, смелые в опасности, проявляют величайшее презрение к трусам, терпеливы и проявляют стойкость перед лицом лишений. Гальча доброжелательны, гостеприимны, готовы поделиться с гостем последним куском хлеба. Арандаренко отмечал способность горцев к наблюдению и очень хорошую память, которая проявляется в знании истории, умении рассказывать предания и легенды. Ученики самаркандских и бухарских медресе из числа горцев отличаются прилежностью в изучении восточных наук. По мнению Арандаренко, полная изоляция, в которой живут гальча, развивает их воображение и придаёт их существованию поэтический отпечаток, реализующийся в стихах, рассказах, баснях и пословицах. Незнание законов природы делает горцев суеверными и внушает им страх перед злыми духами. Наблюдения Арандаренко нашли отражение в работе Уйфальви об арийцах, живущих к северу и югу от Гиндукуша²³.

Гальча лето проводят в полях, они сеют и собирают урожай с июня по сентябрь. При отсутствии сельскохозяйственных занятий

они остаются со своими стадами на пастбищах соседних гор. Деревни остаются безлюдными, и только в праздничные дни жители возвращаются, надевают лучшие одежды и проводят день в молитвах и беседах. Осенью они запасаются топливом, привозя с гор хворост и ветки арчи. Женщины делают кизяк — лепешки из навоза крупного рогатого скота, которые сушат, прикрепляя их к стене, и используют для отопления домов в холодное время года. Зимой мужчины убирают снег и проводят дни в молитве, которая совершается пять раз в день. В долгие зимние часы гальча собираются вокруг муллы, слушая рассказы, легенды или отрывки из Корана. Обязанности женщин заключаются в кормлении животных, уборке конюшен и выполнении повседневных дел. На вопросы о заболеваниях, характерных для гальча, Арандаренко сообщал, что среди них распространено воспаление глаз (офтальмия), некоторые страдают от мочекаменной и желчекаменной болезней, а есть деревни, где почти все жители поражены каким-либо видом ревматического заболевания²⁴.

Помимо описания народа гальча, Арандаренко передал Уйфальви «увлекательный отчет» о посещении озера Искандер²⁵, который, к сожалению, Уйфальви так и не опубликовал.

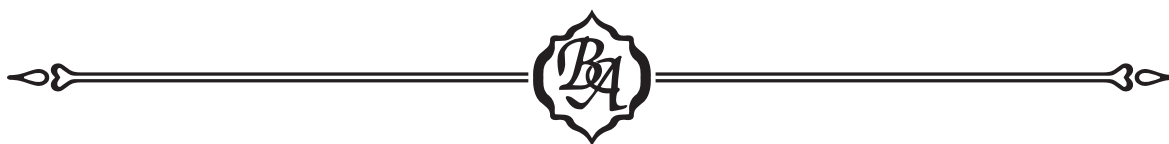
На следующий день, 27 апреля 1877 года, Уйфальви проводил многочисленные антропологические измерения. М. де Уйфальви-Бурдон рассказала об этих первых измерениях: «Всё следующее утро было потрачено на измерение голов гальча. Я помогала мужу, записывая под его диктовку, чтобы быстрее справляться с делами. Ничто не было более любопытным, чем удивление этих людей, особенно когда г-н де Уйфальви сунул несколько копеек в руки бедняков; они не могли поверить своим глазам; их мусульманская флегматичность была этим сбита с толку. Привыкнув всё делать по приказу, они не могли понять, что их послушание вознаграждается. Двух бедняг, едва одетых идиотов привели и потащили, как животных. Один из них позволил себя измерить, хрюкнул и улыбнулся при виде денег, что было совершенно инстинктивным действием, ибо, подобно животному, разум которого пробуждается при

виде пищи, он, несомненно, узнал металл, удовлетворяющий его первые потребности. Однако другой, более высокий и менее ошеломлённый, не мог оставаться спокойным; его не удалось усадить, и пришлось отказаться от его измерения. Он даже не улыбался при виде денег»²⁶.

Высокомерие М. де Уйфальви-Бурдон не было характерным для большей части путешественников. Даже её современники отмечали, что М. де Уйфальви-Бурдон «хорошо образованная и интеллектуально любознательная, <...> любит географию. <...> Её явно больше интересуют наука, путешествия и литература, чем семейное призвание. <...> Мари <...> не хватает изящества, социальных навыков или такта»²⁷. В её книгах встречаются подобные заключения, в которых она старается показать себя цивилизованной парижанкой, путешествующей среди примитивных народов.

М. де Уйфальви-Бурдон описывает причину, по которой её не взяли в поездку к верховьям Зеравшана: «Пока я с ужасом смотрела на бесплодные и плоские склоны соседней горы, к нам привели лошадей. После проверки моих навыков верховой езды меня официально исключили из экспедиции. На следующий день грозил дождь, дорога была опасной, и даже у этих джентльменов не хватило бы внимания и самообладания, чтобы проехать по ней. Именно г-н де Уйфальви, используя или злоупотребляя своей властью, сформулировал приговор и постановил, что я вернусь в Самарканд в тот же вечер в сопровождении г-на Х. Я подчинилась, но неохотно. Как я пожалела, что не практиковала в Ташкенте. Я пообещала себе исправить свою ошибку. В ту ночь лил такой сильный дождь, что дорога оказалась затопленной. Чужая земля и глупая страна!»²⁸. 28 апреля 1877 года она вернулась в Самарканд: «Чтобы утешить и отвлечь меня, генерал Иванов пригласил меня на приём, данный в честь прощания с генералом Абрамовым. Я решила отправиться туда в сопровождении баронессы А.²⁹; это была редкая возможность, которую я не могла упустить»³⁰.

В это же день, 28 апреля 1877 года, в 5 часов утра Ш.-Э. Уйфальви из Пенджикента

двинулся по левому берегу реки Зеравшан, в сторону кишлака Суджины: «Жители Суджины, как и Пенджикента, являются гальча, или горными таджиками. В Суджине есть несколько небольших прядильных фабрик, на которых работают от десяти до двенадцати рабочих. Они производят довольно прочную ткань <бязь>, похожую на ту, что производится в Кашгаре и называемую мат-та»³¹. Уйфальви сопровождал г-н М.³², русский офицер из княжеского рода, прекрасно знавший французский язык и немного восточно-турецкий, приехавший в Пенджикент из Самарканда вместе с Уйфальви. В отряде было шесть казаков, проводник-татарин, два туземца из числа окружных судей и двое слуг, ведущих вьючных лошадей³³.

Уйфальви вспоминал, что через несколько километров после Суджины отряд пересёк травянистую степь и подъехал к берегу Зеравшана. Перейдя реку по каменному мосту, отряд следовал по правому берегу реки до кишлака Миндана, после которого дорога превращалась в тропу, проложенную берегом Зеравшана и часто высеченную в скале. Переночевав в кишлаке Ишиста, отряд проследовал через пышные пастбища в Урмитан. Тропа вела через перевал: «Мусульмане говорят, что тот, кто хочет пересечь эту гору, должен иметь чистую совесть, иначе он неизбежно будет сброшен в пропасть»³⁴.

Открывающиеся взору путников панорамы гор были великолепны: «У наших ног ревёт Зеравшан, на другом берегу реки возвышаются покрытые вечными снегами горы, а вдалеке виднеется ледяная вершина Чандары. Это зрелище пугающей красоты и своей нетронутостью стоит всех пейзажей Швейцарии с их традиционными декорациями. <Гальча> чувствуют себя здесь как дома, и, ей-богу, они могут гордиться своей суровой страной!»³⁵.

В шести километрах от Урмитана Уйфальви встретил первые кибитки горцев. Замеченные им жители были пугливы и подозрительны. Увидев женщину, работавшую в поле, Уйфальви дал её детям несколько монет: «Мать с криками в отчаянии убегает, и все жители, пришедшие на порог их дома, подражают её примеру»³⁶.

К вечеру 29 апреля 1877 года отряд Уйфальви, преодолев около 70 км, прибыл в Урмитан – большой кишлак, расположенный на крутом берегу реки Зеравшан, на узкой полоске земли, со всех сторон окружённой высокими горами. По прибытии Уйфальви посетил старую бухарскую крепость. В ней располагался казий³⁷, в то время, когда он приезжал вершить правосудие в Фальгаре. В комнатах крепости хранились прекрасные бухарские ковры и молитвенники. Уйфальви и его спутникам был предложен чай в старинных кувшинах, поразивших всех своей изящностью формы и резьбы. Несмотря на уговоры Уйфальви и высокую цену, предложенную казию за старинные кувшины, тот не захотел их продать, так как кувшины достались ему по наследству. Не получив желаемого, Уйфальви написал: «Питание во время нашего пребывания в Кухистане оставляло желать лучшего: рис, сваренный в зеленоватом жире, имел отвратительный вкус, баранина, нарезанная мелкими кусочками, пахла козлятиной, а сухофрукты были такими, что о них нетрудно было сломать зубы. Одно только молоко было свежим и питательным»³⁸.

На следующее утро, 30 апреля 1877 года, Уйфальви посетил старателей, добывающих золото на берегу Зеравшана в нескольких километрах от Урмитана, и осмотрел частички добытого ими золота. Вернувшись, он обнаружил в Урмитане около тридцати человек гальча, прибывших из Варзиминора, Матча, Фана, Ягноба и других кишлаков верхнего Зеравшана, которых начальник нагорных тюменей Г.А. Арандаренко вызвал в Урмитан, предварительно разослав посыльных джигитов с соответствующим приказом.

Уйфальви вспоминал, что его поразил прекрасный тип мужчин народности гальча, некоторые из которых были похожи на итальянских крестьян. Его также поразила разница в характере между гальча и таджиками Самарканда. Гальча были настолько же откровенны и честны, насколько таджики скрытны и лживы. Они уверяли его, что каратегинцы и жители Дарваза, Шугнана и Бадахшана составляют с ними один и тот же народ: «<Гальча> говорят на персидских диалектах, и все понимают друг друга, за исключением

ягнобцев, язык которых непонятен остальным племенам»³⁹.

В числе горцев, вызванных Арандаренко в Урмитан в распоряжение Уйфальви для проведения антропологических измерений и фотографирования, был житель долины реки Ягноб, одного из притоков Зеравшана. Этот ягнобец говорил на языке, отличавшемся от таджикского языка жителей долины и верховьев Зеравшана. Уйфальви записал образцы ягнобского языка – количественные числительные от 1 до 10, около 30 слов и кратких предложений, и включил их в свой отчёт⁴⁰. Уйфальви не удалось получить от ягнобца какие-либо исторические, этнографические или географические сведения, – расспросы были безуспешны: «Ягнобцу удалось пробыть со мной совсем недолго, поэтому я не смог составить более полный словарный запас. Он был не слишком общительным, переводчикам было очень трудно вытянуть из него несколько слов. На многие вопросы он вообще не смог ответить, что объясняется бессвязностью его небольшого словарного запаса»⁴¹.

Образцы слов на ягнобском языке, записанные в верховьях Зеравшана путешественниками и востоковедами в 1870-1880-х годах, были включены профессором К.Г. Залеманом⁴² в третью главу книги «Ягнобские этюды» под названием «Материалы, собранные Уйфальви, Ш. Акимбетевым, Г.А. Арандаренко и Н.И. Веселовским»⁴³. Профессор Залеман справедливо отмечал: «Только при живом участии местных учёных и деятелей мы, живущие в столь отдалённом от Востока центре научной деятельности, можем надеяться выполнить высокие задачи русской ориенталистики»⁴⁴.

Уйфальви пришлось притвориться врачом, чтобы объяснить цель проводимых им измерений. В течение дня он проводил антропологические измерения и записывал, со слов казия, сведения о жителях верховьев Зеравшана. Его поразил обычай: «Гальча никогда не задувает свечу, так как дыхание человека считают нечистым, и оно не должно сообщаться с пламенем, которое по своей сути является чистым»⁴⁵. Уйфальви принесли на продажу винтовку, сабли и музыкаль-

ные инструменты – бубен и два дутара, один очень примитивный, а другой более красивый, с инкрустациями из кости.

Ранним утром 1 мая 1877 года отряд Уйфальви отправился в одну из боковых долин Зеравшана – долину Вашан. Переправившись на противоположный берег Зеравшана, отряд поднялся по узкой тропе, вырубленной в скале. Достигнув вершины, они пересекли скалистое плато. Тропа к кишлаку Вашан иногда проходила балконами, выходящими на реку на очень большой высоте, местами она была вырублена в скале, местами представляла собой карнизы, сделанные из ветвей деревьев. Долина Вашан предстала перед путешественниками зелёными ухоженными полями и лугами, усеянными цветами. Вся долина была изрезана небольшими водопадами. Проводник рассказывал Уйфальви, что гальча находят способ подняться на любую высоту, если только обнаружат там пахотную землю. На головокружительной высоте Гальча строят деревянные оросительные каналы – акведуки, часто расположенные один над другим. Проводник показал несколько таких каналов, расположенных настолько высоко, что путешественники едва могли их увидеть со дна долины.

Уйфальви с гордостью сообщил, что они прибыли в кишлак Вашан, который до него не посетил ни один западноевропейский путешественник. Кишлак состоял из сорока-пятидесяти домов, был расположен на берегу реки и окружен садами. Жители Вашана, как и все гальча, — земледельцы и пастухи. В саду дома, в котором расположился отряд Уйфальви, собрались мужчины с каштановыми волосами и зеленоватыми глазами. Уйфальви вновь отметил разницу между гальча и жителями равнин, которую подчеркивал Арандаренко: «Они приветливы, непринуждённые, и я с величайшим удовлетворением отмечаю, насколько эти честные горцы отличаются от таджиков Самарканда. Жизнь в горах, вдали от населённых пунктов, уберегла их от физической и моральной деградации, которая изначально сделала их братьев на равнинах выродившимся народом»⁴⁶.

Ш.-Э. Уйфальви наблюдал в Вашане за работой казия и общался через переводчика

с местными жителями: «Я подошёл к молодой женщине и сквозь уголок её вуали, приподнятый нескромным дыханием, увидел, что она красива. У нее были глаза, как горящие угли, красивый нос, тонкие губы и великолепные зубы»⁴⁷. Уйфальви купил у жителей образцы ткани и зимний халат местного производства. Ближе к вечеру отряд Уйфальви в сопровождении аксакала и местного жителя, вооружённого винтовкой и ножом, вновь вернулся в Урмитан.

На следующий день, 2 мая 1877 года, в Урмитане Уйфальви с утра до наступления темноты проводил антропологические измерения. 3 мая путешественники вернулись в Пенджикент⁴⁸. Вся этнографическая информация, которую казий предоставил Уйфальви во время путешествия в Урмитан и Вашан, была в Пенджикенте проверена и подтверждена Г.А. Арандаренко.

Уйфальви не ставил целью экспедиции посетить все нагорные тюмени. Он не побывал в Матче, не достиг Зеравшанского ледника и истока реки Зеравшан (которую в верхнем течении называют Матча), не посетил большинство кишлаков, в которых проживали гальча. Ограничившись поездкой из Пенджикента в Урмитан, обмерами и фотографированием гальча, любезно предоставленных в его распоряжение Арандаренко, он вернулся обратно в Пенджикент, продолжив оттуда путешествие в Фергану и Кульджу.

В личной коллекции Арандаренко находились черепа гальча, найденные им на старом кладбище в Фальгарском бекстве, в верховьях Зеравшана. Один череп гальча в начале мая 1877 года он подарил Уйфальви, а два черепа, так же в мае 1877 года, он передал в дар Ташкентскому музею⁴⁹.

Пробыв в резиденции Г.А. Арандаренко два дня, на третий день утром, 6 мая 1877 года, отряд Уйфальви вернулся в Самарканд. М. де Уйфальви-Бурдон вспоминала: «В три часа дня мой муж вернулся домой после десятидневного пребывания в горах, в восторге от зрелища, открывшегося перед его глазами»⁵⁰.

В Пенджикенте и Урмитане Ш.-Э. Уйфальви провел фотографирование и антропологические измерения пятидесяти восьми горных

таджиков Когистана, так определив их тип: «Гальча – высокие и среднего телосложения; кожа у них белая, часто загорелая на солнце, покрытые части тела белые, она очень волосатая, немного пушистая, никогда не бывает безволосой, волосы черно-каштановые, особенно у Фанов, иногда рыжие, часто светлые; они гладкие, волнистые, кудрявые; борода обычно густая, каштановая, рыжая или светлая. <...> Глаза, никогда не приподнятые в углах, карие, часто голубые; межзрачковое расстояние очень мало. Нос очень красивой формы, длинный, слегка изогнутый и сужающийся к концу. Губы почти всегда тонкие и прямые; мелкие зубы, часто стертые из-за злоупотребления сухофруктами. Лоб высокий, слегка покатый; брови хорошо выражены, поперечная впадина, отделяющая нос от надпереносья, глубокая, брови изогнутые и густые; маленький рот, овальный подбородок, овальное лицо в целом, маленькие или среднего размера, приплюснутые уши, редко слегка оттопыренные. Тело энергичное, нервное, крепкого телосложения. Руки и ноги крупнее, чем у таджиков долины, и особенно чем у киргизов и татар. Голени жилистые, ноги прямые и хорошо сложены; талия хорошо выражена, в целом тонкая, туловище крепкое, шея сильная. Они очень выносливы, превосходные пешеходы, хорошие наездники и способны выдерживать самую большую усталость»⁵¹.

По возвращении в Париж в 1878 году Ш.-Э. Уйфальви составил этнографическую карту верховьев Зеравшана⁵², основываясь, помимо собственных наблюдений, на исследованиях русских востоковедов Я.В. Ханькова, А.П. Федченко, В.В. Радлова, А.Н. Куропаткина, Г.А. Арандаренко и В.Ф. Ошанина. Указав, что сведения о гальча получены от капитана Арандаренко, Уйфальви сообщал, что гальча нагорных тюменей делятся на шесть племен:

1. Маги – проживают от Пенджикента до Магиана.
2. Кштуты – проживают в долине Кштут.
3. Фальгарцы – проживают между Урмитаном и Варсимином.
4. Матча – проживают к востоку от Варсиминора до истоков Зеравшана.

5. Фаны – проживают к югу от Варсиминора, в долине Фана и Искандер-Дарьи до озера Искандер-Куль.

6. Ягнаубы (Ягнобцы) – проживают в долине Ягнауб (Ягноб)⁵³.

Уйфальви был одним из первых европейских путешественников, изучавших гальча. Он пересказал историю полунезависимых бекств Кухистана в период, предшествовавший присоединению этих земель к Российской империи⁵⁴. Помимо сведений, полученных от Арандаренко, Уйфальви приводит в своей работе данные, заимствованные в работах полковника А.Д. Гребёнкина⁵⁵, под началом которого начинал службу Арандаренко по линии военно-народного управления в 1866 году в Ура-Тюбе.

Одна из целей поездки Ш.-Э. Уйфальви в Туркестан заключалась в антропологическом измерении народов Средней Азии. Его интересовали различные этнические типы иранской и тюрко-монгольской рас. Он пытался отыскивать корни европейских народов, не устанавливая никакой иерархии и не сравнивая их между собой. Проведя множество замеров, Уйфальви пришел к выводу, что Средней Азии есть две расы: желтая (монголоидная) и белая (иранская). Белая раса представлена горными таджиками (гальча) и памирскими народами (шугнанцы, рушанцы, язгулямцы, ваханцы, ишкашимцы, мунджанцы и др.), которые, по его мнению, являлись единственными представителями почти чистокровной древней белой расы. Они с самых давних времен населяли высокогорные долины вокруг Памира и являлись наиболее чистокровными жителями Туркестана.

После посещения верховьев Зеравшана Уйфальви посетили Фергану, Семиречье, Кульджу (древнюю китайскую провинцию Или), Семипалатинск, Омск и страну башкир в Уральских горах⁵⁶. На основании наблюдений за этническими группами коренного населения различных регионов Туркестана, Уйфальви впервые составил полную этнографическую карту Средней Азии:

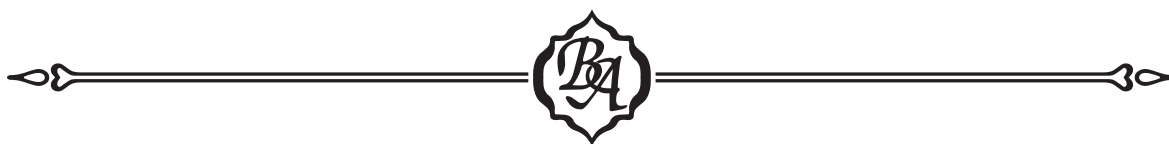
- киргиз-кайсаки занимают пустынные северные районы;
- каракиргизы занимают горные районы восточнее Ташкента и Памира;

- таджики гальча населяют горные районы, расположенные севернее и южнее Ферганы, а также в Верхней Зеравшанской долине;

- узбеки, каракалпаки, сарты, кашгарцы и таранчи преобладают на равнинах Зеравшана, Ташкента, Маргилана и в долине Амударьи.

По возвращении в Петербург 13 ноября 1877 года Уйфальви выступил с докладом на заседании Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Он отметил: «Весьма приятным воспоминанием этой поездки останется знакомство с г. Арандаренко, весьма интересующимся антропологией и предпринимающим систематический ряд наблюдений»⁵⁷. Уйфальви представил общую антропологическую характеристику трёх этнографических групп, входящих в состав народонаселения Туркестанской области, узбеков, таджиков и гальча, считая, что гальча – чистокровные в антропологическом отношении. Уйфальви утверждал, что пришлые тюркские народы Средней Азии (узбеки, киргизы, каракиргизы и др.) постепенно смешались с равнинными таджиками, имеют примесь иранской крови. По его мнению, когда тюрко-монголы оставили кочевой образ жизни и обосновались в городах, их дети, смешиваясь с таджикским населением, становились сартами. Самыми «чистыми» представителями монголоидной расы, по мнению Уйфальви, остались калмыки на севере и юге гор Тянь-Шаня.

21 марта 1878 года на заседании Антропологического общества Уйфальви сообщил, что, исходя из средних значений, полученных на основании пятидесяти восьми замеров, гальча имеют самый высокий средний черепной показатель, и выдвинул идею о связи светловолосых европейцев и светловолосых азиатов. Уйфальви показал собравшимся череп, обнаруженный Арандаренко в старинных могилах Фальгара. Сравнение замеров черепного и лицевого показателей этого черепа гальча и среднего черепа из горца-савояра позволило Уйфальви утверждать, что череп гальча – точная копия савойского черепа, делая вывод, что савойская народность пришла из Средней Азии: «Таким образом, у иранца с

восточных гор Туркестана тот же тип, что и у горца-савояра. Оба сохранились благодаря их относительной изоляции в труднодоступных местах»⁵⁸.

Во всех последующих книгах, описывающих поездку из Самарканда в Пенджикент и Урмитан, Уйфальви непременно подчеркивал помощь, оказанную ему Г.А. Арандаренко. Без этой помощи антропологические замеры черепов жителей самых отдалённых, матчинских кишлаков с верховьев Зеравшана не состоялись бы. Уйфальви добавлял: «Всеми сведениями о характере страны, обычаях, верованиях, промыслах её жителей, которые я не смог проверить визуально, я обязан любезности капитана Арандаренко. Этот русский офицер – проверенный наблюдатель, исследователь школы Семенова, Остен-Сакена, Полторацкого, Северцова, Радлова, Мидендорфа, Пржевальского и Куропаткина, и я считаю себя вправе полностью доверять его информации»⁵⁹.

С 1874 по 1889 год Арандаренко служил в должности начальника нагорных тюменей, а затем – Самаркандского уездного начальника. Большая часть российских и западноевропейских путешественников встречались с ним в эти годы, используя его знания и опыт в разработке маршрутов, в организации поездок в горы Тянь-Шаня и Памира, получая всяческое содействие и всестороннюю помощь. Помимо Уйфальви, ещё несколько экспедиций непременно упоминали о нём в своих книгах. В 1886 г. Арандаренко оказал помощь французской экспедиции путешественника Бонвало. Его советы по выбору маршрута экспедиции, откомандирование в экспедицию двух проводников-джигитов, помощь в покупке местных пород лошадей, рекомендация путей преодоления заснеженных высокогорных перевалов позволили участникам экспедиции преодолеть самые труднопроходимые отрезки горных перевалов Памира⁶⁰.

Аналогичную помощь получил британский путешественник Генри Лансделл⁶¹:

«Я решил воспользоваться случаем и заехать к уездному начальнику, господину Арандаренко, который очень любезно предложил предоставить в моё распоряжение двух джигитов, сопровождавших нас до Оксуса. Мистер Арандаренко дал ценные советы по поводу нашей работы и по некоторым вопросам восточного этикета, которые необходимо соблюдать в Бухаре»⁶².

Географическая изоляция горных кишлаков сохранила проживавшее там население от смешения с другими народами Средней Азии. Традиции, быт, обычаи и язык народов Верхнего Зеравшана были такими же, как и сотни лет назад. Помимо Арандаренко имелись и другие специалисты по нагорным тюменям, такие, как начальник отделения канцелярии начальника Зеравшанского округа поручик Ф.В. Коротков⁶³ и другие авторы, публиковавшие статьи и заметки в газете «Туркестанские ведомости».

Поездка Уйфальви в верховья Зеравшана – лишь незначительный эпизод в исследовании этого труднодоступного и ранее совершенно не изученного региона Средней Азии. Начиная с Искандеркульской военно-научной экспедиции генерала А.К. Абрамова (1870 г.) этот регион интенсивно исследовали географы, этнографы, геологи, зоологи и военные востоковеды. Бывшие бекства верховьев Зеравшана привлекали внимание многих русских исследователей, первыми из которых были офицеры военно-народного управления Туркестанского генерал-губернаторства и географы-энтузиасты, первопроходцы этого неизведанного края. О Зеравшанском округе писали П.А. Аминов⁶⁴, А.П. Федченко⁶⁵, Л.Н. Соболев⁶⁶, А.Д. Гребёнкин⁶⁷ и другие исследователи. Общность этих работ позволила сохранить уникальные исторические сведения, повествующие о народах, населявших Верхний Зеравшан. Эти данные стали базой для последующих исследователей, изучавших этот первозданный край⁶⁸.

Примечания

¹ *Charles de Ujfalvy. Les Aryens au Nord et au Sud de l'Hindou-Kouch.* 488 p. Paris: G. Masson, 1896. P. 123.

² Шарль-Эжен Уйфальви (Мезёкёвешди Уйфальви Карой Йенё; 1842–1904; вариант произношения фамилии – Ужфальви) – французский учёный венгерского происхождения, доктор философии (1870 г.); профессор истории и географии Центральной Азии в Национальной школе живых восточных языков; вице-президент Филологического общества, член Азиатского общества, Французского общества нумизматики и археологии, Географического общества.

³ Поль Брока (Paul Pierre Broca; 1824–1880) – французский хирург, этнограф, анатом и антрополог; основатель антропологии как отдельной научной дисциплины; в 1859 г. основал Общество антропологии в Париже, в 1872 г. основал журнал «Антропологическое обозрение»; в 1876 г. основал Высшую школу антропологии. Разработал числовые индексы для расчёта соотношения размеров черепа и мозга; создал антропологический прибор краниометр; вывел основные анатомические соотношения, характеризующие расовые различия, построил шкалы для сравнительного определения цвета глаз, типа волос и оттенков кожи.

⁴ Поль Топинар (Paul Topinard; 1830–1911) – доктор медицины, антрополог, генеральный секретарь антропологического общества Парижа. С 1871 г. изучал антропологию, работал под руководством Поля Брока над расовыми классификациям; офицер ордена Почётного легиона.

⁵ Анри Мартен (Bon Louis Henri Martin; 1810–1883) – член Французской академии, историк и политик, автор книги «История Франции»; в 1870 г. был избран мэром 16-го округа Парижа; в 1871–1876 г. – член Национального собрания, в 1876–1883 г. сенатор; выдвинул теорию о происхождении арийских народов, согласно которой их прародина находилась в Центральной Азии.

⁶ Ш.-Э. Уйфальви провёл три экспедиции по Центральной Азии: в 1876–1878 гг., 1879–1880 гг. и в 1881 г.

⁷ Мари де Уйфальви-Бурдон (дев. Клариса Вирджиния Мария Бурдон; 1846–1904) – французская путешественница и этнолог, переводчик, литературовед и писательница. Автор книг «Из Парижа в Самарканд, Фергану, Кульджу и Западную Сибирь. Впечатления парижанки» (1880 г.) и

«Путешествие парижанина по Западным Гималаям» (1887 г.).

⁸ *Ujfalvy de Mezo-Kovesd, Ch.E. de. Expédition scientifique française en Russie, en Sibérie et dans le Turkestan. Vol. 1. Le Kohistan, le Ferghanah & Kouldja avec un appendice sur la Kachgharie.* Paris, 1878. P. IV.

⁹ *Ujfalvy Ch.-E. de. Atlas anthropologique des peuples du Ferghanah.* Paris: Ernest Leroux, 1879.

¹⁰ *Ujfalvy de Mezo-Kovesd, Ch.E. de. Expédition scientifique française en Russie, en Sibérie et dans le Turkestan. Vol. 1. Le Kohistan, le Ferghanah & Kouldja avec un appendice sur la Kachgharie.* P. V.

¹¹ Антропологическая выставка Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 1. Заседания Комитета по устройству выставки в 1877 году. М.: Тип. М. Н. Лаврова, 1878. С. 356.

¹² Пьер Габриэль Эдуард Бонвало (1853–1933) – французский исследователь Центральной Азии и Тибета. В 1880–1882 гг. посетил русский Туркестан. В 1886 г. он отправился в Центральную Азию вместе с Гийомом Капусом и Альбером Пепином. Зимой 1886–1887 гг. они провели в Самарканде, пытаясь разработать маршрут, дающий возможность пересечь Памир с севера на юг и достигнуть Китая. При разработке этого маршрута Бонвало получил значительную помощь от начальника Самаркандского уезда Г.А. Арандаренко.

¹³ *Bonvalot G. Du Kohistan à la Caspienne: en Asie centrale.* Paris, 1885.

¹⁴ *Ujfalvy Ch. Les Aryens au nord et au sud de l'Hindou-Kouch.* Paris, 1896.

¹⁵ *Mme de Ujfalvy-Bourdon. De Paris à Samarkand. Le Ferghanah, le Kouldja et la Sibérie. Impressions de voyage d'une parisienne.* Paris, 1880. P. 219.

¹⁶ Ibid. P. 220.

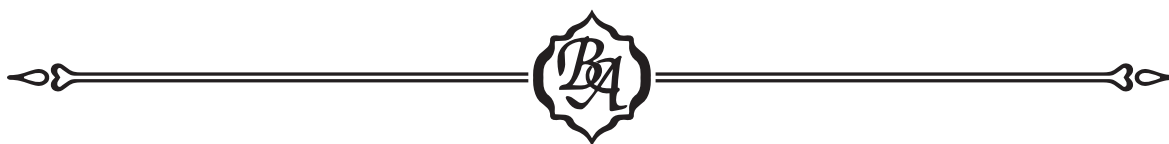
¹⁷ *Ujfalvy de Mezo-Kovesd, Ch.E. de. Expédition scientifique française en Russie, en Sibérie et dans le Turkestan. Vol. 1. Le Kohistan, le Ferghanah & Kouldja avec un appendice sur la Kachgharie.* P. 5.

¹⁸ Ibid. P. 5.

¹⁹ *Mme de Ujfalvy-Bourdon. De Paris à Samarkand. Le Ferghanah, le Kouldja et la Sibérie. Impressions de voyage d'une parisienne.* Paris, 1880. P. 220.

²⁰ *Ujfalvy Ch. Les Aryens au nord et au sud de l'Hindou-Kouch.* Paris, 1896. P. 139.

²¹ Дутар – традиционный двухструнный щипковый музыкальный инструмент у народов Центральной, Южной и Средней Азии.

²² Чанг – струнный музыкальный инструмент, похожий на арфу.

²³ *Ujfalvy Ch. Les Aryens au nord et au sud de l'Hindou-Kouch. Paris, 1896.*

²⁴ *Ibid. P. 149.*

²⁵ *Ujfalvy de Mezo-Kovesd, Ch.E. de. Expédition scientifique française en Russie, en Sibérie et dans le Turkestan. Vol. 1. Le Kohistan, le Ferghanah & Kouldja avec un appendice sur la Kachgharie. Paris, 1878. P. 22, note 2.*

²⁶ *Mme de Ujfalvy-Bourdon. De Paris à Samarkand. Le Ferghanah, le Kouldja et la Sibérie. Impressions de voyage d'une parisienne. Paris, 1880. P. 220-221*

²⁷ *Le Calloc'h B. Un couple d'explorateurs en Asie centrale – Charles et Marie de Ujfalvy // Mondes et cultures. Paris, 1986, XLVI-2. P. 301.*

²⁸ *Mme de Ujfalvy-Bourdon. De Paris à Samarkand. Le Ferghanah, le Kouldja et la Sibérie. Impressions de voyage d'une parisienne. P. 221-222.*

²⁹ Баронесса А. – супруга барона Иоганна-Фридриха-Густава Александровича Аминова (1844–1899), генерал-лейтенанта, участника Туркестанских походов и русско-турецкой войны 1877–1878 г. 16 февраля 1876 г. назначен помощником начальника Зеравшанского округа. В 1877 г. – председатель комиссии по определению и обеспечению государственной границы Российской империи с Бухарским ханством.

³⁰ *Mme de Ujfalvy-Bourdon. De Paris à Samarkand. Le Ferghanah, le Kouldja et la Sibérie. Impressions de voyage d'une parisienne. P. 222.*

³¹ *Ujfalvy de Mezo-Kovesd, Ch.E. de. Expédition scientifique française en Russie, en Sibérie et dans le Turkestan. Vol. 1. Le Kohistan, le Ferghanah & Kouldja avec un appendice sur la Kachgharie. Paris, 1878. С. 6-7.*

³² Великий князь Николай Константинович (1850–1918) – старший из детей великого князя Константина Николаевича, внук императора Николая I. С 1874 г. жил в русском Туркестане, занимался научными, общественными и благотворительными проектами. В 1877–1878 гг. возглавлял экспедицию, изучавшую возможность соединить удобным путём Туркестан и Россию. Изучал возможность поворота Амударьи в древнее русло Узбой. Автор работ «Водный путь в Среднюю Азию, указанный Петром Великим» и «О выборе кратчайшего направления Среднеазиатской железной дороги».

³³ *Ujfalvy de Mezo-Kovesd, Ch.E. de. Expédition scientifique française en Russie, en Sibérie et dans*

le Turkestan. Vol. 1. Le Kohistan, le Ferghanah & Kouldja avec un appendice sur la Kachgharie. P. 6.

³⁴ *Ibid. P. 11.*

³⁵ *Ibid.*

³⁶ *Ibid. P. 12.*

³⁷ Казий в Туркестане – судья, рассматривавший гражданские и уголовные дела у местного населения на основе шариата.

³⁸ *Ujfalvy de Mezo-Kovesd, Ch.E. de. Expédition scientifique française en Russie, en Sibérie et dans le Turkestan. Vol. 1. Le Kohistan, le Ferghanah & Kouldja avec un appendice sur la Kachgharie. P. 13.*

³⁹ *Ibid. P. 14.*

⁴⁰ *Ibid. P. 26.*

⁴¹ *Ibid. P. 27.*

⁴² Карл Германович Залеман (Karl Gustav Hermann Salemann; 1849 –1916) – российский филолог-иранист, специалист по истории и филологии среднеперсидского и согдийского языков, академик Петербургской академии наук (1895 г.), директор Азиатского музея Академии наук (1890–1916), тайный советник (1908 г.).

⁴³ Архив РАН. Ф. 87. Оп. 1. № 208. Корректировочные листы, 160 стр.

⁴⁴ *Залеман К. Новые материалы по ягнобскому языку // Записки Восточного Отделения Императорского Русского археологического общества. Том III. 1888. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1889. С. 128-129.*

⁴⁵ *Ujfalvy de Mezo-Kovesd, Ch.E. de. Expédition scientifique française en Russie, en Sibérie et dans le Turkestan. Vol. 1. Le Kohistan, le Ferghanah & Kouldja avec un appendice sur la Kachgharie. P. 14.*

⁴⁶ *Ibid. P. 21.*

⁴⁷ *Ibid. P. 22.*

⁴⁸ *Ibid.*

⁴⁹ Туркестанские ведомости, 1877. № 18. С. 72.

⁵⁰ *Mme de Ujfalvy-Bourdon. De Paris à Samarkand. Le Ferghanah, le Kouldja et la Sibérie. Impressions de voyage d'une parisienne. P. 227.*

⁵¹ *Ujfalvy de Mezo-Kovesd, Ch.E. de. Expédition scientifique française en Russie, en Sibérie et dans le Turkestan. Vol. 1. Le Kohistan, le Ferghanah & Kouldja avec un appendice sur la Kachgharie. P. 25.*

⁵² *Ibid. P. 37.*

⁵³ *Ibid. P. 26.*

⁵⁴ *Ibid. P. 28-32.*

⁵⁵ Гребёнкин Афанасий Давыдович (1840–1888) полковник, кавалер ордена Св. Георгия 4-й ст., участник Искандеркульской военно-научной экспедиции генерала А.К. Абрамова. Управляю-

ший канцелярии генерала Романовского; начальник Ура-Тюбинского района (1866 г.); начальник Катты-Курганского отдела (1871 г.); начальник Чимбайского участка Амударьинского отдела (1874 г.); Бийский уездный воинский начальник (1882 г.). Автор статей о таджиках Зеравшанской долины, сборников «Мелкие народности Зеравшанского округа» (Москва, 1872) и «Народы Средней Азии» (Санкт-Петербург, 1874). В 1872 г. награждён Малой серебряной медалью Императорского Русского географического общества.

⁵⁶ По возвращении во Францию 9 февраля 1878 г. Ш.-Э. Уйфальви был удостоен звания кавалера ордена Почётного легиона. Указом от 11 октября 1878 г. ему было предоставлено французское гражданство. Для завершения исследования Центральной Азии Ш.-Э. Уйфальви обратился 1 ноября 1879 г. во французское министерство народного просвещения с целью выполнения второй миссии (1880-1881). Запланированная экспедиция должна была включать в себя путешествие по Южной России, Кавказу, Армении, северо-западной Персии, стране туркмен, бассейну верхнего течения Аму-Дарьи, афганскому Туркестану и Памирскому нагорью. Проект, из которого был исключен Кавказ, был утвержден министерским указом от 29 июля 1880 г.; 4 февраля 1881 г. Уйфальви был вынужден прервать своё путешествие и вернуться в Париж. По возвращении началось разбирательство, в ходе которого участники экспедиции обвинили Уйфальви в махинациях. О них также сообщал начальник Зеравшанского округа генерал-майор Н.А. Иванов. Французское правительство расторгло контракт с Уйфальви на проведение экспедиции. С апреля по ноябрь 1881 г. Уйфальви самостоятельно путешествовал по Индии, Кашмиру и Малому Тибету. В конце 1884 г., страдая от слепоты, он оставил службу, в 1890 г. переехал в Лозанну, позже в Ниццу, а затем во Флоренцию. Ш.-Э. Уйфальви умер 31 января 1904 г.; 3 августа 1904 г. скончалась его супруга М. де Уйфальви-Бурдон [*Le Calloc'h B. Charles de Ujfalvy* (1842–1904), pionnier des études finno-ougriennes en France // *Études finno-ougriennes*, 1986–1987. № 20. Р. 32.].

⁵⁷ Антропологическая выставка Императорского Общества любителей естествознания, ан-

тропологии и этнографии. Т. 1. Заседания Комитета по устройству выставки в 1877 году. М.: Тип. М. Н. Лаврова, 1878. С. 357.

⁵⁸ Антропологическая выставка Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 1. Заседания Комитета по устройству выставки в 1877 году. М.: Тип. М. Н. Лаврова, 1878.

⁵⁹ *Ujfalvy Ch.* Les Aryens au nord et au sud de l'Hindou-Kouch. P. 123-124.

⁶⁰ *Capus G.* Le toit du monde (Pamir). Paris, 1890. P. 289.

⁶¹ Генри Ланселл (Henry Lansdell; 1841–1919) – британский протестантский миссионер и путешественник, член Королевского Азиатского общества, с 1876 г. член Королевского географического общества, с 1880 г. член Британской ассоциации содействия развитию науки. В 1882 г. совершил путешествие в русский Туркестан и Сибирь.

⁶² *Lansdell H.* Through Central Asia. London, 1887. P. 246.

⁶³ *Коротков Ф.* Поездка в горы Фальгара, Ягноба и на Искандеркуль // Туркестанские ведомости. 1877, № 30–32.; Коротков Ф. Базары в Нагорных тюменях Зеравшанского округа // Туркестанские ведомости. 1877, № 40–41.

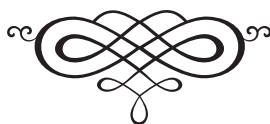
⁶⁴ *Аминов П.А.* Топографический очерк горной страны верховьев р. Зарафшана // МСТК. СПб.: Туркестанский стат. ком., 1874. С. 1–105.

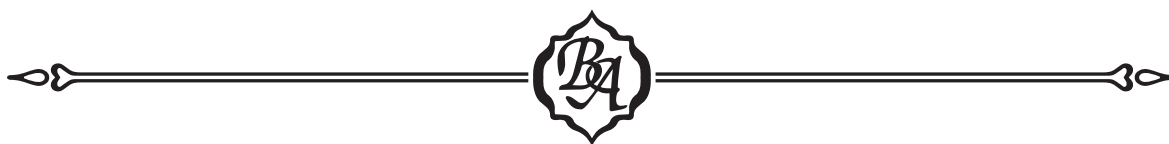
⁶⁵ *Федченко А.П.* Заметки о Магианском бекстве // МСТК. Вып. 2. СПб., 1873. С. 53–67.; Федченко А.П. Магианские, Фарабские и Кштутские владения // МСТК. Вып. 2. СПб., 1873.

⁶⁶ *Соболев Л.Н.* Географические и статистические сведения о Зеравшанском округе с приложением списка населённых мест округа. СПб, 1874.

⁶⁷ *Гребёнкин А.Д.* Заметки о Когистане // Туркестанские ведомости. 1872, №№ 21, 22, 23, 24, 25, 27, 30, 31, 32; *Гребёнкин А.Д.* Этнографический очерк Зеравшанского округа // Туркестанские ведомости. 1872, № 45; *Гребёнкин А.Д.* Краткие исторические заметки о бывших бекствах: Ургутском, Магианском, Фарабском и Кштутском // МСТК. Вып. 2. М., 1873.

⁶⁸ *Дынин В.В.* Очерк быта горцев верховьев Зеравшана // Известия Туркестанского отдела ИРГО. Ташкент, 1914. Т. X. Вып. 1. С. 37 – 124.

НАШИ АВТОРЫ

БОЖИНСКАЯ (Арандаренко) Людмила Васильевна – магистр химических наук, химик-аналитик (Ростов-на-Дону). E-mail: lvbor2017@mail.ru

БОРОШКО Сергей Леонидович – кандидат химических наук, предприниматель (Ростов-на-Дону). E-mail: sbolvex@rambler.ru

ГОКОВ Олег Александрович – кандидат исторических наук, доцент (Харьков, Украина). E-mail: gokovoa@gmail.com

ГРУШЕВОЙ Александр Гаврилович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург). E-mail: agrush@yandex.ru

РЫЖЕНКОВ Михаил Рафаилович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: rgadadir@mail.ru